

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

5/2023

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых** (Новосибирск), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Санкт-Петербург), к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокин** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (cand. of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (cand. of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **I. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Almaty), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof.), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Novosibirsk), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.

E-mail: ruzh@usla.ru.

electronic.ruzh.org.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Архипов С. И. (Екатеринбург)* Зарождение представлений о правовом прогрессе в России (XVIII - начало XIX в.) 5
- Селькова А. А. (Екатеринбург)* Социальные сети в профессиональной деятельности юриста: применять или избегать? 19

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Кокотова Д. А. (Екатеринбург)* Влияние выбора криминологических моделей на частоту внесения изменений в уголовный и уголовно-исполнительный кодексы 26
- Первухин А. С. (Екатеринбург)* К вопросу о совершенствовании ст. 264.2 УК РФ 41

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

- Недорезков В. В., Валишина Н. Р. (Уфа)* Администрирование банком России эталонной процентной ставки RUONIA 46

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

- Щербакова О. В. (Екатеринбург)* Правовое регулирование рабочего времени медицинских работников: анализ судебной практики 51

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

- Шарифулин А. А., Юсова К. В. (Москва)* Значение реализации прокурорами правового просвещения в отношении несовершеннолетних 61

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

- Костогрызова Л. Ю. (Екатеринбург)* Понимание и толкование права в законодательстве Восточной Римской империи VI-X вв. 70

ХРОНИКА

- Абдуллин А. И., Давлетгильдеев Р. Ш., Гибадуллин Т. Д., Поликарпова А. В. (Казань)* БРИКС, ШОС, ЕАЭС – магистральные векторы международно-правового сотрудничества: в Казани прошла очередная международная научно-практическая конференция в рамках казанского международного юридического форума 81

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Arkhipov S. (Yekaterinburg)* The emergence of ideas about legal progress in Russia (XVIII – early XIX c.) 5
- Selkova A. (Yekaterinburg)* Social media in the professional practice of a lawyer: to use or to avoid? 19

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Kokotova D. (Yekaterinburg)* Choice of criminological modalities as a factor of frequency of amendment to the Criminal Code and Penitentiary Code 26
- Pervukhin A. (Yekaterinburg)* On the issue of improving Art. 264.2 of the Criminal Code of the Russian Federation 41

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

- Nedorezkov V., Valishina N. (Ufa)* Administration of the reference interest rate RUONIA by the Bank of Russia 46

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Shcherbakova O. (Yekaterinburg)* Legal regulation of working time of medical workers: analysis of court practice 51

PROCURACY SUPERVISION

- Sharifulin A., Yusova K. (Moscow)* The meaning of the implementation of legal education in relation to minors by prosecutors 61

PAGES OF HISTORY

- Kostogryzova L. (Yekaterinburg)* Understanding and interpretation of law in the legislation of the Eastern Roman Empire of the VI–X c. 70

CHRONICLE

- Abdullin A., Davletgildeev R., Gibadullin T., Polikarpova A. (Kazan)* BRICS, SCO, EAEU – main vectors of international legal cooperation: the regular international scientific and practical conference was held in Kazan within the framework of the Kazan international legal forum 81

ЗАРОЖДЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРАВОВОМ ПРОГРЕССЕ В РОССИИ (XVIII – НАЧАЛО XIX в.)

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В статье исследуется, как западная идея социального прогресса в XVIII – начале XIX в. стала достоянием либеральной российской интеллигенции, отечественных правоведов, реформаторов и трансформировалась в представления о социально-правовом развитии России. Анализируются взгляды прогрессивных российских дореволюционных правоведов (С. Е. Десницкого, И. А. Третьякова, Я. П. Козельского, А. Н. Радищева, М. М. Сперанского и др.), а также отдельных российских монархов (Екатерины II, Александра I). Автор приходит к выводу о том, что культурная почва, социальная среда Российской империи (общинные традиции народа, «восточное» правовое сознание, патриархальный уклад) оказались не самыми благоприятными для осуществления западной идеи общественного прогресса. По этой причине многие правовые реформы, ориентированные на европейские идеалы, имели половинчатый, незавершенный характер. Тем не менее идея общественного прогресса, критически переосмысленная и модифицированная с учетом российских реалий, постепенно укоренилась в правовом сознании, определив дальнейший ход российской истории.

Ключевые слова: идея правового прогресса, правовое развитие, правовое сознание, факторы правового прогресса, правовое будущее России

Для цитирования: Архипов С. И. Зарождение представлений о правовом прогрессе в России (XVIII – начало XIX в.) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 5–18. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_5.

THE EMERGENCE OF IDEAS ABOUT LEGAL PROGRESS IN RUSSIA (XVIII – EARLY XIX C.)

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article examines how the Western idea of social progress in the XVIII – early XIX c. became the property of the liberal Russian intelligentsia, domestic jurists, reformers and transformed into ideas about the social and legal development of Russia. The views of progressive Russian pre-revolutionary jurists (S. E. Desnitsky, I. A. Tretyakov, Ya. P. Kozelsky, A. N. Radishchev, M. M. Speransky, etc.), as well as individual Russian monarchs (Catherine II, Alexander I) are analyzed. The author comes to the conclusion that the cultural soil, the social environment of the Russian Empire (the communal traditions of the people, the «eastern» legal consciousness, the patriarchal way of life) were not the most favorable for the implementation of the Western idea of social progress. For this reason many legal reforms focused on European ideals were of a half-hearted, incomplete nature. Nevertheless, the idea of social progress, critically rethought and modified taking into account Russian realities, gradually took root in the legal consciousness, determining the further course of Russian history.

Key words: the idea of legal progress, legal development, legal consciousness, factors of legal progress, the legal future of Russia

For citation: Arkhipov S. (2023) The emergence of ideas about legal progress in Russia (XVIII – early XIX c.). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 5–18, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_5.

Сформировавшаяся в западной культуре идея социального прогресса как объективного, закономерного всемирно-исторического процесса восхождения человечества от состояния природной дикости к цивилизации, к общественному устройству, основанному на принципах справедливости, разума и свободы, начиная с XVIII в. становится достоянием либеральной российской интеллигенции, отечественных правоведов. Вместе с университетскими профессорами, преподавателями правовых дисциплин, получившими юридическое образование в Германии, Великобритании, Франции, она вошла в отечественную юридическую науку и со временем укоренилась в ней. Эта идея была критически переосмыслена российскими правоведами с учетом национальных традиций, культуры народа, существующего социально-правового уклада. Она постепенно трансформировалась в разного рода концепции социально-правового развития России, стала своего рода «руководством к действию», к правовым преобразованиям, политическим реформам, а для некоторых радикально настроенных мыслителей – к революционному свержению власти.

Первый русский профессор права Московского университета С. Е. Десницкий в своих публикациях и выступлениях осторожно, осознавая опасность возможных обвинений в вольнодумстве, проводил мысль о том, что России следует идти по пути социально-правового прогресса. Им была сформулирована концепция четырех ступеней, состояний человеческого рода и соответствующих им отношений собственности. Первая ступень: люди занимаются ловлей зверей, сбором плодов, в данную эпоху отсутствуют законы, государство, нет представлений о собственности, господствуют дикие нравы. Вторая ступень: основное занятие – скотоводство, в этот период возникают простейшие представления о собственности и праве, объектом владения являются лишь движимые вещи, право собственности существует, пока сохраняется владение вещью, доминирует общая, совместная собственность. Третья ступень – хлебопашеская, объектом собственности становится земля (недвижимость), собственность отделяется от владения, происходит ее индивидуализация, право собственности понимается как полное и исключительное господство лица над вещью. Четвертая ступень – коммерческое (современное) состояние общества, она предполагает принцип свободы собственности, появление новых, ранее не известных объектов собственности, обусловленных развитием ремесел и промышленного производства, новых способов ее правовой защиты, а также возможностей отчуждения (в том числе посредством новых видов договоров)¹.

Примечательно, на наш взгляд, то, что С. Е. Десницкий наряду с правомочиями собственника «употреблять свою вещь по произволению» и отчуждать ее «кому кто хочет, при жизни и по смерти» также выделял право «взыскивать свою вещь от всякого, завладевшего ею несправедливо»². Это одна из первых попыток в правовой истории России выйти за рамки субъект-объектного понимания собственности (как отношения лица к вещи). Включение в триаду правомочий собственника права взыскивать свою вещь предполагает субъект-субъектное понимание собственности, отношение собственника не к вещи, а к государству как гаранту, защитнику собственности и через него – к третьим лицам. Такой подход создает предпосылки для «социализации» собственности, кардинального изменения существующих ныне правоотношений собственности.

В предложенной С. Е. Десницким концепции четырех состояний человечества правовые отношения собственности выступают не просто отражением социального прогресса, а его важнейшим, узловым пунктом. Развивая мысль автора, можно прийти

¹ Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какия имеют народы о собственности имения в различных состояниях общежителства. На высокаторжественный день рождения ея императорскаго величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския / Говоренное в торжественном Императорскаго Московскаго университета собрании апреля 21 дня, 1781 года, юриспруденции доктором и профессором Семеном Десницким. М.: Унив. тип. Н. Новикова, 1781.

² Там же. С. 9.

к выводу о том, что социальный прогресс есть прогресс правовой (в западной культуре эта идея получила теоретическое обоснование в трудах Шеллинга и Гегеля лишь в XIX в.), прежде всего отношений собственности. Правоотношения собственности есть тот кульминационный пункт, который позволяет не только определить наличие социального прогресса, но расчленить его на отдельные этапы. Российский правовед полагал, что из собственности «вырастает» политический строй, различные виды государственных правлений.

С. Е. Десницкий предлагал «приспособить» западную теорию разделения властей к российским реалиям, учредить в государстве четыре власти: законодательную, судительную, наказательную и гражданскую. Законодательная (высшая) власть должна принимать, дополнять, изменять и отменять законы; она принадлежит монарху и «служащим государю» сенаторам. Задача судительной власти – рассматривать и принимать решения по уголовным и гражданским делам. Наказательная власть призвана исполнять судебные решения. Гражданская власть планировалась им для решения городских дел (для организации городской торговли, контроля за вексельным обращением, освещением и ремонтом улиц, для осуществления архитектурного надзора, надзора за сбором торговых пошлин и т. д.)¹.

Российский правовед писал о святости права, о необходимости обеспечения свободы, организации и практического осуществления «надлежащего и действительно правосудия»², отстаивал идею создания университетской науки законотворческого искусства, являющейся, по его мнению, «наиблагороднейшей»³, а также осуществления систематизации права. Он был последовательным сторонником развития правовой теории, преподавания наряду с практическими дисциплинами теоретических курсов, предметом которых будет изучение принципов права, основных правовых начал, технологии законодательной деятельности.

Особое внимание С. Е. Десницкий уделял вопросу правового положения женщины в социальной сфере и в семье, призывал к изменению посредством права и просвещения народных нравов, к гуманизму, человеческому отношению к женам, детям, к искоренению варварских обычаев унижения достоинства женщин, насильственного подчинения ее власти мужа⁴. Российский ученый полагал необходимым установление юридической защиты «слабого пола» для избавления его от всех форм дискриминации, ратовал за равные права женщин и мужчин в России.

Вместе с С. Е. Десницким юридическое образование в Великобритании (в университете Глазго) получил другой будущий профессор МГУ – И. А. Третьяков, защитивший диссертацию по римскому праву. В его публикациях идея социально-правового прогресса получила оригинальное развитие. В «Слове о римском правлении»⁵ он описывал историю Рима как сложный процесс зарождения, развития и упадка государства

¹ Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 99–142.

² Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах. На высокoтoржественный день рождения ее императорского величества, всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской / Говоренное в торжественном Императорского Московского университета собрании апреля 22 дня, 1778 года, юриспруденции доктором и публичным ординарным профессором Семеном Десницким. М.: Унив. тип., 1778. С. 11–22.

³ Там же. С. 26.

⁴ Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оногo приведенным быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими. На высокoтoржественный день восшествия на всероссийский престол ее императорского величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския / Говоренное в торжественном Императорского Московского университета собрании июня 30 дня, 1775 года, юриспруденции доктором и профессором Семеном Десницким. М.: Унив. тип., 1775. С. 28.

⁵ См.: Третьяков И. А. Слово о римском правлении и о разных оногo переменах / В публичном собрании Императорского Московского университета, бывшем, для всерадостнаго дня восшествия на всероссийский престол ее императорского величества, всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, говоренное онагож Университета свободных наук магистром и юриспруденции доктором и профессором Иваном Третьяковым июня 30 дня, 1769 года. М.: Унив. тип., 1769.

и социально-правового строя. Основатели Рима, «не лучшие люди», воров, разбойники, промышленявшие грабежом, создали государство, которое соответствовало их разбойничьему типу сознания. Оно в конечном счете определило его воинственную природу, внутреннее устройство и внешние функции. По мнению И. А. Третьякова, римское правление можно разделить на три периода: королевский (аристократический), народный (республиканский), имперский. Первый период – зарождения и развития государства, права; второй период – это эпоха расцвета политических и правовых институтов, формирования зрелого правового сознания народа; третий период – разложения государственно-правового строя, деградации общества, разращения народных нравов.

Российский ученый историю римского народа представил как циклический процесс: зарождения, прогресса, деградации (регресса) и гибели народа как социально-правовой общности. Заключение в его историческом экскурсе идея цикличности социально-правового развития народов, наций, на наш взгляд, выбивается из общего русла западноевропейских представлений XVIII в. об общественном прогрессе как поступательном развитии социума от низшего к высшему (линейная теория прогресса). Можно предположить, что при написании «Слова о римском правлении» И. А. Третьяков руководствовался не известной ему абстрактной идеей общественного прогресса, а конкретным историческим материалом, который привел его к тем же выводам, что и итальянского мыслителя Дж. Вико, утверждавшего, что все народы, нации в своем поступательном, закономерном движении проходят одинаковый путь: зарождения, движения вперед, достижения состояния зрелости, затем упадка и гибели¹.

В «Слове о учреждении университетов в Европе» И. А. Третьяков рассуждал о значении науки и учебных заведений в общественном прогрессе. Научное знание, по его мнению, существенно способствует развитию общества и человека. Достижения медицины, химии, минералогии, других точных наук оказывают непосредственное влияние на жизнь людей, на их благополучие. Социальные же науки способствуют духовному возвышению человека. Особое место среди них, как полагал российский ученый, занимает римская юриспруденция («она с небес ниспослана»), открывающая «четвертый путь к снисканию власти»². Юридическое образование должно воспитывать, оказывать позитивное влияние на человеческие нравы, отвращать от вредных обществу намерений, убеждать в святости прав, определять благие социальные устремления.

Проблемы экономического развития общества, материального благополучия народов И. А. Третьяков анализировал в «Рассуждении о причинах изобилия и медлительного обогащения государств». К числу главных причин материального богатства народов российский правовед относил разделение труда и создание различных промышленных производств. Возрастание человеческих потребностей приводит к появлению новых видов товаров и услуг, к новым промышленным изобретениям, техническим устройствам. Разделение труда способствует увеличению производства товаров, повышению их качества. Важным условием развития промышленного производства в европейских странах (особенно в Англии и Голландии), по его мнению, была банковская система, обеспечившая «цветущее состояние», экономическое благополучие этих стран. Причины бедности народов он усматривал в «натуральных препятствиях», а также в политических (гражданских) обстоятельствах. Ко вторым он относил отсутствие или слабое покровительство экономической деятельности граждан со стороны власти, ее неспособность защитить народ от внешней агрессии. Там, где власть не создает необходимых учреждений и стимулов для экономической активности людей, там в народе наступает «унылость духа и великое отвращение от трудолюбия»³.

¹ См. подробнее: *Архипов С. И.* Концепция социально-правового развития наций Дж. Вико // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. С. 5–13. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_3_5.

² *Третьяков И. А.* Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 275.

³ *Третьяков И. А.* Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 303.

Также к числу сторонников идеи социально-правового прогресса можно отнести Я. П. Козельского, который по своему образованию не был юристом, однако учение о праве входило в сферу его научных интересов. Оценивая законотворчество с точки зрения естественноправового подхода, российский ученый видел в праве «основание всякого доброго»¹, оно должно заключать в себе справедливость. Юриспруденция как часть нравоучительной философии должна быть наукой о человеческом благополучии.

Общество, по представлениям Я. П. Козельского, должно в целях своего развития учитывать опыт других народов, причины их возвышения и падения, извлекая из этого пользу. Однако непристойно слепо копировать чужую социальную политику, брать ее за эталон, следует искать свой собственный путь, основанный на сформировавшихся в народе представлениях о разуме и добродетели². Исходя из этого посыла, он стремился критически переосмыслить опыт Запада, его социально-правового развития, а также тех политико-правовых идей, которые были высказаны Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, другими просветителями.

Западная философия, по мнению российского мыслителя, предпочитает добродетели разум, для западного человека социально-правовой прогресс – это прогресс разума. Я. П. Козельский же призывал прежде всего стремиться к добродетели, будущее России он видел в нравственном мироустройстве. Добродетель в праве достигается через «соединение особенной пользы каждого человека с общею пользою всех»³, законы должны совмещать в себе общее с особенным. Кроме того, необходимо стремиться к согласию между добродетельными законами и обычаями, прививающими людям положительные наклонности, от этого зависит благополучие общества.

Плохие учреждения, законы, обычаи способны порождать преступления, безнравственные поступки. Хорошие законы, учреждения и обычаи, как полагал Я. П. Козельский, напротив, способны воспитывать людей, исправлять дурные нравы. В основе европейского сознания и европейской политики, по его мнению, лежит жажда обогащения за счет других народов⁴, эта необузданная страсть разлагает общество. Законы же и нравственные обычаи должны обуздать ее, прививать народу умеренность. Также законы должны ограничивать произвол родителей в отношении детей, не допускать жестокости в обращении с ними, несправедливости при определении наследников, лишения наследства без уважительных причин.

По убеждению Я. П. Козельского, общество необходимо беречь от конфликтов, войн. Он был последовательным противником культивирования войны как средства решения политических задач (хотя и был профессиональным военным), более того, выступал против признания в качестве особого вида прав «военного права», которое «никогда не было, не есть и не будет правом»⁵. В учебниках истории, как справедливо отмечал российский мыслитель, война нередко рассматривается как необходимое и законное дело, «все истории наполнены военными делами, военными упражнениями и военными хитростями, а о полезных законах, добрых учреждениях, честных обычаях и других добродетелях мало упоминается»⁶. Он оценивал войну как пагубное для человеческого рода занятие, в качестве средства сохранения внешней безопасности общества рекомендовал доброе и справедливое обхождение с другими народами, налаживание союзных, договорных отношений с ними.

Среди прогрессивных российских мыслителей XVIII столетия можно назвать А. Н. Радищева. Его «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790) – знаковое событие в дореволюционной России. Высказанные в нем идеи стали своего рода манифестом, декларацией революционных намерений радикально настроенных социальных групп.

¹ Козельский Я. П. Философические предложения, сочиненные надворным советником и Правительствующего сената секретарем Яковым Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 348, 354.

² Там же. С. 419.

³ Там же. С. 411.

⁴ Там же. С. 424.

⁵ Там же. С. 355.

⁶ Козельский Я. П. Предисловие и примечания к переводу «Истории датской» Гольберга // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 313. См. также: Козельский Я. П. Предисловие к переводу книги Шоффина «История славных государей и великих генералов» // Там же. С. 307–311.

Интерес к данному произведению и к его автору сохранился в советский период, его воззрения по своему «духу» оказались близки «партии революционеров». Российская общественность, отдавая должное политико-философским представлениям автора «Путешествия», на наш взгляд, не оценила по достоинству его научные произведения, где он проявил себя в качестве выдающегося правоведа своей эпохи. За фигурой «первого русского революционера», «бунтовщика» для многих сторонников его политических идей остался незамеченным талантливый правовой деятель и мыслитель.

В своей работе «Опыт о законодательстве» А. Н. Радищев утверждал, что цель закона «состоит в том, чтобы нравы были непорочны, вера чиста и действительна, чтобы природная вольность была ненарушима... словом, чтобы каждый столько был благополучен, сколько то дозволит существо и совершенство целого государства»¹. В данном тезисе российского правоведа заключена идея совмещения в законе двух крайних, противоположных человеческих стремлений: к свободе, понимаемой как природная («бунтарская», пугачевская) вольница, и к созданию нравственной целостности – справедливого государства (сопряжения посредством права центробежных и центростремительных социальных сил). Частные интересы гражданина и общее благо народа должны быть приведены законодателем к единому знаменателю, учтены и реализованы в праве.

Власть народа, по мнению А. Н. Радищева, является первоначальной и высшей по отношению к другим властям. Власть государя производна от власти народной, он существует для своего народа, должен служить ему, творить пользу общую, поэтому не только наделен правами, но и несет обязанности: 1) учреждать законы во благо народа и отдельных граждан; 2) стараться, чтобы суд осуществлялся в соответствии с законами; 3) чтобы законы исполнялись всеми². Не государь, а только всеобщий закон вправе отнять у гражданина его собственность, свободу, честь или жизнь.

Закон положительный не должен нарушать закон естественный, юридические нормы должны соответствовать правовой природе. Необходимо, чтобы посредством положительного закона осуществлялись естественные права, свободы граждан. С точки зрения естественного закона каждый человек, явившийся на свет, равен другому. У него есть стремления, обусловленные человеческой природой: жить, искать пропитание, требовать личной безопасности, свободы и др. «Данное нам природою право никогда истребится не может, потому что основано на необходимой нужде... Се основание закона естественного»³.

Теоретические представления А. Н. Радищева о праве и законе получили дальнейшее развитие в его практической деятельности, в подготовленных им проектах нормативных актов. В проекте гражданского Уложения идея правовой свободы российского мыслителя воплотилась в конкретные правовые формы. Применительно к отношениям собственности он задолго до принятия кодекса Наполеона, «освободившего собственность», предлагал закрепить в Уложении два важнейших пункта: 1) собственностью «называется то, когда кто имеет право исключительно пред другими распоряжаться вещию или правом по своей собственной власти сам собою или через другого»; 2) «всякий принадлежащий к обществу может собственность приобретать сам или чрез другого по той единственной причине, что он к обществу принадлежит и есть его член»⁴.

В данном проекте принципиально отвергнута сама идея феодальной (разделенной, расщепленной) собственности, право собственности – это правовой монолит свободы. Собственность, по убеждению автора документа, есть то, что человек имел в виду, вступая в общество, «собственность стала посредством одного такая гражданина принадлежность, что умалить права его... было бы истинное нарушение начального

¹ Радищев А. Н. Опыт о законодательстве // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 433–434.

² Там же. С. 445.

³ Там же. С. 438.

⁴ Радищев А. Н. Проект гражданского Уложения // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 515. Из понятия собственности, по мнению автора проекта, проистекают права: а) владения, б) употребления (пользования), в) отчуждения (Там же. С. 516).

общественного договора»¹. Свобода собственности была подкреплена в его проекте Уложения принципом свободы завещания.

Вторая форма правовой свободы была предложена А. Н. Радищевым применительно к обязательственным отношениям. Он, опережая время, стремился узаконить в гражданском праве принцип свободы договора: «Свобода делать договоры, какие кто пожелает, не должна иначе ограничиваема быть, как правосудием, добрыми нравами, общей пользою. Что сему не противно, то должно быть дозволено»². Напомним, что лишь в современном российском Гражданском кодексе эта идея свободы договора получила законодательное закрепление, стала реальностью.

Третья форма правовой свободы касается личных неимущественных прав, она нашла отражение в «Опыте законодательства», затем в «Проекте для разделения Уложения российского». А. Н. Радищев предложил разделять права граждан на «права единственные» и «права относительные». Права единственные принадлежат каждому отдельному гражданину независимо от его социальных связей, состояний (обусловлены непосредственно «природой»); права относительные – это те, которые человек имеет как член общества, они возникают из его социальных коммуникаций. К первым он относил: а) личную безопасность (сохранность); б) личную свободу (вольность, предполагающую всеобщее равенство, запрет наказаний без суда, право арестованного на срок более трех дней требовать совестного суда); в) право собственности (данное право, на наш взгляд, выбивается из ряда, поскольку оно касается не самой личности, а ее имущества, кроме того, по признанию самого А. Н. Радищева, право собственности в России не было всеобщим³). К относительным правам он причислял права, которые имеют представители разных сословий. Реестр личных прав граждан был им в дальнейшем расширен в «Проекте для разделения Уложения российского», он включил в него свободу мысли, слова, деяний, самозащиты и др.⁴

Оценивая творческое наследие А. Н. Радищева, можно утверждать, что это был не только идейный революционер, бросивший в одиночку вызов российскому самодержавию, но и талантливый правовед, юрист, чьи идеи заслуживают пристального изучения, а разработанные им проекты законодательных актов значительно опередили время.

Наконец, самой заметной фигурой среди российских ученых, прогрессивных правовых деятелей XVIII – начала XIX в., на наш взгляд, был М. М. Сперанский – теоретик права, основоположник отечественной юридической науки и главный идеолог правовых реформ в дореволюционной России. Как утверждал В. О. Ключевский, он «был Вольтер в православно-богословской оболочке»⁵, «очень заметное явление в нашей политической истории... цветок духовно-академического воспитания и цветок очень редкий, потому что старая духовная академия не каждый год выращивала такие диковинки. Сперанский был идеолог, как говорили в то время, или теоретик, как говорим мы»⁶.

Анализируя тенденции социально-правового развития Европы и России, М. М. Сперанский пришел к выводу о том, что Россия находится в общем цивилизационном потоке, проходит те же ступени, что и западный мир: «На развалинах первой феодальной системы образовалась вторая, которую можно назвать феодальным самодержавием; в ней остались еще следы первых установлений, но сила их совершенно изменилась. Правление было еще самовластное, но не раздельное. Ни политической, ни гражданской свободы еще не было, но в той и другой положены уже были основания»⁷. В Европе катализатором процесса перехода от одной формы феодальной системы

¹ Радищев А. Н. Проект гражданского Уложения. С. 527.

² Там же.

³ Радищев А. Н. Опыт о законодательстве. С. 442.

⁴ Радищев А. Н. Проект для разделения Уложения российского // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей. С. 479.

⁵ Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть 5 // Ключевский В. О. Соч.: в 9 т. Т. 5. М.: Мысль, 1989. С. 199.

⁶ Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Часть третья. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1902. С. 348.

⁷ Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов // План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М.: Издание «Русской мысли», 1905. С. 18.

к другой (к самодержавию), по его мнению, были Крестовые походы, укрепившие королевскую власть; в России таким катализатором стали «татарские походы».

По мере развития просвещения, науки, торговли феодальная система в существующем ныне политическом противоборстве должна уступить свое место системе республиканской. России уготовлен переход от феодального правления к республиканскому, в ней уже есть внутреннее стремление к свободе, зреют ростки нового социального устройства. В концепции М. М. Сперанского главным новатором является время, понимаемое им в социально-историческом плане – как отражение социальной динамики, этапов, стадий культурного, духовного взросления общества. Идея времени пронизывает его рассуждения о социальном прогрессе, о предпосылках и условиях проведения законодательных реформ: «Во всех сих превращениях время и состояние гражданского образования были главным действующим началом. Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ему воспалило только страсти, произвело волнения, но не остановило перелома. Сколько бедствий, сколько крови можно бы было сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа, сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли к правлению, но правление к состоянию народа»¹.

Идея в целом конструктивная, однако историческое время как фактор социального развития, социальная сила, на наш взгляд, предполагает и прямо противоположный процесс – общественный регресс. Оно является «действующим началом» для дальнейших социальных «превращений», поскольку включает в себе накопленную на предыдущих стадиях исторического движения «энергию социального прогресса». Но историческое время может аккумулировать и негативную энергию, нести потенциальную угрозу социального разложения, упадка, нравственно-правового регресса общества (как, например, было в период «заката» Древнего Рима). Признавая за временем способность нести социальный прогресс, надо признавать и возможность обратного. Там, где нет прогресса и регресса, нет исторического времени, нет социальной истории.

Даже в советской и современной науке кроме общих рассуждений и констатаций специфичности социального времени² процесс познания данного феномена почти не продвинулся, понятие социального времени все еще остается непродуктивным, у М. М. Сперанского же, на наш взгляд, есть понимание не только особенности социального времени, но и принципиального различия его протекания в разных социально-правовых системах. В феодальных системах, включая самодержавную Россию, оно течет медленно, почти «стоит на месте», социальный уклад не позволяет проводить быстрые преобразования. В западном же мире, где общество состоит из социальных атомов, политические реформы и правовые преобразования осуществляются быстрее, время «ускоряется» (данное обстоятельство отмечал также Ж. А. Кондорсе), здесь возможны кардинальные перемены. Социальное время, с позиции М. М. Сперанского, предполагает границы, пределы допустимого для политических и правовых преобразований. Оно может тормозить, а может способствовать проведению реформ, выступая своего рода социальным деятелем.

Социальные преобразования, законодательные реформы в России, по мысли ученого, должны соответствовать эпохе, не опережать историческое время. В качестве примера несоответствия законодательных намерений объективным социальным условиям, состоянию гражданского общества он приводил реформы Екатерины II: «Все то, что в других государствах введено было для образования генеральных штатов; все то, что в политических писателях того времени предполагалось наилучшего для успехов свободы; наконец, почти все то, что после, двадцать пять лет спустя, было сделано во Франции для открытия последней революции, – все почти было ею допущено при образовании Комиссии Законов. Созваны депутаты от всех состояний, и созваны в самых строгих формах народного законодательного представления, дан наказ, в коем содержалось сокращение лучших политических истин того времени, употреблены были великие пожертвования и издержки... но все сие столь было тщетно, столь незрело и столь преждевременно, что одно величие предприятий и блеск

¹ Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов. С. 19.

² См., например: Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. С. 141.

деяний последующих едва могли только сохранить сие установление от всеобщего почти осуждения¹. Он также приводил другие примеры поспешных социально-правовых преобразований в России.

Учитывая негативный опыт своих предшественников-реформаторов, М. М. Сперанский сформулировал несколько важных признаков-критериев своевременности правовых преобразований, которые позволяют законодателю «определить истинную точку расстояния» в исторической системе координат. Во-первых, законодательные реформы должны соответствовать состоянию общественного сознания, учитывать перемены «в предметах народного уважения», быть в русле движения общественной мысли, отвечать устремлениям и чаяниям народа. Во-вторых, учитывать состояние власти в смысле не только возможности физического принуждения к исполнению законов, но и ее морального авторитета; образ государственного правления должен соответствовать образу мыслей народа. В-третьих, реформы должны иметь твердый нормативный порядок, предполагающий «невозможность частных исправлений», т. е. изменения общего порядка отдельными решениями самодержца или других лиц. В-четвертых, наличие всеобщего неудовольствия, состояния «пресыщения и скуки от настоящего вещей порядка»², когда дух народный жаждет социальных перемен (четвертый критерий, на наш взгляд, есть дальнейшее развитие первого). Таким образом, в сформулированных М. М. Сперанским четырех признаках-критериях своевременности правовых преобразований даны важные ориентиры для законодателя, позволяющие достичь успеха в проведении социально значимых реформ.

Оценивая состояние российского общества сквозь призму предложенных им индикаторов, российский правовед пришел к выводу о том, что существующая система государственного правления не соответствует состоянию общественного духа, что настало время ее изменить, основать новый порядок вещей. Состояние всеобщего рабства (для отдельных групп населения рабства политического, а для помещичьих крестьян – одновременно и политического, и гражданского), в котором оказалась самодержавная Россия, более нетерпимо³, необходимы кардинальные перемены. Самодержавие должно быть заключено в правовые рамки: «Общий предмет преобразования состоит в том, чтобы правление, доселе самодержавное, постановить и учредить на... законе»⁴. При этом он призывал к тому, чтобы не сводить правовые преобразования только к внешним юридическим формам, сохраняя ту же силу и то же пространство самодержавия, но реально ограничить власть монарха законом.

Руководствуясь естественноправовыми идеалами, М. М. Сперанский утверждал, что верховная власть установлена для защиты правды, принимаемые ею законы должны формировать нравственный общественный порядок, «законы общежительные не действительны, когда они противны законам естественным; они, по самому существу их... приложение законов естественных»⁵. Народ должен участвовать в составлении законов, если не всех, то по крайней мере коренных, «всякое законное правительство должно быть основано на общей воле народа»⁶.

Признавая заслуги М. М. Сперанского как теоретика права, одного из основоположников отечественной юридической науки, следует отметить, что его особое место и роль в истории России в конечном счете обусловлены практическим осуществлением его правовых идей, деятельностью в качестве идеолога-реформатора государственного и общественного строя. Как справедливо отметил В. А. Томсинов, он является творцом многих государственных преобразований: М. М. Сперанский разработал план модернизации государственного строя Российской империи, он продумал и под его руководством были подготовлены проекты Полного собрания законов

¹ Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов. С. 22–23.

² Там же. С. 29.

³ В записке «О коренных законах государства» М. М. Сперанский писал: «Я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов». См.: Сперанский М. М. О коренных законах государства. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korenyuh_zakonah.html (дата обращения: 22.12.2023).

⁴ Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов. С. 30–31.

⁵ Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. С. 39–40.

⁶ Сперанский М. М. О коренных законах государства. .

и Свода законов, проект Манифеста «Об учреждении министерств» (утвержденный в 1802 г.), план первой в русской истории конституции страны, проект гражданского Уложения, многие другие законопроекты; также ему принадлежат идеи создания Государственной думы как особого законодательного органа (осуществлена в XX в.), учреждения императорского училища правоведения (создано в 1835 г.) и т. д.¹ Своей практической деятельностью в качестве правового реформатора М. М. Сперанский внес существенный вклад в социально-правовое развитие России.

В советской юридической и политической литературе к числу прогрессивных правовых мыслителей дореволюционного периода по идеологическим соображениям не принято было относить российских монархов, в общественном сознании сформировалась своего рода презумпция реакционности самодержавия. В современном российском обществе негативное отношение к институту монархии, к российским самодержцам постепенно меняется, происходит переосмысление и переоценка роли каждого отдельного главы государства в истории страны, его правовых и политических представлений, идеалов, совершенных им государственных преобразований. Как уже отмечалось ранее, некоторые инициативы российских монархов опережали историческое время.

В частности, это касается Наказа² Екатерины II, в котором она воплотила наиболее смелые, «крамольные», идеи западных мыслителей. Как призналась сама императрица в письме Жанну Д'Аламберу: «Я на пользу моей империи обобрала президента Монтескье, не называя его. Надеюсь, что если бы он с того света увидел меня работающую, то простил бы эту литературную кражу во благо двадцати миллионов людей»³. Хотя в данном письме заключена значительная доля лукавства (как явствует из Наказа, для Екатерины II ценность идеи самодержавия перевешивала ценность всех самых прогрессивных правовых идей), стремления приукрасить свою реформаторскую деятельность, тем не менее сам факт издания такого акта (формально он не имел силу действующего закона, но на практике им руководствовались законодатели и судебные органы), где значительная часть положений есть пересказ или прямое цитирование Монтескье (заимствовано 294 статьи) и Ч. Беккария (заимствовано 108 статей), – это весьма значимое событие в правовой истории самодержавной России. Неслучайно С. Е. Десницкий, И. А. Третьяков и другие прогрессивные российские правоведы весьма позитивно оценили данный документ.

К числу заслуг Екатерины II как реформатора государственного и общественно-государственного строя страны также можно отнести: создание Уложенной комиссии (1767) для осуществления систематизации законов; принятие Жалованной грамоты городам (1785), закрепившей права и привилегии «третьего сословия»; утверждение манифеста о свободе предпринимательства (1775); проведение реформы в области школьного образования (1782–1786); основание Российской академии для изучения филологических и других гуманитарных наук, Публичной библиотеки, Вольного экономического общества, Эрмитажа, Смольного и Новодевичьего институтов, других образовательных и культурных учреждений.

Также среди российских монархов – прогрессивных правовых мыслителей, реформаторов можно выделить Александра I. Он был инициатором тех преобразований, которые успешно, хотя и не в полной мере осуществил М. М. Сперанский. В планы императора входило: кардинальное реформирование существовавшей в тот период системы центрального и местного государственного управления, разработка и принятие первой российской конституции; упорядочение, систематизация законодательных актов. Часть этих планов, как отмечалось ранее, удалось реализовать благодаря усилиям М. М. Сперанского, идеи же конституционной реформы, принятия некото-

¹ Томсинов В. А. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

² См.: Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. 334 с. Составитель данного издания Н. Чечулин оценил Наказ как памятник «исключительного значения. Он важен как первая попытка положить в основу законодательства выводы и идеи просветительной философии» (Там же. Введение. С. I).

³ Письмо Екатерины II Д'Аламберу от 1765 г. // Сборник Русского исторического общества: в 148 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. Т. 10. С. 31.

рых важных актов (гражданского и других уложений) не были воплощены в жизнь. Кроме того, неосуществленными остались мечты молодого Александра I отменить в России крепостное право, лишь в Прибалтике (в Остзейском крае Российской империи) крестьяне по его инициативе были освобождены от крепостной зависимости.

Таким образом, в XVIII – начале XIX в. западная идея социального прогресса постепенно «прорастала» в сознании российских правоведов, общественных деятелей, а также монархов, трансформируясь то в идею «просвещенного самодержавия», то в мысль о необходимости его революционного свержения, то в идею закономерного, поступательного социально-правового развития в духе исторического времени. Культурная почва и социальная среда в Российской империи для идеи общественного прогресса оказались не самыми благоприятными. Общинные традиции народа, соответствующий им патриархально-государственный строй – не лучшая основа для ее взращивания. Неслучайно, на наш взгляд, либерально настроенные правовые деятели-реформаторы, в том числе российские монархи, сталкиваясь с мощным противодействием социальной среды, вынуждены были лавировать, искать компромиссы, отказываться от своих первоначальных замыслов, принимать половинчатые решения. Тем не менее процесс правовой эмансипации общества был запущен, феодальная система, как справедливо отмечал М. М. Сперанский, была обречена уступить свое место в России новому социальному мироустройству.

Список литературы

Архипов С. И. Концепция социально-правового развития наций Дж. Вико // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 3. С. 5–13. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_3_5.

Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973. 270 с.

Десницкий С. Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 99–142.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов и о совершенстве, к какому оно приведено быть кажется последовавшими народами просвещеннейшими. На высокаторжественный день восшествия на всероссийский престол ея императорскаго величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския / Говоренное в торжественном Императорскаго Московскаго университета собрании июня 30 дня, 1775 года, юриспруденции доктором и профессором Семеном Десницким. М.: Унив. тип., 1775. 31 с.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законоискусства, и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах. На высокаторжественный день рождения ея императорскаго величества, всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийской / Говоренное в торжественном Императорскаго Московскаго университета собрании апреля 22 дня, 1778 года, юриспруденции доктором и публичным ординарным профессором Семеном Десницким. М.: Унив. тип., 1778. 42 с.

Десницкий С. Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имени в различных состояниях общежителства. На высокаторжественный день рождения ея императорскаго величества всепресветлейшия державнейшия великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския / Говоренное в торжественном Императорскаго Московскаго университета собрании апреля 21 дня, 1781 года, юриспруденции доктором и профессором Семеном Десницким. М.: Унив. тип. Н. Новикова, 1781. 20 с.

Ключевский В. О. Курс русской истории. Часть 5 // Ключевский В. О. Соч. в 9 т. Т. 5. М.: Мысль, 1989. 476 с.

Ключевский В. О. Лекции по русской истории. Часть третья. СПб.: Тип. В. Ф. Киршбаума, 1902. 539 с.

Козельский Я. П. Предисловие и примечания к переводу «Истории датской» Гольберга // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 312–317.

Козельский Я. П. Предисловие к переводу книги Шоффина «История славных государей и великих генералов» // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 307–311.

Козельский Я. П. Философические предложения, сочиненные надворным советником и Правительствующего сената секретарем Яковым Козельским в Санкт-Петербурге 1768 года // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 338–430.

Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. 334 с.

Письмо Екатерины II Д'Аламберу от 1765 г. // Сборник Русского исторического общества: в 148 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872. Т. 10. С. 29–31.

Радищев А. Н. Опыт о законодательстве // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 433–454.

Радищев А. Н. Проект гражданского Уложения // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 484–555.

Радищев А. Н. Проект для разделения Уложения российского // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 479–483.

Сперанский М. М. Введение к уложению государственных законов // План государственного преобразования графа М. М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.). М.: Издание «Русской мысли», 1905. С. 1–120.

Сперанский М. М. О коренных законах государства. URL: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korenykh_zakonah.html (дата обращения: 22.12.2023).

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1845. 171 с.

Томсинов В. А. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. URL: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf (дата обращения: 22.12.2023).

Третьяков И. А. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 298–304.

Третьяков И. А. Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях... // Юридические произведения прогрессивных русских мыслителей / под общ. ред. С. А. Покровского. М.: Госюриздат, 1959. С. 267–277.

Третьяков И. А. Слово о римском правлении и о разных онаго переменах / В публичном собрании Императорского Московского университета, бывшем, для всерадостного дня восшествия на всероссийский престол ея императорского величества, всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни императрицы Екатерины Алексеевны, самодержицы всероссийския, говоренное онагож Университета свободных наук магистром и юриспруденции доктором и профессором Иваном Третьяковым июня 30 дня, 1769 года. М.: Унив. тип., 1769. 26 с.

References

(1872) Pis'mo Ekateriny II D'Alamberu ot 1765 g. [Letter from Catherine II to D'Alembert dated 1765]. In *Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva*, in 148 vol. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, vol. 10, pp. 29–31.

(1907) *Nakaz imperatritsy Ekateriny II, dannyi Komissii o sochinenii proekta novogo Ulozheniya* [The order of Empress Catherine II, given to the Commission on the composition of the draft of the new Code]. Saint-Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 334 p.

Arkhipov S. I. (2023) Kontseptsiya sotsial'no-pravovogo razvitiya natsii Dzh. Viko [The concept of socio-legal development of nations of G. Vico]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 3, pp. 5–13, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_3_5.

Blauberger I. V., Yudin E. G. (1973) *Stanovlenie i sushchnost' sistemnogo podkhoda* [The formation and essence of a systematic approach]. Moscow, Nauka, 270 p.

Desnitskii S. E. (1775) *Yuridicheskoe razsuzhdenie o nachale i proiskhozhdenii supruzhestva u pervonachal'nykh narodov i o sovershenstve, k kakomu onoe privedennym byt' kazhetsya posledovavshimi narodami prosveshchenneishimi. Na vysokotorzhestvennyi den' vosshestviya na vserossiiskii prestol eya imperatorskago velichestva vsepresvetleishiya derzhavneishiya velikiya gosudaryni imperatritsy Ekateriny Alekseevny samoderzhitsy vserossiiskiya / Govorennoe v torzhestvennom Imperatorskago Moskovskago universiteta sobranii iyunya 30 dnya, 1775 goda, yurisprudentsii doktorom i professorom Semenom Desnitskim* [A legal discussion about the beginning and origin of matrimony among the original peoples and about the perfection to which it seems to be brought by the most enlightened peoples who followed. On the highly solemn day of the ascension to the All-Russian throne of her Imperial Majesty, the most illustrious sovereign of the great Empress Catherine Alekseevna, the autocrat of All-Russia / Spoken in the solemn Imperial Moscow University meeting on June 30, 1775, jurisprudence by Doctor and Professor Semyon Desnitsky]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 31 p.

Desnitskii S. E. (1778) *Yuridicheskoe rassuzhdenie o pol'zeznaniya otechestvennogo zakonostvstva, i o nadobnom vozobnovlenii onogo v gosudarstvennykh vysokopokrovitel'stvuemykh uchilishchakh. Na vysokotorzhestvennyi den' rozhdeniya ee imperatorskogo velichestva, vsepresvetleishei, derzhavneishei, velikoi gosudaryni imperatritsy Ekateriny Alekseevny, samoderzhitsy vserossiiskoi / Govorennoe v torzhestvennom Imperatorskago Moskovskago universiteta sobranii aprelya 22 dnya, 1778 goda, yurisprudentsii doktorom i publicnym ordinarnym professorom Semenom Desnitskim* [A legal discussion about the benefits of knowledge of domestic law, and the need to resume it in state highly patronized schools. On the highly honorable birthday of Her Imperial Majesty, the most illustrious, most powerful, great Empress Catherine Alekseevna, autocrat of the All-Russian / Spoken at the solemn Imperial Moscow University meeting on April 22, 1778, jurisprudence by doctor and public ordinary Professor Semyon Desnitsky]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 42 p.

Desnitskii S. E. (1781) *Yuridicheskoe rassuzhdenie o raznykh ponyatiyakh, kakie imeyut narody o sobstvennosti imeniya v razlichnykh sostoyaniyakh obshchezhitel'stva. Na vysokotorzhestvennyi den' rozhdeniya eya imperatorskogo velichestva vsepresvetleishiya derzhavneishiya velikiya gosudaryni imperatritsy Ekateriny Alekseevny samoderzhitsy vserossiiskiya / Govorennoe v torzhestvennom Imperatorskago Moskovskago universiteta sobranii aprelya 21 dnya, 1781 goda, yurisprudentsii doktorom i professorom Semenom Desnitskim* [A legal discussion about the different concepts that peoples have about the ownership of estates in various states of community life. On the highly honorable birthday of her Imperial Majesty, the Most illustrious sovereign of the Great Empress Catherine Alekseevna, the autocrat of All-Russia / Spoken at the solemn Imperial Moscow University meeting on April 21, 1781, jurisprudence by Doctor and Professor Semyon Desnitsky]. Moscow, Universitetskaya tipografiya N. Novikova, 20 p.

Desnitskii S. E. (1959) *Predstavlenie o uchrezhdenii zakonodatel'noi, suditel'noi i nakazatel'noi vlasti v Rossiiskoi imperii* [The idea of the establishment of legislative, judicial and punitive authorities in the Russian Empire]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 99–142.

Klyuchevskii V. O. (1902) *Lektsii po russkoi istorii. Chast' tret'ya* [Lectures on Russian history. Part Three]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. F. Kirshbauma, 539 p.

Klyuchevskii V. O. (1989) *Kurs russkoi istorii. Chast' 5* [The course of Russian history. Part 5]. In Klyuchevskii V. O. *Sochineniya*, in 9 vols., vol. 5. Moscow, Mysl', 476 p.

Kozel'skii Ya. P. (1959) *Filosoficheskie predlozheniya, sochinennye nadvornym sovetnikom i Pravitel'stvuyushchego senata sekretarem Yakovym Kozel'skim v Sankt-Peterburge 1768 goda* [Philosophical proposals composed by the court counselor and the Governing Senate Secretary Yakov Kozelsky in St. Petersburg in 1768]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 338–430.

Kozel'skii Ya. P. (1959) *Predislovie k perevodu knigi Shoffinya «Istoriya slavnykh gosudarei i velikikh generalov»* [Preface to the translation of Shoffin's book «The History of Glorious Sovereigns and Great Generals»]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 307–311.

Kozel'skii Ya. P. (1959) *Predislovie i primechaniya k perevodu «Istorii datskoi» Gol'berga* [Preface and notes to the translation of Golberg's «History of Denmark»]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 312–317.

Radishchev A. N. (1959) *Opyt o zakonodavstve* [The experience of lawmaking]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 433–454.

Radishchev A. N. (1959) *Proekt dlya razdeleniya Ulozheniya rossiiskogo* [The project for the division of the Russian Code]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 479–483.

Radishchev A. N. (1959) *Proekt grazhdanskogo Ulozheniya* [The project of civil Code]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 484–555.

Speranskii M. M. (1845) *Rukovodstvo k poznaniyu zakonov* [A guide to the knowledge of the laws]. Saint-Petersburg, Tipografiya vtorogo otdeleniya Sobstvennogo Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 171 p.

Speranskii M. M. (1905) *Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov* [Introduction to the Code of State Laws]. In *Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M. M. Speranskogo (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.)*. Moscow, Izdanie «Russkoi mysli», pp. 1–120.

Speranskii M. M. *O korennykh zakonakh gosudarstva* [On the fundamental laws of the state], available at: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korennykh_zakonah.html (accessed: 22.12.2023).

Tomsinov V. A. *Speranskii o tekhnologii provedeniya gosudarstvennykh preobrazovaniy* [Speransky on the technology of state transformations], available at: http://tomsinov.com/Great_Reforms/tomsinov_v.a-m.m-speranskij_o_tekhnologii_proveden.pdf (accessed: 22.12.2023).

Tret'yakov I. A. (1769) *Slovo o rimskom pravlenii i o raznykh onago peremenakh / V publichnom sobranii Imperatorskago Moskovskago universiteta, byvshem, dlya vseradostnago dnya vozshestviya na vserossiiskii prestol eya imperatorskago velichestva, vsepresvetleishiya, derzhavneishiya, velikiya gosudaryni imperatritsy Ekateriny Alekseevny, samoderzhitsy vserossiiskiya, govorennoe onagozh Universiteta svobodnykh nauk magistrrom i yurisprudentsii doktorom i professorom Ivanom Tret'yakovym iyunya 30 dnya, 1769 goda* [A word about Roman rule and about its various changes / In the public meeting of the Imperial Moscow University, which was, for the joyful day of the ascension to the All-Russian throne of her Imperial Majesty, all-glorious, most powerful, great Empress Catherine Alekseevna, autocrat of All-Russia, spoken by the University of Liberal Sciences Master and Jurisprudence Doctor and Professor Ivan Tretyakov on June 30, 1769]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 26 p.

Tret'yakov I. A. (1959) *Rassuzhdenie o prichinakh izobiliya i medlitel'nogo obogashcheniya gosudarstv kak u drevnikh, tak i u nyneshnikh narodov...* [Reasoning about the causes of abundance and slow enrichment of the state among both ancient and modern peoples...]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 298–304.

Tret'yakov I. A. (1959) *Slovo o proisshestvii i uchrezhdenii universitetov v Evrope na gosudarstvennykh izhdiveniyakh...* [A word about the incident and the establishment of universities in Europe on state dependents...]. In Pokrovskii S. A. (Ed.) *Yuridicheskie proizvedeniya progressivnykh russkikh myslitelei*. Moscow, Gosyurizdat, pp. 267–277.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА: ПРИМЕНЯТЬ ИЛИ ИЗБЕГАТЬ?

Селькова Анастасия Андреевна

Доцент кафедры гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
ORCID: 0000-0003-4125-4720, e-mail: a.a.selkova@uslu.su.

За последние несколько лет прогресс в области социальных сетей затруднил понимание того, каким образом пользоваться всеми их преимуществами, соблюдая нормы профессиональной этики. С этой проблемой столкнулось и юридическое сообщество. В статье рассматривается влияние социальных сетей на профессиональную этику юристов. Углубляясь в данную тематику, автор предлагает рекомендации по корректному поведению в пространстве социальных сетей с точки зрения соблюдения юристами этических норм. Дается анализ некоторых этических конфликтов, возникающих в связи с использованием юристами социальных сетей. Детально разбираются такие случаи нарушения профессиональной этики, как несоблюдение обязанности соблюдать режим конфиденциальности информации, ненадлежащий характер рекламы юридических услуг и осуществление несанкционированной юридической практики. Автор также исследует вопросы, связанные с применением юристами социальных сетей в рамках подготовки к судебному разбирательству и во время разрешения спора судом. В заключении автором приводятся основные положения, которым должны следовать юристы для оптимального управления социальными сетями и предоставления квалифицированной юридической помощи.

Ключевые слова: профессиональная этика, социальные сети, режим конфиденциальности, юридическая помощь

Для цитирования: Селькова А. А. Социальные сети в профессиональной деятельности юриста: применять или избегать? // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 19–25. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_19.

SOCIAL MEDIA IN THE PROFESSIONAL PRACTICE OF A LAWYER: TO USE OR TO AVOID?

Selkova Anastasia

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, candidate of legal sciences (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0003-4125-4720, e-mail: a.a.selkova@uslu.su.

Over the past few years development in the social networks sphere has led to the difficulty of understanding how to take advantage of all their benefits while obeying the professional ethics norms. The legal community also experienced this problem. The author describes the impact of social networks on the professional ethics of lawyers. Delving into this topic, the author offers recommendations for lawyers in order to correct their behavior within the social networks in terms of compliance with ethical standards. The article contained analysis of some ethical conflicts arising from the use of social networks by lawyers. In addition, the author dwells upon particular cases of violations of professional ethics, such as non-compliance with the confidentiality regime, the inappropriate advertising of legal services and the implementation of unauthorized legal practices. Furthermore, the author goes into detail with some issues related to the use of social networks by lawyers during pre-trial period and trial itself. In conclusion the author provides some key provisions that lawyers should follow for the optimal adjustment of social networks and providing of qualified legal assistance.

Key words: professional ethics, social networks, confidentiality regime, legal assistance

*For citation: Selkova A. (2023) Social media in the professional practice of a lawyer: to use or to avoid? In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 19–25, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_19.*

I. Социальные сети как фактор преобразования профессиональной этики юристов

Социальные сети давно стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. С их появлением расширились возможности для общения, обмена информацией, продвижения и развития гражданского общества. Технологии и принципы работы социальных сетей также постоянно модернизируются и затрагивают многие области профессиональной деятельности, вводя в них не только новые способы обмена информацией, но и связанные с этим риски. Особенно остро они ощущаются юристами, которые все чаще сталкиваются с проблемными аспектами взаимодействия между этическими профессиональными обязательствами и использованием социальных сетей. Круг этических вопросов, возникающих при использовании юристами социальных сетей, необычайно широк, большинство из них напрямую влияют на их работу с клиентами и на защиту профессиональной репутации. В данной статье будет дан обзор наиболее значимых факторов риска, сопутствующих росту включения социальных сетей в профессиональную юридическую практику.

Революция, произведенная социальными сетями, выразилась в первую очередь в возможности мгновенного обмена информацией через многообразные платформы¹. Сегодня большинство населения использует социальные сети в личных или профессиональных целях, в том числе многие юристы, которые ищут в Интернете новых клиентов, рекламируют собственные услуги, общаются с коллегами.

Хотя использование социальных сетей имеет ряд преимуществ, юристам следует проявлять осторожность, учитывая некоторые аспекты профессиональной этики, влияющей на поведение в цифровом пространстве². Размещение публикаций в социальных сетях, отправка электронной документации и взаимодействие с клиентами должны соответствовать этическим нормам, на которые следует ориентироваться при любом взаимодействии на онлайн-платформах как в личном, так и в профессиональном контексте.

II. Принципы поведения в социальных сетях

Среди всех практик использования социальных сетей для юристов наиболее актуальны те, что связаны с публикацией материалов в Интернете. Применительно к данному аспекту особенно важно определить, какой размещается контент и на какой именно онлайн-платформе. Каким бы ни был материал, предназначенный для публикации в Интернете, юристу предпочтительно придерживаться определенных базовых принципов поведения в социальных сетях:

перед публикацией какого-либо материала юрист должен рассмотреть все потенциальные последствия этого, в первую очередь избегать сообщения информации, которая может быть истолкована как юридическая консультация. Для ее предоставления юристу следует сделать отдельное уведомление об этом;

благодаря таким платформам, как Twitter или Facebook, люди делятся контентом по всему миру. Соответственно, при размещении информации на этих сайтах юристам следует избегать публикации материалов, которые, как правило, предоставляются клиентам в частном порядке. Приемлемыми темами для постов могут быть обзоры изменений законодательства или описания примечательной судебной практики;

при общении в социальных сетях юрист должен помнить о том, что любое лицо, которое консультируется с ним по вопросам права, является потенциальным клиентом. Поэтому при размещении информации в социальных сетях юрист должен преду-

¹ Couture S. What does the notion of sovereignty mean when referring to the digital? // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21. № 10. P. 2317.

² Hendricks J. A. *Social Media and Strategic Communications*. L.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 220.

преждать, что она не предназначена для оформления отношений между адвокатом и клиентом или дачи юридических консультаций¹. Это в первую очередь относится к юристам, ведущим блог или публикующим посты на интерактивных платформах;

для рекламы своих услуг юрист вправе обращаться к любым средствам массовой информации, в том числе к социальным сетям. Тем не менее реклама не должна содержать ложных сведений или вводить в заблуждение.

III. Новые форматы применения юристами социальных сетей в контексте профессиональной деятельности

Помимо таких распространенных способов использования юристами социальных сетей, как поиск новых клиентов, реклама и общение с коллегами, можно выделить и относительно новые практики осуществления юристами профессиональной деятельности в Интернете.

Онлайн-петиции и краудфандинг

Все чаще юристы используют в своей профессиональной деятельности онлайн-петиции или краудфандинг. В некоторых случаях такие способы существенно повышают осведомленность общественности о деле конкретного клиента и гарантируют ему более эффективную защиту прав. Тем не менее даже минимальное использование социальных сетей в данном контексте требует от юриста проявления осторожности, так как любое проявление неэтичного поведения в этой области может привести к неблагоприятным последствиям как для клиента, так и для профессиональной репутации юриста.

Сбор информации в Интернете в рамках подготовки к судебному разбирательству

Этические пределы и последствия использования юристами социальных сетей для сбора информации в профессиональных целях (например, изучение профилей участников процесса при подготовке к судебному разбирательству) до сих пор остаются предметом обсуждения². Хотя доступ к информации о человеке и просмотр его аккаунтов в социальных сетях не являются правонарушением, всегда остается риск нарушения юристом норм профессиональной этики. Особенно противоречивой может стать следующая ситуация: адвокат, представляющий одну из сторон в судебном процессе, решает собрать сведения о процессуальном оппоненте и просит «подружиться» с ним своего коллегу. Этичность подобного поведения весьма спорна, так как в данном случае адвокат получит информацию об участнике разбирательства обманным путем.

Потоковая передача видео

Названная функция быстро завоевала популярность в социальных сетях. По сравнению с обычным форматом показа изображений потоковая передача позволяет обмениваться информацией в режиме реального времени. Невозможность ее дальнейшего редактирования создает множество рисков для юристов как в личном, так и в профессиональном контексте.

Как видно из всего вышесказанного, традиционные и новые практики осуществления юристами профессиональной деятельности в Интернете часто сопровождаются риском для их профессиональной репутации. Это связано с тем, что публикации в Интернете общедоступны и после размещения, как правило, не могут быть удалены, т. е. любые сведения, опубликованные в социальных сетях, становятся доступными для всех пользователей, без ограничений какой-либо конкретной группой или аудиторией³. Вместе с тем, даже если первоначально информация не являлась общедоступной, ее раскрытие может произойти позже, что потенциально нанесет ущерб ре-

¹ Lackey M. Lawyers and Social Media: The Legal Ethics of Tweeting, Facebooking and Blogging // *Touro Law Review*. 2012. Vol. 28. № 1. P. 152.

² Bagger C. An organisational cultivation of digital resignation? Enterprise social media, privacy, and autonomy // *Nordicom Review*. 2021. Vol. 42. № 4. P. 190.

³ Van Looy A. *Social Media Management*. Cham: Springer, 2016. P. 232.

путации. При этом у нас нет возможности контролировать, как другие пользователи используют платформы социальных сетей¹.

Применительно к данному аспекту следует также обратить внимание на «корпоративное» использование социальных сетей сотрудниками юридических фирм². Представляется, что именно они должны быть ответственны за поведение своих работников в социальных сетях. Лучшим вариантом является наличие в юридической фирме локального нормативного акта с указаниями по этому вопросу, включая положения о том, что допустимо и что не рекомендуется размещать на онлайн-платформах. Кроме того, важно инструктировать сотрудников относительно нежелательности опубликования в аккаунтах социальных сетей любых сведений, которые могут быть атрибутированы как исходящие от самой фирмы³.

IV. Обращение к функционалу социальных сетей при разрешении спора судом

Отдельно стоит упомянуть об особенностях использования юристами социальных сетей во время судебного разбирательства (обычно на стадиях подготовки, предварительного разбирательства и при раскрытии доказательств).

Во-первых, юристам следует избегать любых заявлений, которые могут отрицательно сказаться на справедливости процесса. Вместе с тем, если адвокат противоположной стороны негативно высказывается в Интернете о вашем доверителе, вы, в свою очередь, можете опровергнуть эту информацию через социальные сети, смягчив или устранив потенциальный ущерб.

Во-вторых, применение правила о раскрытии доказательств в контексте социальных сетей предполагает запрет на удаление или изменение любого контента, относящегося к судебному процессу, т. е. каждая из сторон разбирательства должна иметь доступ ко всем доказательствам и документам, обладающим потенциальной доказательственной ценностью. Представляется, что данное положение не противоречит тем случаям, когда юрист консультирует клиента по вопросам изменения настроек конфиденциальности или удаления контента, при условии выполнения обязанности по обеспечению доступа остальных участников судопроизводства к доказательствам. Другими словами, любые действия по изменению или удалению контента будут свидетельствовать о недобросовестности по отношению к суду.

В-третьих, использование социальных сетей для сбора доказательств также должно быть этичным. Следует также учитывать интерактивный характер самого контента, часто требующий обращения к технически сложным методам сбора соответствующих сведений (например, к таковым относятся динамический захват и загрузка контента от провайдера). В частности, снимок экрана или распечатка веб-страницы не всегда могут точно воспроизводить информацию, так как обычно не содержат определенные метаданные, видео или другие элементы, необходимые для корректного отображения. Более того, некоторые из таких элементов могут сами по себе иметь доказательственное значение. Это требует их надлежащей аутентификации и добавления к материалам дела. Отсюда следует, что юристы должны инструктировать клиентов относительно их действий в социальных сетях и предупреждать о потенциальных рисках изменения или удаления доказательственного контента (о процессуальных санкциях или о неблагоприятном исходе судебного разбирательства).

Не менее противоречивым является вопрос обращения к социальным сетям для сбора данных, потенциально способных повлиять на исход процесса. Типичным примером нарушения профессиональной этики в данном случае является рассмотренная ранее ситуация, когда юрист отправляет человеку запрос на добавление в друзья исключительно с целью получить доступ к его личной информации, которая может быть полезна для подготовки к судебному разбирательству. Это поведение в определенной степени можно охарактеризовать в качестве злоупотребления правом⁴. Даже

¹ *Pardau S.* The FTC, the unfairness doctrine, and privacy by design: New legal frontiers in cyber security // *Journal of Business & Technology Law.* 2017. Vol. 12. № 2. P. 246.

² *White C.* Social media ethics in the data economy: Issues of social responsibility for using Facebook for public relations // *Public Relations Review.* 2020. Vol. 46. № 5. P. 3.

³ *Trepte S.* The social media privacy model: Privacy and communication in the light of social media affordances // *Communication Theory.* 2021. Vol. 31. № 4. P. 559.

⁴ *Baker-Eveleth L.* Understanding social media users' privacy-protection behaviours // *Information & Computer Security.* 2021. Vol. 30. № 3. P. 334.

если юрист заранее заявляет соответствующему лицу о цели отправки запроса на добавление в друзья, предпочтительнее вовсе воздержаться от его направления, так как этичность подобного действия по-прежнему видится сомнительной. Более того, здесь вполне оправданно говорить о факте нарушения профессиональной этики, несмотря на то, что сведения, находящиеся в открытом доступе, вполне допустимы для использования.

Неоднозначен ответ на вопрос об общении юристов и судей в социальных сетях. Оно вполне допустимо с точки зрения работы в одной и той же сфере. Однако следует различать общение в социальных сетях с судьей, с которым у юриста не было опыта совместного участия в судебных процессах, и с судьей, с которым подобный опыт имелся. Первый вариант видится допустимым в плане соблюдения требований профессиональной этики. Во втором случае, напротив, существуют весьма обоснованные основания подозревать наличие элементов предвзятости в рамках судебного разбирательства. Единственный способ избежать их – исключить любые формы взаимодействия с судьей в социальных сетях. Таким образом, только всесторонний учет юристом негативных последствий установления отношений в социальных сетях с судьями способен снизить потенциальные риски нарушения норм профессиональной этики.

V. Роль социальных сетей в модернизации института представительства

С того момента как социальные сети стали неотъемлемой частью повседневной жизни большинства людей, юристы столкнулись с новыми требованиями к стандартам выполнения ими функции компетентного представительства. В первую очередь, помимо мониторинга последних изменений в законодательстве и практики его применения, юристу следует делать обзор появляющихся информационных технологий. Сказанное не означает, что юристы должны быть экспертами в этой области. Достаточно будет знать основные особенности и функционал технологий и понимать, как этично их использовать.

Итак, какие же действия требуются от юриста для надлежащего выполнения функции компетентного представительства в условиях постоянного цифрового прогресса? Прежде всего следует соблюдать режим конфиденциальности персональных данных клиента, если последний не дает информированного согласия на их разглашение. Любое общение с доверителем в социальных сетях должно осуществляться исключительно через личные сообщения для выполнения требований режима конфиденциальности¹. Им охватывается также срок судебного разбирательства, в течение которого следует воздерживаться от любых публикаций по поводу рассматриваемого дела. Данная рекомендация относится и к самому доверителю. Избегать распространения сообщений в социальных сетях о ходе дела чрезвычайно важно для целей поддержания конфиденциальных отношений между юристом и клиентом².

Однако юристы используют социальные сети не только для оперативного взаимодействия с доверителем. Иногда с их помощью юристы выражают свое мнение относительно тем, интересных широкой общественности. Как правило, это делается в личном блоге или на публичной онлайн-платформе. Несмотря на то, что подобные заявления предназначены для широкой аудитории, юристы по-прежнему должны соблюдать режим конфиденциальности и не раскрывать информацию, относящуюся к их профессиональному взаимодействию с клиентами и коллегами³.

VI. Заключение

Социальные сети становятся все более популярными среди юристов благодаря своему интерактивному характеру и важной роли в обеспечении связи с клиентами, коллегами и общественностью. Тем не менее взаимодействие в социальных сетях часто ведет к нарушению норм профессиональной этики. Основной причиной этого

¹ Chung K. Social media privacy management strategies: A SEM analysis of user privacy behaviours // Computer Communications. 2021. Vol. 174. P. 127.

² Ziegeldorf J. Privacy in the internet of things: Threats and challenges // Security and Communication Networks. 2014. Vol. 7. № 1. P. 2731.

³ Krämer N. Mastering the challenge of balancing self-disclosure and privacy in social media // Current Opinion in Psychology. 2020. Vol. 31. P. 68.

видится отсутствие внутри юридического сообщества четкого представления о природе социальных сетей и размещаемого в них контента. Множество этических проблем связаны с общедоступностью информации в социальных сетях, ознакомиться с которой может любой человек, что потенциально может повлиять не только на самих юристов, но и на их клиентов и коллег. Юристы должны учитывать это перед публикацией контента и осуществлять любое взаимодействие в социальных сетях, стараясь избегать этических нарушений, которые могут привести к процессуальным санкциям или дисциплинарным взысканиям. Независимо от цели использования социальных сетей (начиная от ведения бизнеса до юридического просвещения общественности), юристы должны соблюдать режим конфиденциальности сведений, касающихся доверителей и судебных разбирательств. Юридическим фирмам необходимо разработать внутрикорпоративную политику работы в Интернете и обучать сотрудников этике поведения в социальных сетях.

Таким образом, несмотря на множество преимуществ социальных сетей, при их использовании юристам надлежит быть предельно осторожными, принимая во внимание этические обязательства и ограничения, влияющие на многие практические аспекты профессиональной деятельности. Юристы должны учитывать определенные этические соображения и правила, прежде чем использовать социальные сети как в личном, так и в профессиональном контексте.

Список литературы

Bagger C. An organisational cultivation of digital resignation? Enterprise social media, privacy, and autonomy // *Nordicom Review*. 2021. Vol. 42. № 4. P. 185–198.

Baker-Eveleth L. Understanding social media users' privacy-protection behaviours // *Information & Computer Security*. 2021. Vol. 30. № 3. P. 324–345.

Chung K. Social media privacy management strategies: A SEM analysis of user privacy behaviours // *Computer Communications*. 2021. Vol. 174. P. 122–130.

Couture S. What does the notion of sovereignty mean when referring to the digital? // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21. № 10. P. 2305–2322.

Hendricks J. A. *Social Media and Strategic Communications*. L.: Palgrave Macmillan, 2013. 263 p.

Krämer N. Mastering the challenge of balancing self-disclosure and privacy in social media // *Current Opinion in Psychology*. 2020. Vol. 31. P. 67–71.

Lackey M. Lawyers and Social Media: The Legal Ethics of Tweeting, Facebooking and Blogging // *Touro Law Review*. 2012. Vol. 28. № 1. P. 149–182.

Pardau S. The FTC, the unfairness doctrine, and privacy by design: New legal frontiers in cyber security // *Journal of Business & Technology Law*. 2017. Vol. 12. № 2. P. 227–276.

Trepte S. The social media privacy model: Privacy and communication in the light of social media affordances // *Communication Theory*. 2021. Vol. 31. № 4. P. 549–570.

Van Looy A. *Social Media Management*. Cham: Springer, 2016. 250 p.

White C. Social media ethics in the data economy: Issues of social responsibility for using Facebook for public relations // *Public Relations Review*. 2020. Vol. 46. № 5. P. 1–7.

Ziegeldorf J. Privacy in the internet of things: Threats and challenges // *Security and Communication Networks*. 2014. Vol. 7. № 1. P. 2728–2742.

Reference

Bagger C. (2021) An organisational cultivation of digital resignation? Enterprise social media, privacy, and autonomy. In *Nordicom Review*, vol. 42, no. 4, pp. 185–198, DOI: 10.2478/nor-2021-0049.

Baker-Eveleth L. (2021) Understanding social media users' privacy-protection behaviours. In *Information & Computer Security*, vol. 30, no. 3, pp. 324–345, DOI: 10.1108/ICS-07-2021-0099.

Chung K. (2021) Social media privacy management strategies: A SEM analysis of user privacy behaviours. In *Computer Communications*, vol. 174, pp. 122–130, DOI: 10.1016/j.comcom.2021.04.012.

Couture S. (2019) What does the notion of sovereignty mean when referring to the digital? In *New Media & Society*, vol. 21, no. 10, pp. 2305–2322, DOI: 10.1177/1461444819865984.

Hendricks J. A. (2013) *Social Media and Strategic Communications*. London, Palgrave Macmillan, 263 p.

Krämer N. (2020) Mastering the challenge of balancing self-disclosure and privacy in social media. In *Current Opinion in Psychology*, vol. 31, pp. 67–71, DOI: 10.1016/j.copsy.2019.08.003.

Lackey M. (2012) Lawyers and Social Media: The Legal Ethics of Tweeting, Facebooking and Blogging. In *Touro Law Review*, vol. 28, no. 1, pp. 149–182.

Pardau S. (2017) The FTC, the unfairness doctrine, and privacy by design: New legal frontiers in cyber security. In *Journal of Business & Technology Law*, vol. 12, no. 2, pp. 227–276.

Trepte S. (2021) The social media privacy model: Privacy and communication in the light of social media affordances. In *Communication Theory*, vol. 31, no. 4, pp. 549–570, DOI: 10.1093/ct/qtz035.

Van Looy A. (2016) *Social Media Management*. Cham, Springer, 250 p.

White C. (2020) Social media ethics in the data economy: Issues of social responsibility for using Facebook for public relations. In *Public Relations Review*, vol. 46, no. 5, pp. 1–7, DOI: 10.1016/j.pubrev.2020.101980.

Ziegeldorf J. (2014) Privacy in the internet of things: Threats and challenges. In *Security and Communication Networks*, vol. 7, no. 1, pp. 2728–2742, DOI: 10.1002/sec.795.

ВЛИЯНИЕ ВЫБОРА КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ НА ЧАСТОТУ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В УГОЛОВНЫЙ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКСЫ

Кокотова Дарья Александровна

Доцент кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0001-9455-5864, e-mail: darya.kokotova@mail.ru.

Число законов о внесении изменений в УК значительно больше, чем в УИК, как за все время существования кодексов, так и за каждый отдельный год. В статье проверяется, действительно ли это говорит о большей частоте внесения изменений в Уголовный кодекс по сравнению с Уголовно-исполнительным (проверяются сопоставимость актов по времени их существования, объему актов и объекту регулирования; уместность выбора единиц наблюдения), а также предпринимается попытка объяснить такое расхождение. На основе обобщения данных о количестве принятых за 2018–2022 гг. законов и их содержании автор приходит к выводу, что разница в частоте изменения кодексов действительно существует и связана с характеристиками самих норм, а не особенностями регулируемых отношений. Она обусловлена по большей части корректировкой положений Особенной части Уголовного кодекса и ее спецификой и объясняется разницей в том, какие криминологические модели были выбраны для каждого из кодексов в качестве основополагающих. В Уголовном кодексе ведущую роль играют классическая школа и модель возмездия, а в Уголовно-исполнительном кодексе – позитивная школа.

Ключевые слова: классическая школа, модель возмездия, позитивная школа, Уголовный кодекс, Уголовно-исполнительный кодекс, частота изменения

Для цитирования: Кокотова Д. А. Влияние выбора криминологических моделей на частоту внесения изменений в Уголовный и Уголовно-исполнительный кодексы // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 26–40. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_26.

CHOICE OF CRIMINOLOGICAL MODALITIES AS A FACTOR OF FREQUENCY OF AMENDMENT TO THE CRIMINAL CODE AND PENITENTIARY CODE

Kokotova Daria

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-9455-5864, e-mail: darya.kokotova@mail.ru.

The number of laws on amendments to the Criminal Code is significantly higher than in the Penitentiary Code, both for the entire existence of the codes and for each individual year. In this article we want to verify, does this data indicate that the Criminal Code is amended more frequently than the Penitentiary Code: are the acts comparable by the period of their existence, their volume and object of regulation; are the units of observation correct? Also, objective of this article is to find the reasons of such difference. On the base of generalization of information about quantity and content of legal acts, adopted in 2018–2022, author concludes that the difference between frequency of amendment to codes is a real fact. It is determined by the characteristics of rules, but not the properties of relations. This difference is determined principally by amendments to the Special part of the Criminal Code and it is specific. The reason of this situation is the choice of the different fundamental criminological modalities for each of the codes. The classical school and the modality of retribution are fundamental of the Criminal Code, and the Penitentiary Code is based on the positive school.

Key words: classical school, modality of retribution, positive school, Criminal Code, Penitentiary Code, frequency of amendment

For citation: Kokotova D. (2023) Choice of criminological modalities as a factor of frequency of amendment to the Criminal Code and Penitentiary Code. In Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu», no. 5, pp. 26–40, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_26.

Постановка вопроса. Обращение к спискам изменяющих документов, прилагающихся в СПС «КонсультантПлюс» к текстам Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов Российской Федерации¹ (далее – УК и УИК), позволяет думать, что в УИК изменения вносятся реже, чем в УК.

Так, максимальное число федеральных законов о внесении изменений в год в УК составляет 25, а для УИК максимальное количество – 8. Всего за 1998–2022 гг. было принято 290 федеральных законов, внесших изменения в УК; законов же о поправках к УИК за то же время принято 109 (см. рис. 1).

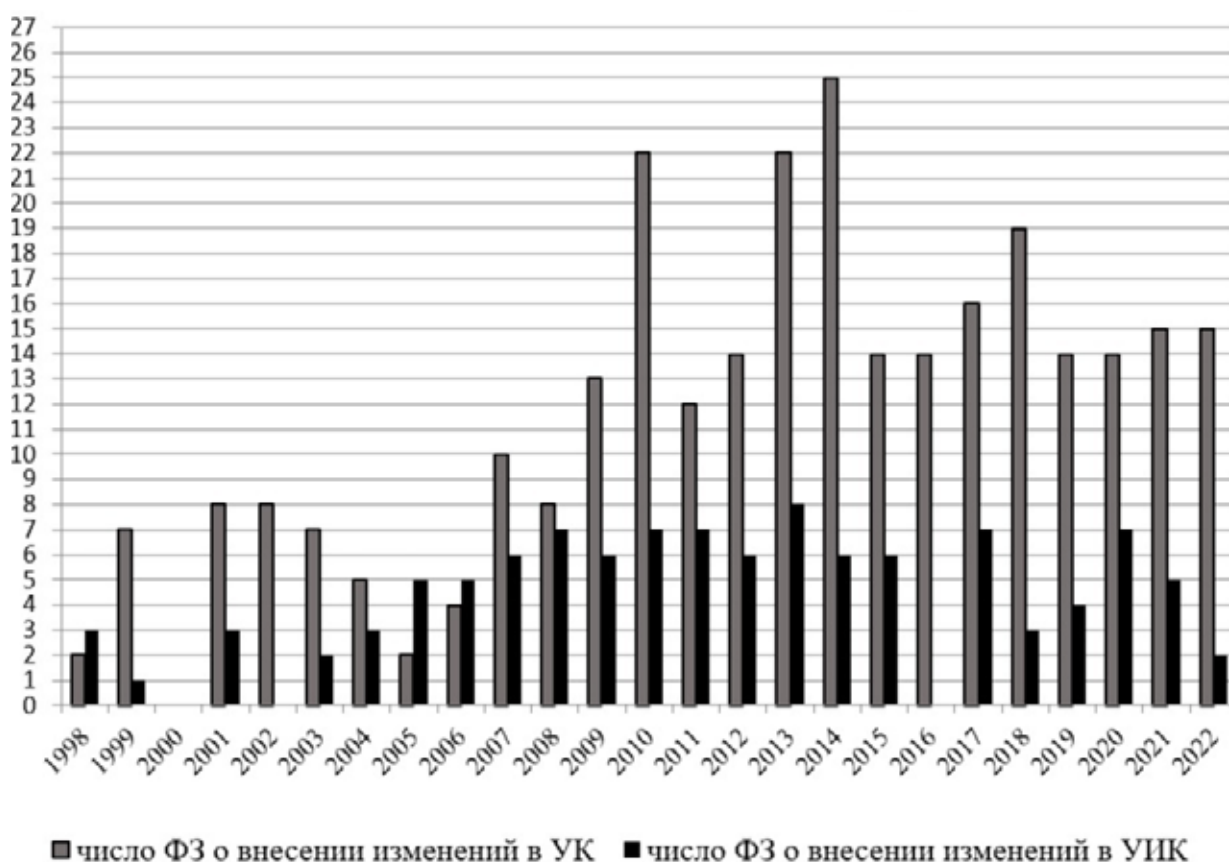

Рисунок 1. Число федеральных законов о внесении изменений в УК и УИК (данные представлены начиная с 1998 г., когда впервые были приняты законы о внесении изменений в УК и УИК)

В связи с этим возникает вопрос: позволяют ли эти данные сделать вывод о большей стабильности УИК по сравнению с УК² и если да, то чем можно объяснить такую разницу?

¹ Список изменяющих документов // Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 22.08.2023); Список изменяющих документов // Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 24 июня 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/0844bcb33376fe7ba64f9de457550a2c022849f6/ (дата обращения: 22.08.2023). Все использованные далее данные о редакциях норм получены из той же системы.

² Поскольку осуществляется сравнение лишь двух актов, речь идет именно о сопоставлении стабильности кодексов, но не уголовно-правового, уголовно-исполнительного регулирования в целом.

Чтобы ответить на данный вопрос, необходимо прежде всего понять, **не требуется ли скорректировать схему сравнения**, чтобы исключить влияние обстоятельств, автоматически порождающих разницу в количестве законов о внесении изменений в каждый из кодексов независимо от степени их реальной стабильности (нестабильности), искажающих наше представление о реальном различии между ними.

Рассмотрим несколько возможных обстоятельств.

1. *Разный период существования актов.* Теоретически большее число поправок может задаваться разницей в моменте появления кодексов. УК был принят 13 июня 1996 г. УИК появился меньше, чем через год (8 января 1997 г.). То есть, хотя и существует разница во времени, она невелика и не могла привести к тому, что было принято почти в три раза больше законов о поправках к УК. Также первые законы о внесении изменений в каждый из кодексов появились в 1998 г. С учетом сказанного можно пренебречь разницей в моменте появления кодексов. При этом, так как разница между УК и УИК существует на протяжении всего их существования, для более тщательной проработки вопроса в дальнейшем будут использоваться данные за последние 5 лет (2018–2022 гг.).

2. *Выбор единиц наблюдения.* Ранее были приведены данные о количестве законов о внесении изменений в каждый из кодексов. Разница в количестве законов, принятых за один и тот же период, теоретически может говорить не о разной частоте внесения изменений, а о том, что в одном случае каждая поправка оформляется отдельным законом, а в другом множество поправок соединяется в один акт. Сравнение законов о внесении изменений в УК и УИК за последние 5 лет, однако, показало, что в нашем случае этого не происходит. Доли актов, корректирующих то или иное количество статей УК и УИК, примерно совпадают. Так, для каждого из кодексов более 50 % составляют акты, ограничивающиеся правкой только одной статьи; примерно 40 % – законы, изменяющие от двух до пяти статей; 4–5 % – законы, корректирующие от 6 до 10 статей. Отличие лишь в том, что одним законом не вносились изменения более чем в 10 статей УИК, тогда как отдельные законы о внесении изменений в УК предполагают правку не только более 10, но и более 20 статей (см. рис. 2).

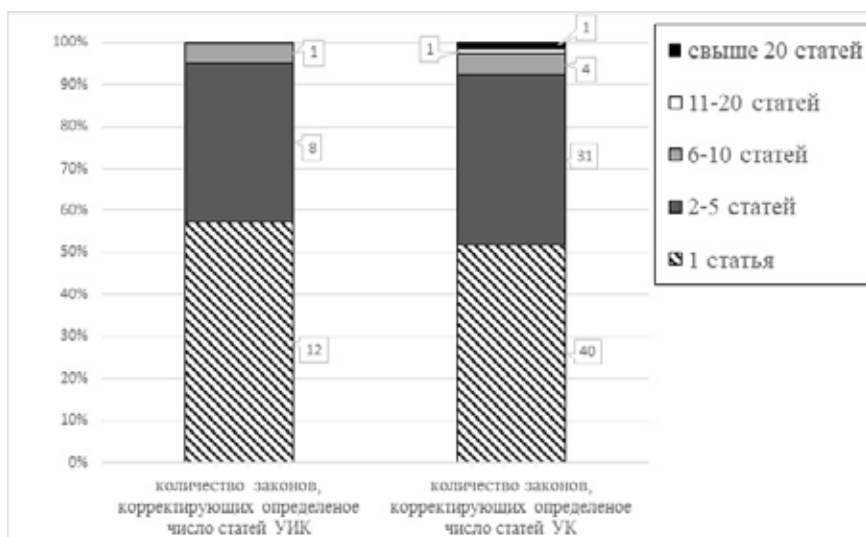

Рисунок 2. Доля законов, корректирующих то или иное количество статей УК и УИК (всего законов о внесении изменений: в УК – 77, в УИК – 21; количество законов по отдельным группам указано на выносках)

С учетом сказанного использование в качестве единиц наблюдения количества принятых законов в нашем случае допустимо.

3. *Объем кодекса.* Внесение пяти изменений в год в закон из одной статьи говорит о большей частоте изменений, чем внесение тех же пяти изменений в закон из ста статей. С учетом этого при существенной разнице в объеме актов имеет смысл использовать относительные величины (число законов о внесении изменений разделить на объем акта). Одновременно разница в количестве статей может быть следствием частоты внесения изменений путем включения в акт новых статей. Разница

в количестве статей может отражать разницу в подходе к структурированию текста одинакового объема. В связи со сказанным представляется необходимым сравнивать объем изначальных редакций кодексов, учитывая при этом и количество статей, и, например, число знаков в тексте.

Применительно к показателям за 2018–2022 гг. изначальной редакцией будет та, что имела по состоянию на начало этого периода. К концу 2017 г. УК состоял из 472 статей и 610 432 знаков без пробелов; УИК – из 204 статей и 265 789 знаков¹. Соответственно за эти годы при общем количестве законов о внесении изменений (77 в УК и 21 в УИК) на каждые 100 тысяч знаков приходится 13 законов о внесении изменений в УК и 8 законов о внесении изменений в УИК, а на каждые сто статей – 16 (УК) и 10 (УИК) таких законов.

Таким образом, и при замене абсолютных величин относительными, характеризующие частоту внесения изменений показатели для УК будут превышать сходные показатели для УИК, хотя и не так сильно, как при использовании абсолютных величин, но все же значительно.

4. *Сопоставимость объема регулируемых отношений.* Разница в частоте внесения изменений может задаваться и тем, насколько широк круг регулируемых отношений, что приводит к некорректности сравнения двух кодексов. Например, Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП) меняется намного чаще, чем УК (максимальное число законов о внесении изменений в КоАП за один год – 84; всего за время существования КоАП с 2001 г. принято 769 законов о внесении в него изменений)². Вместе с тем КоАП объединяет положения, сходные по предмету с теми, что распределены между УК, УИК и Уголовно-процессуальным кодексом, поэтому следует сравнивать не УК и КоАП, а КоАП со всеми тремя кодексами вместе.

Возникает вопрос, насколько сопоставимы по этому параметру УК и УИК. На первый взгляд кажется, что у УИК уже предмет регулирования, чем у УК, так как наказание, исполнению которого он посвящен, составляет лишь один из институтов УК наряду с составом преступления, освобождением от ответственности и т. п. Однако на самом деле УИК не ограничивается детализацией заданных УК положений о наказании, в частности самостоятельно определяя подлежащие учету характеристики преступного³ в форме, не свойственной УК, например наличие сведений о приверженности лица идеологии терроризма как обстоятельство, влияющее на выбор места отбывания наказания (ч. 4 ст. 73 УИК⁴).

Если посмотреть на вопрос обобщенно, выходя за пределы конструкций каждого из кодексов, то видно, что в основе своей предмет УК и УИК сходен. Каждый из этих кодексов определяет то, как надо воздействовать на человека в связи с преступным на разных стадиях процесса и (или) с участием разных органов власти. Каждый из этих кодексов имеет свои средства воздействия и, соответственно, свои структуру, конструкции. При этом общая модель одинакова: преступное (описания составов преступлений, подлежащих учету особенностей личности преступника и т. д. в УК; поведения лица в процессе отбывания наказания и т. д. в УИК) и реакция на него (правила определения размера и видов наказания и т. д. в УК; определение содержания режима отбывания наказания, возможных мер поощрения и взыскания и т. д. в УИК).

С учетом сказанного предмет регулирования УК и УИК сопоставим по объему, изменение схемы сравнения в этой части не требуется.

Таким образом, корректировка сравнения с учетом обозначенных обстоятельств либо не требуется, либо не приводит к получению принципиально иного результата. Изученные данные **действительно позволяют заключить, что присутствует разница**

¹ Использовались редакции текста УК по состоянию на 31 декабря 2017 г., УИК по состоянию на 20 декабря 2017 г., доступные в СПС «КонсультантПлюс». Подсчет числа действующих статей осуществлялся вручную. Количество слов и знаков определялось с помощью функции «Статистика» после экспорта текста акта в Word.

² Список изменяющих документов // Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 22.08.2022).

³ Термин «преступное» используется в криминологической литературе как объединяющий различные формы – преступник, преступление и т. п. См., например: Родионова О. Н. Предмет криминологии // Российский юридический журнал. 2017. № 1. С. 47.

⁴ Данная редакция нормы принята 27 декабря 2018 г.

в частоте изменения УК и УИК. В связи с этим можно перейти к вопросу о том, **почему такая разница существует.**

Первое, что приходит на ум, – большая изменчивость регулируемых отношений, порождающая необходимость менять нормы. Однако эта версия нам не подойдет. Как уже отмечалось, объект, на который призваны воздействовать УК и УИК, сходен. Регламентируемые актами общественные отношения связаны между собой настолько, что сложно представить, что стабильно требуется изменение одних без изменения других. Такая необходимость может возникать время от времени, но не может объяснять существования столь значительного разрыва на протяжении всего существования кодексов.

При возникновении необходимости смягчения или ужесточения реакции можно обеспечить достижение результата за счет изменения как УК, так и УИК.

Если рассматривать изменение закона как средство предупредительного воздействия, то в равной мере может быть избрана правка и УК, и УИК. Например, при изменении рецидивной преступности может потребоваться изменить и характеристики наказаний, которые могут быть назначены (УК), и характер того, что происходит во время исполнения наказания (УИК). Обособление новых преступлений может потребовать не только осмысления того, какое наказание должно быть назначено за них, но и того, необходимо ли учесть их особенности при определении места отбывания наказания и т. п. Появление новых технических средств может продиктовать необходимость их учета и в качестве орудия, предмета преступления, и в качестве тех предметов, которые можно (нельзя) проносить на территорию мест лишения свободы.

Выявление ранее не известных данных о закономерностях преступного и возможных моделях реагирования на него также может требовать корректировки как УК, так и УИК. Например, если изменилось наше представление о чертах личности, способствующих совершению преступлений, то сложно представить, что оно повлияет только на УК, но не на УИК. Изменение представления о том, какая именно реакция допустима (например, о стандартах гуманного обращения), также может требовать правки как УК, так и УИК.

Таким образом, **ни изменчивость отношений, ни изменение представлений о них не могут объяснять выявленное различие в частоте правки УК и УИК.**

Если разница между УК и УИК продиктована не особенностями отношений, на которые воздействуют нормы (нашего представления о них), то, **возможно, она обусловлена особенностями самих норм.** Чтобы проверить эту версию, изучим, какие именно положения УК и УИК подвергались изменениям за последние 5 лет.

Подробные данные о них можно представить в виде таблиц.

Таблица 1.
Состав законов о внесении изменений в УК за 2018–2022 гг.

Данные законов о внесении изменений	Номера изменяемых статей	
	Общая часть	Особенная часть
2018 г. – 19 законов		
от 19.02.2018 № 35-ФЗ	76.1	
от 23.04.2018 № 96-ФЗ	53.1	
от 23.04.2018 № 99-ФЗ	46	170.2, 200.3, 200.4, 200.5, 304
от 23.04.2018 № 111-ФЗ		158, 159.1, 159.3, 159.6
от 23.04.2018 № 114-ФЗ		216, 217, 269
от 27.06.2018 № 156-ФЗ		226.1
от 27.06.2018 № 157-ФЗ		226.1, 253, 256, 258, 258.1
от 03.07.2018 № 186-ФЗ	72	
от 29.07.2018 № 227-ФЗ		171.2
от 29.07.2018 № 229-ФЗ		215.3
от 02.10.2018 № 348-ФЗ		315

Продолжение табл. 1

от 03.10.2018 № 352-ФЗ		144.1
от 12.11.2018 № 420-ФЗ		322.3
от 27.12.2018 № 519-ФЗ		282
от 27.12.2018 № 520-ФЗ		200.6
от 27.12.2018 № 530-ФЗ		170.1, 170.2, 172.1, 172.3, 195
от 27.12.2018 № 533-ФЗ	76.1	145.1
от 27.12.2018 № 540-ФЗ	53.1, 80	
от 27.12.2018 № 569-ФЗ	58, 72	
2019 г. – 14 законов		
от 01.04.2019 № 46-ФЗ	56, 64, 73	210, 210.1
от 23.04.2019 № 65-ФЗ		264, 264.1
от 29.05.2019 № 112-ФЗ	76.1	
от 06.06.2019 № 132-ФЗ	72.1	
от 17.06.2019 № 146-ФЗ	15	263, 264
от 26.07.2019 № 206-ФЗ		115, 119, 124.1
от 26.07.2019 № 207-ФЗ		171
от 26.07.2019 № 209-ФЗ		327
от 02.08.2019 № 304-ФЗ		228.2
от 02.08.2019 № 308-ФЗ		138.1
от 16.10.2019 № 340-ФЗ		258.1
от 04.11.2019 № 354-ФЗ		322.1
от 02.12.2019 № 410-ФЗ		307
от 27.12.2019 № 500-ФЗ	76.1	191, 255
2020 г. – 14 законов		
от 18.02.2020 № 22-ФЗ		340, 341
от 01.04.2020 № 73-ФЗ	76.1	193, 198, 199, 199.1, 199.3, 199.4, 210
от 01.04.2020 № 94-ФЗ		141, 142, 142.2
от 01.04.2020 № 95-ФЗ		238.1
от 01.04.2020 № 100-ФЗ		207.1, 207.2, 236
от 07.04.2020 № 112-ФЗ		243.4, 244
от 08.06.2020 № 170-ФЗ		295, 296, 298.1, 311
от 31.07.2020 № 260-ФЗ	79, 80, 93	
от 27.10.2020 № 352-ФЗ	46	170.2, 200.7
от 08.12.2020 № 425-ФЗ		280.1, 280.2
от 30.12.2020 № 525-ФЗ		330.1
от 30.12.2020 № 526-ФЗ		267
от 30.12.2020 № 538-ФЗ		128.1
от 30.12.2020 № 543-ФЗ		213
2021 г. – 15 законов		
от 24.02.2021 № 16-ФЗ		201, 285
от 24.02.2021 № 25-ФЗ		230

Окончание табл. 1

от 05.04.2021 № 59-ФЗ		354.1
от 11.06.2021 № 215-ФЗ	76.1 , 104.1	170.2, 171.5
от 11.06.2021 № 216-ФЗ		183, 320
от 01.07.2021 № 241-ФЗ		195, 196
от 01.07.2021 № 248-ФЗ		194
от 01.07.2021 № 258-ФЗ		264.1
от 01.07.2021 № 259-ФЗ		228.2
от 01.07.2021 № 262-ФЗ		172.1
от 01.07.2021 № 281-ФЗ		222, 222.1, 222.2, 223, 223.1, 226.1
от 01.07.2021 № 292-ФЗ		284.1
от 01.07.2021 № 293-ФЗ		171.1
от 30.12.2021 № 458-ФЗ		264.2
от 30.12.2021 № 499-ФЗ		157
2022 г. – 15 законов		
от 28.01.2022 № 3-ФЗ	57	131, 132
от 04.03.2022 № 32-ФЗ		207.3, 280.3, 284.2
от 06.03.2022 № 38-ФЗ	63, 73	133, 242, 242.1, 316
от 09.03.2022 № 49-ФЗ	76.1	
от 25.03.2022 № 63-ФЗ		207.3, 261, 280.3
от 28.06.2022 № 200-ФЗ	79	
от 28.06.2022 № 203-ФЗ		116.1
от 14.07.2022 № 258-ФЗ	104.1	264, 264.3
от 14.07.2022 № 260-ФЗ	104.1	189, 208, 274.2, 275, 275.1, 276, 280.4, 282.4, 283.2, 284.1, 322, 359
от 14.07.2022 № 307-ФЗ		117, 286, 302
от 14.07.2022 № 345-ФЗ		200.4
от 24.09.2022 № 365-ФЗ	63, 80	201.2, 201.3, 285.5, 285.6, 331, 332, 333, 334, 337–342, 344, 346–348, 352.1, 356.1
от 21.11.2022 № 446-ФЗ	92	
от 29.12.2022 № 582-ФЗ		239, 330.1
от 29.12.2022 № 586-ФЗ	63	281.1, 281.2, 281.3

Таблица 2.
Состав законов о внесении изменений в УИК за 2018–2022 гг.

Данные законов о внесении изменений	Номера изменяемых статей	
	Общая часть	Особенная часть
2018 г. – 3 закона		
от 27.12.2018 № 516-ФЗ		74, 78, 130
от 27.12.2018 № 547-ФЗ		175
от 27.12.2018 № 548-ФЗ		73, 81

Окончание табл. 2

2019 г. – 4 закона		
от 18.07.2019 № 179-ФЗ		60.1, 60.9, 129
от 26.07.2019 № 208-ФЗ		180
от 02.12.2019 № 392-ФЗ		103, 104, 106–108, 180
от 27.12.2019 № 494-ФЗ	12.1	
2020 г. – 7 законов		
от 01.04.2020 № 96-ФЗ		60.1, 60.2, 81, 73
от 20.07.2020 № 221-ФЗ		60.3
от 20.07.2020 № 222-ФЗ		90
от 20.07.2020 № 223-ФЗ		180
от 31.07.2020 № 268-ФЗ		180
от 23.11.2020 № 379-ФЗ		115
от 23.11.2020 № 380-ФЗ		128
2021 г. – 5 законов		
от 09.03.2021 № 44-ФЗ		82
от 05.04.2021 № 78-ФЗ	24	
от 26.05.2021 № 154-ФЗ	17.1	
от 11.06.2021 № 217-ФЗ	15	89, 158
от 21.12.2021 № 432-ФЗ		99
2022 г. – 2 закона		
от 11.06.2022 № 183-ФЗ	15	89, 158
от 29.12.2022 № 590-ФЗ	15, 24	

Первое, что обращает на себя внимание при анализе вышеприведенных данных, – тот факт, что чаще других корректировалась ст. 76.1 УК. Ее упоминают 7 из 77 законов о внесении изменений в УК (см. табл. 1). Тогда как аналогичный показатель по другим статьям УК не превышает четырех, а по статьям УИК – трех законов (см. табл. 1, 2 и рис. 3).

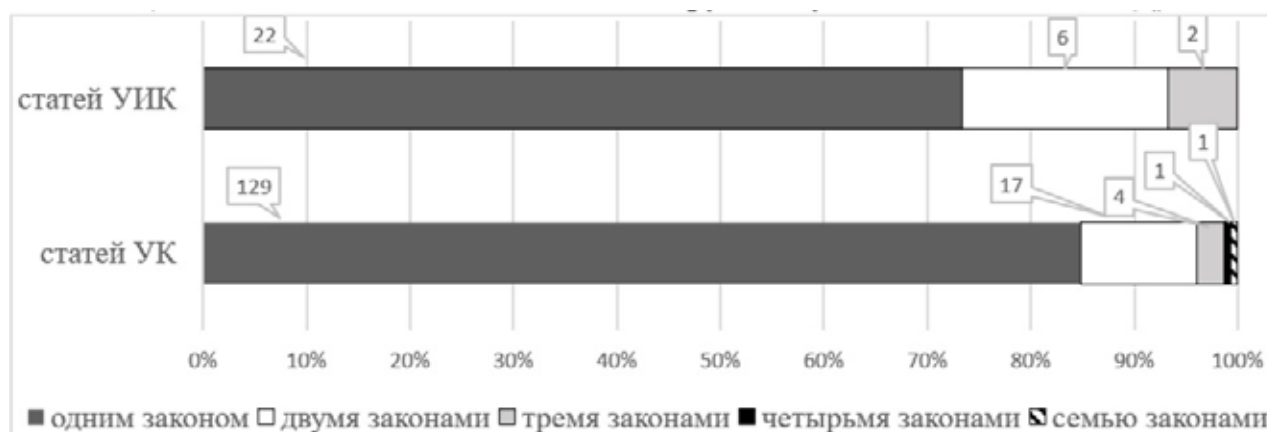

Рисунок 3. Доля статей УК и УИК, которые корректировались тем или иным количеством законов, принятых за 2018–2022 гг.
(количество статей по отдельным группам указано на выносках)

Это объясняется тем, что ч. 3 ст. 76.1 содержала изначально не норму права, а веление, которое не рассчитано на постоянное действие и может быть исчерпано испол-

нением¹, в силу чего в процессе функционирования веления в рамках нормативного акта потребовалось постоянно продлять действие ч. 3 ст. 76.1, меняя срок, при совершении до которого преступления возможно применение этой части². Без положений о продлении срока показатель по ст. 76.1 по-прежнему высок относительно частоты изменения других статей, но уже не так сильно отличается; существуют и иные статьи с аналогичным числом законов о внесении в них изменений.

Особенность, обусловившая повышенную частоту изменения данной статьи, не присуща иным положениям УК и не может объяснять разрыв между показателями в целом по УИК и УК, поэтому в дальнейшем обсуждаться в настоящей статье не будет.

В остальном как в УИК, так и в УК одни статьи менялись чаще, другие реже. Максимальное число законов, внесших изменения в отдельную статью (если не учитывать ст. 76.1), различается незначительно. Структура подвергавшихся правке статей по числу изменений в каждую из них также сходна. В целом для каждого из кодексов большая часть подвергшихся правке статей корректировалась лишь однажды (более 80 % в УК и более 70 % в УИК) (см. рис. 3). В сочетании с данными о числе статей, изменявшихся одним законом (см. рис. 2), это показывает, что разница в количестве законов о внесении изменений в УК и УИК задается в основном не частотой изменения отдельных статей, а числом статей, подвергающихся изменению хотя бы один раз. Состав статей, подвергающихся правке, от года к году меняется, при этом число изменений в УК всегда больше, чем в УИК. Следовательно, разница в частоте изменения УК и УИК связана в основном не с особенностями отдельных статей, а с особенностями кодексов в целом или групп норм в них.

Понять, в чем именно состоят эти особенности, можно, *сравнив число законов, вносящих изменения в статьи Общей и Особенной частей каждого из кодексов.*

В сумме за 5 лет структура законов о внесении изменений в УК и УИК примерно одинакова. Большая часть законов ограничивается правкой лишь Особенной части. Показатели за отдельные годы не столь единообразны. Доля законов о внесении изменений только в Особенную часть УК меняется от года к году, но всегда значительна. Лишь в 2022 г. доля законов, корректирующих только Особенную часть, составляет менее половины, причем процент снижается за счет законов, предполагающих одновременную правку положений Общей и Особенной частей (см. рис. 4).

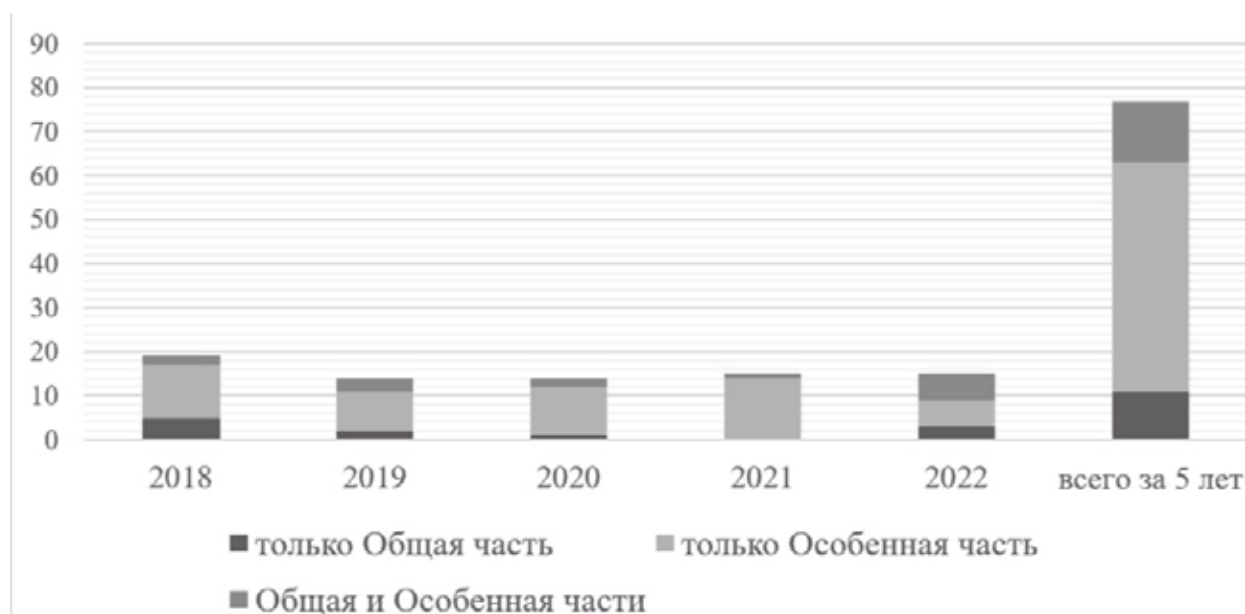

Рисунок 4. Число законов, вносящих изменения в ту или иную часть УК

¹ Подробнее о данной статье см.: Кокотова Д. А. Часть 3 статьи 76.1 УК РФ – непоименованная амнистия // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 2. С. 65.

² Положения о таком продлении содержат ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 19 февраля 2018 г. № 35-ФЗ «О внесении изменений в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; ст. 1 Федерального закона от 29 мая 2019 г. № 112-ФЗ «О внесении изменения в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации»; ст. 1 Федерального закона от 9 марта 2022 г. № 49-ФЗ «О внесении изменения в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В отличие от УК для УИК не прослеживается никакой закономерности, свидетельствующей об особом значении какой-либо из его частей. Доля законов о внесении изменений только в Особенную часть в числе актов, корректирующих УИК, колеблется от 0 до 100 %. Доля законов, отнесенных к другим группам, также варьируется (см. рис. 5).

Рисунок 5. Число законов, вносящих изменения в ту или иную часть УИК

Если бы соотношение было стабильным, можно бы было предположить, что оно задано тем, какую долю от текста каждого из кодексов составляет Особенная часть. Однако показатели изменчивы (см. табл. 3).

Таблица 3.
Соотношение законов, внесших изменения только в Особенную часть, и общего числа законов, %

Кодекс \ Период	2018	2019	2020	2021	2022	всего за 5 лет
УК	63	64	79	93	40	68
УИК	100	75	100	40	0	71

Более того, доля Особенной части в тексте УИК даже больше, чем ее доля в тексте УК. По состоянию на начало исследуемого периода (конец 2017 г.) Особенная часть составляла 76 % статей УК (359 статей) и 81 % знаков его текста (492 454 знака без пробелов). На тот же момент Особенная часть УИК составила 88 % статей кодекса (179 статей) и 87 % знаков его текста (232 294 знака без пробелов).

Следовательно, разница в доле, которую составляют законы о внесении изменений в ту или иную часть кодекса, обусловлена не объемом частей, а спецификой содержания Особенной части УК по сравнению с Общей частью того же кодекса и в целом с УИК. Более того, разница в частоте внесения изменений в УК и УИК может быть объяснена на основе анализа этой специфики, поскольку в отсутствие законов о внесении изменений в Особенную часть число изменений в УК далеко не всегда превышало бы сходный показатель по УИК либо (в 2022 г.) разрыв между показателями был бы не столь велик (см. рис. 6).

С учетом сказанного, чтобы понять, почему УК меняется чаще, чем УИК, нам надо выяснить, в чем специфика Особенной части УК и почему возникает необходимость ее существования в том виде, в котором она написана в действующем УК.

Говоря о специфике Особенной части, можно заметить, что Общая и Особенная части УК различаются по степени общности предписаний. Положения Общей части затрагивают одновременно множество деяний, тогда как Особенная часть в основном содержит положения об отдельных преступлениях. Исключение – примечания,

чье действие распространяется на ряд статей, они по характеру приближены к некоторым велениям Общей части (например, примечания к ст. 158 УК¹).

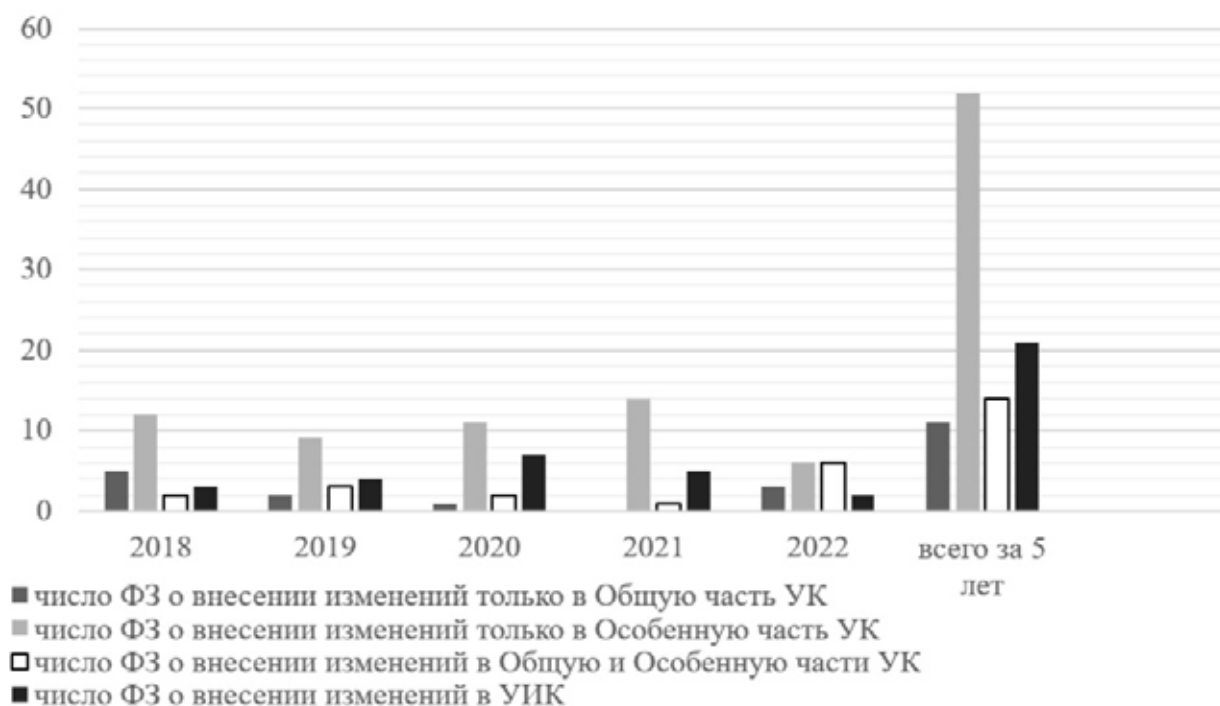

Рисунок 6. Соотношение числа законов о внесении изменений в УИК с числом законов о внесении изменений в различные части УК

В УИК же такое противопоставление частей отсутствует. В нем в принципе нет Особенной части в том виде, в каком она существует в УК. Заключение в Особенной части УИК предписания, посвященные исполнению отдельных видов наказания, приближены по степени общности к велениям Общей части УК.

Чисто теоретически УИК также мог бы содержать фрагмент, построенный подобно Особенной части УК, в частности, конкретизирующий то, как должны решаться различные вопросы для каждого отдельного деяния, или описывающий в стиле составов отдельных деяний в УК основания применения мер поощрения и взыскания. Опять же чисто теоретически УК мог бы не содержать, например, конкретизации возможных видов наказания для каждого отдельного деяния, ограничиваясь общими правилами назначения наказания, которые адаптируются к отдельным деяниям лишь в процессе правоприменения; описания отдельных деяний в принципе могли бы быть заменены набором универсальных оценочных признаков.

Причина, по которой этого не произошло, как представляется, состоит в том, *какие именно криминологические модели, теории получили решающее значение в УК и УИК.*

На формирование УК в современном его виде повлияло множество криминологических теорий, но следует согласиться, что основными для него все же являются модель возмездия и классическая школа (модель контроля)².

Модель возмездия предполагает, что за преступлением должно следовать такое наказание, которое, исходя из испытываемых нами эмоций, кажется нам справедливым. С учетом этого закон должен либо предоставлять усмотрение правоприменителю, либо меняться каждый раз, когда необходимо обеспечить возможность в конкретном случае, исходя из испытываемых эмоций, применить ранее не предусмотренную им ответственность. Центральная категория этой модели – отдельные престу-

¹ Здесь и далее использован Уголовный кодекс РФ (в ред. от 4 августа 2023 г.). При этом правка указанных статей за период с 2018 г. (иногда с начала существования УК) не осуществлялась либо не затрагивала те аспекты, на которых основаны наши выводы, что позволяет использовать данный материал для интерпретации изменений за изученный период.

² Родионова О. Н. УК РФ и теории преступности // Российский юридический журнал. 2002. № 2. С. 8–9.

пления, не как абстрактная категория, а как множество отдельных деяний с учетом особенностей каждого из них.

Центральным субъектом является тот, кто переживает эмоции, т. е. отдельный человек, столкнувшийся с преступлением, и общество, в котором оно произошло. Критерий выбора необходимых мер реагирования в этой модели – сила и характер эмоций, переживаемых в связи с преступлением. Население, испытывающее эмоции, должно видеть реакцию на преступление или непосредственно участвовать в выборе наказания и его исполнении, чтобы сбросить эмоции и ощутить, что возмездие реализовано¹. Цель реагирования в логике модели – восстановление нарушенного преступлением баланса².

Классическая школа основана на стремлении заставить людей (которые в равной мере склонны по природе своей к нарушениям) отказаться от совершения преступлений за счет нивелирования получаемой от них выгоды наказанием³. Предложенная этой школой модель реагирования работает при условии предсказуемости того, какие последствия влечет каждое из деяний. Поэтому требуется объединить все нормы в единый акт, в котором четко прописаны признаки преступлений и следующие за них наказания. Необходимо гарантировать ощущение неотвратимости наказания как неизбежного, естественного следствия преступления. В связи с этим требуется максимально подробная регламентация и неукоснительное следование закону при минимизации усмотрения правоприменителя (в идеале его вообще нет)⁴. Центральная категория этой школы – преступление. Центральной стадией становится рассмотрение дела в суде, как стадия применения закона, после которой объем и характер воздействия на совершившее преступление лицо корректироваться не могут.

Для УИК, как представляется, базовой стала *позитивная (антропологическая) школа*.

Позитивная школа смещает акцент с преступления на преступного человека⁵. Само деяние здесь не больше, чем внешнее проявление происходящих с ним процессов, симптом, который при некоторых условиях может даже и не проявиться⁶. Требуется обеспечить условия для работы с таким лицом специалистов, которые на основе экспертной оценки каждого конкретного случая определяют, какие меры требуется применить к лицу. Признаки преступного, следовательно, не могут быть прописаны в законе иначе, как в форме оценочных категорий. Роль закона сводится к урегулированию процедур привлечения эксперта и наделению его полномочиями для обеспечения возможности принудительного исполнения его решений. Главенствующую роль в этих условиях приобретают сотрудники учреждений, обеспечивающих исполнение наказания, как лица, постоянно взаимодействующие с преступниками. В процессе исполнения наказания с учетом получаемой информации о лице определяют необходимые формы и период воздействия⁷.

Развитие подзаконного регулирования не противоречит теории и даже логично при условии, что позволяет гарантировать участие в разработке актов специалистов, обладающих необходимыми знаниями.

Приверженность УИК именно этой модели проявляется, например, в том, что он в значительной степени оставляет вопрос выбора применяемых мер и оснований их применения на усмотрение правоприменителя, не уточняя, за какие именно формы поведения может следовать каждая из описанных мер (например, ст. 60.14, 136 УИК⁸);

¹ В качестве основы для описания модели возмездия мы используем изложение функций наказания Э. Дюркгеймом, разделяя точку зрения, что оно отражает именно эту модель. См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. С. 94–99, 420.

² Родионова О. Н. Религиозные и мифологические подходы к проблеме преступного как предмет криминологии // Морально-этические и религиозные основы уголовного права: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ковалева (Екатеринбург, 21–22 февраля 2009 года) / под ред. И. Я. Козаченко. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. С. 57.

³ Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2009. С. 89, 95.

⁴ Там же. С. 92–94, 96–97.

⁵ Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2009. С. 37.

⁶ Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике // Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 181.

⁷ Ферри Э. Указ. соч. С. 569–570.

⁸ Здесь и далее использован Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (в ред. от 24 июня 2023 г.). При этом все статьи, к которым даны отсылки, не менялись или не претерпели суще-

давая максимально абстрактное описание поведения, которое служит основанием для реакции (в частности, ч. 1 ст. 71, ст. 113, 134 УИК), или даже ограничиваясь указанием цели и общим определением моментов, которые должны быть учтены, без регламентации того, в чем именно должны состоять меры (ст. 109, ч. 3 ст. 137 УИК и др.).

Ни одна из моделей, конечно, не воплощается в чистом виде, как единственная основа, ни в УК, ни в УИК. Все российское право основано на разделяемой классической школой идее главенства закона и требовании правовой определенности (ч. 1 ст. 1, ст. 15 Конституции России). В связи с этим УИК также несет следы классической школы (само закрепление базовых положений в едином кодексе, четкое определение в отдельных случаях форм поведения, которые могут влечь конкретную реакцию, – ч. 3 ст. 117 УИК, например). Пределы возможного для УИК ограничиваются УК, принимающим в качестве системообразующей именно классическую школу, что не позволяет в полной мере реализовать позитивистскую модель в УИК (так, в отсутствие возможности вынесения неопределенных приговоров представители исправительных учреждений имеют меньшее влияние на продолжительность отбывания наказания).

В УК в свою очередь также существуют отдельные предписания, сформулированные в логике позитивизма (например, ст. 73 УК, предполагающая, что условное осуждение применяется, если судья сочтет возможным исправление осужденного без реального отбывания наказания, т. е. основанием для решения служит «экспертная оценка», а не четко определенный в законе набор признаков).

Однако положений в логике позитивизма в УК меньше, чем в УИК, и они сконцентрированы в Общей части кодекса. Особенная же выступает квинтэссенцией сочетания классической школы и модели возмездия. УК, написанный в логике сугубо позитивизма, не нуждался бы в Особенной части в том виде, в каком она существует сейчас.

В модели возмездия Особенная часть как описание множества отдельных деяний и следующих за ними последствий нужна постольку, поскольку эта модель ограничена в возможности обобщения. Реакция на каждое деяние основана на эмоциональном восприятии конкретной ситуации со всеми ее деталями.

В классической школе потребность в Особенной части обусловлена необходимостью обеспечить максимальную предсказуемость последствий совершения преступления для потенциального преступника и веру в неотвратимость их наступления. Для этого кодекс должен быть понятен при чтении простому гражданину, а также должен минимизировать усмотрение правоприменителя. Особенная часть как форма изложения материала соответствует этим требованиям¹. Чем конкретнее предписание, тем проще понять, соответствует ли ему деяние. Представьте кодекс, в котором границы преступного задаются только определением преступления (например, виновное, общественно опасное, противоправное деяние) и нет никакой Особенной части. Будет сложнее понять, должно ли конкретное деяние считаться преступлением, просчитать, какую позицию по этому вопросу займет суд, а соответственно, предсказать, привлекут ли тебя к ответственности.

С учетом этого обеим этим моделям соответствует существование Особенной части именно в том виде, в котором она на сегодня включена в УК, т. е. максимально четкое описание отдельных деяний и последствий, следующих за их совершение. Не просто указание на возможный набор наказаний, а конкретизация того, за какие преступления какие виды наказания и в каком размере могут быть назначены.

Если бы в основе УИК лежало сочетание модели возмездия и классической школы, то он должен был бы также содержать описание, например, конкретных нарушений режима со стороны осужденных с указанием для каждого нарушения тех последствий, которые оно может повлечь, по аналогии с тем, как сегодня написана Особенная часть УК.

Таким образом, специфика Особенной части УК объясняется разницей в выборе основных криминологических моделей. Ею же можно объяснить и разницу в частоте внесения изменений в кодексы, большую изменчивость Особенной части УК.

ст. 109, ч. 3 ст. 137 УИК и др.).
ственных изменений как минимум с 2018 г. или даже с момента принятия УИК, что позволяет опираться на них для интерпретации причин изменчивости за изученный период.

¹ Не говоря о том, насколько удачно сформулированы отдельные статьи Особенной части УК, ведь эта характеристика может быть различна для любой из частей кодекса.

Принятие кодексом в качестве своей основы определенной криминологической теории, модели приводит к тому, что она воплощается не только в содержании норм, но и в том, как они меняются.

Модель, предложенная классической школой, рассчитана на стабильность регулирования, ведь только стабильное регулирование может быть предсказуемым. Вместе с тем, так как она требует детального описания форм преступного и следующей на них реакции, допуская применение только предусмотренных в законе мер и только за деяния, четко в нем описанные, возникает потребность в частом изменении закона при объективной изменчивости отношений; при частом возникновении желания скорректировать границы преступного, реакцию; а также при неспособности законодателя сформулировать четкое описание деяния, которое не потребует в последующем исправления.

Сочетание классической школы с моделью возмездия гарантирует необходимость частой правки даже при стабильности отношений. Модель возмездия предполагает ситуативность реакции на отдельные случаи с учетом всех их особенностей, без обобщения, что, в отсутствие возможности обеспечить это условие на стадии применения норм, приводит к частому возникновению потребности обособить специальный состав, криминализировать новое деяние без достаточного соотнесения его с уже имеющимися, ужесточить наказание для удовлетворения ситуативных потребностей, порожденных эмоциями от конкретного преступления. Также с моделью возмездия логично сочетается потребность принять норму здесь и сейчас без длительной ее проработки. Все это диктует необходимость частых правок, бессистемность которых предопределяет возникновение потребности в новых коррективах.

Для позитивной же теории не столь значимо само существование законов. Опираясь на экспертные оценки и нормы, которые лишь создают условия для работы экспертов без детализации описания преступного и мер реагирования, она не предполагает и необходимости частой корректировки норм, так как практика может при необходимости меняться независимо от содержания закона.

Дополнительно, позитивная школа, в отличие от классической, не предполагает необходимости объединения всех правил в одном законе, не приводя к сосредоточению почти всех усилий по корректировке практики на правке такого закона. В отличие от УК (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 3 УК), УИК не закрепляет за собой монополии в регламентации отношений¹, допуская регламентацию не только иными законами, но и подзаконными актами (ч. 1 ст. 2, ст. 4 УИК). Это позволяет заменять изменения УИК принятием и правкой подзаконных актов, что может в некоторой мере объяснять разрыв в частоте внесения изменений в УК и УИК. Однако диспропорцию в частоте внесения изменений в различные части УК это бы не объясняло.

Итоговый вывод. УИК действительно более стабилен, чем УК. Причина этого связана с выбором в качестве базовых моделей: для УК – классической школы и модели возмездия, а для УИК – позитивной школы. Разница в выборе приводит к разнице описания преступного и реакции на него и, как следствие, разнице в частоте внесения изменений в кодексы.

Список литературы

Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: ИНФРА-М, 2009. VI, 183 с.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

Кокотова Д. А. Часть 3 статьи 76.1 УК РФ – непоименованная амнистия // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 2 (92). С. 65–67.

Ломброзо Ч. Новейшие успехи науки о преступнике // Преступление. Новейшие успехи науки о преступнике. Анархисты. М.: ИНФРА-М, 2014. 320 с.

Родионова О. Н. Предмет криминологии // Российский юридический журнал. 2017. № 1 (112). С. 45–47.

Родионова О. Н. Религиозные и мифологические подходы к проблеме преступного как предмет криминологии // Морально-этические и религиозные основы уголовного права: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М. И. Ко-

¹ Правда стоит отметить, что и для УК эта монополия фактически не является абсолютной (постановления Государственной Думы, оформляющие амнистию (ч. 1 ст. 84 УК), Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», сам УИК и т. п.).

валева (Екатеринбург, 21–22 февраля 2009 года) / под ред. И. Я. Козаченко. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2011. С. 56–59.

Родионова О. Н. УК РФ и теории преступности // Российский юридический журнал. 2002. № 2 (34). С. 8–11.

Ферри Э. Уголовная социология. М.: Инфра-М, 2009. 658 с.

References

Beccaria Ch. (2009). *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* [On crimes and punishments]. Moscow, INFRA-M, VI, 183 p.

Durkheim E. (1996). *O razdelenii obshchestvennogo truda* [The division of labour in society]. Moscow, Kanon, 432 p.

Ferri E. (2009). *Ugolovnaya sotsiologiya* [Criminal sociology]. Moscow, Infra-M, 658 p.

Kokotova D. A. (2016). Chast' 3 stat'i 76.1 UK RF – nepoimenovannaya amnistiya [Part 3 of Article 76.1 of the Penal Code – unnamed amnesty] In *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, no. 2 (92), pp. 65–67.

Lombrozo Ch. (2014). Noveishie uspekhi nauki o prestupnike [The recent progress of a criminal anthropology]. In *Prestuplenie. Noveishie uspekhi nauki o prestupnike. Anarkhisty*. Moscow, INFRA-M, pp. 145–224.

Rodionova O. N. (2002). UK RF i teorii prestupnosti [Penal Code and criminological theories]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 2 (34), pp. 8–11.

Rodionova O. N. (2011). Religioznye i mifologicheskie podkhody k probleme prestupnogo kak predmet kriminologii [Religious and mythological approaches to the problem of criminal as the subject of criminology]. In Kozachenko I. Ya. (Ed.) *Moral'no-eticheskie i religioznye osnovy ugolovnogo prava: materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati M. I. Kovaleva (Ekaterinburg, 21–22 fevralya 2009 goda)*. Yekaterinburg, Izdatel'skii dom «Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», pp. 56–59.

Rodionova O. N. (2017). Predmet kriminologii [The subject of criminology]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1 (112), pp. 45–47.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ СТ. 264.2 УК РФ

Первухин Александр Сергеевич

Адъюнкт Уральского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-7761-9237, email: ann.alexandr@mail.ru.

В статье на основе анализа отечественного законодательства, правоприменительной практики и трудов ученых рассматривается признак субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, который создает условия для нарушения принципа равенства граждан перед законом. Автор обосновывает позицию о том, что лицо должно привлекаться к уголовной ответственности только в том случае, когда все предикатные правонарушения зафиксированы уполномоченным сотрудником полиции.

Ключевые слова: уголовная ответственность, административная преюдиция, транспортное преступление, квалификация преступлений, фиксация правонарушений

Для цитирования: Первухин А. С. К вопросу о совершенствовании ст. 264.2 УК РФ // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 41–45. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_41.

ON THE ISSUE OF IMPROVING ART. 264.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Pervukhin Alexander

Adjunct, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-7761-9237, email: ann.alexandr@mail.ru.

Based on the analysis of domestic legislation, law enforcement practice and the works of scientists the article examines the sign of the subject of the crime provided for in p. 1 of Art. 264.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, which creates conditions for violating the principle of equality of citizens before the law. The author substantiates the position that a person should be brought to criminal responsibility only if all predicate offenses are recorded by an authorized police officer.

Key words: criminal liability, administrative prejudice, transport crime, qualification of crimes, fixing offenses

*For citation: Pervukhin A. (2023) On the issue of improving Art. 264.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 5, pp. 41–45, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_41.*

Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» уголовный закон был дополнен ст. 264.2 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами».

Ответственности по указанной норме уголовного закона подлежит лицо, уже подвергнутое административному наказанию за повторное превышение установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 км/ч, но не более 80 км/ч или на величину более 80 км/ч либо повторный выезд в нарушение Правил дорожного движения РФ (далее – ПДД РФ) на полосу, предназначенную для встреч-

ного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев объезда препятствия, и вновь допустившее аналогичное нарушение ПДД РФ.

Представляется, что признак специального субъекта, указанный в ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, создает условие для нарушения принципа равенства граждан перед законом.

Можно предположить, что деяния, выраженные в 1) превышении установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 км/ч, но не более 80 км/ч или превышении установленной скорости движения транспортного средства на величину более 80 км/ч и 2) выезде в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев объезда препятствия, равновесны для целей ч. 1 ст. 264.2 УК РФ по следующим причинам. Во-первых, каждое из них образует объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, при отсутствии какой-либо дифференциации ответственности; во-вторых, они причиняют вред одним и тем же общественным отношениям; в-третьих, обладают близкой степенью общественной опасности (размеры и виды санкций, предусмотренные за совершение указанных правонарушений в административном законодательстве, имеют небольшие отличия; разница в тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий, совершенных по причине нарушения указанных ПДД РФ, незначительна¹).

По тем же причинам равновесными можно назвать деяния, выраженные в повторном превышении установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 км/ч, но не более 80 км/ч или на величину более 80 км/ч и повторном выезде в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев объезда препятствия.

Здесь необходимо отметить, что согласно ч. 1 ст. 264.2 УК РФ фактически лицо привлекается к уголовной ответственности за совершение третьего аналогичного правонарушения. При этом лицо, например, допустившее выезд в нарушение ПДД РФ на полосу встречного движения, а затем дважды превысившее установленную скорость, т. е. совершившее повторное превышение установленной скорости, не может быть подвергнуто уголовной ответственности. Возникает закономерный вопрос: разве такое лицо не демонстрирует общественно опасное поведение?

Обратимся к трудам Д. В. Мирошниченко, который, исследуя диалектику проступка и преступления, пришел к выводу, что «общественная опасность преступления с преюдицией связана не с объективной характеристикой деяния как общественно опасного, а субъективной характеристикой общественно опасного поведения конкретной личности...»². Поведение в уголовном праве рассматривается сквозь призму отдельных поведенческих актов, служащих основой для криминализации деяния³. Мера общественно опасного поведения лица искусственно устанавливается законодателем⁴.

Исходя из содержания ч. 1 ст. 264.2 УК РФ таковым признается совершение трех однородных нарушений ПДД РФ в пределах установленных сроков, но только в определенных законодателем комбинациях (что и создает условия для нарушения принципа равенства граждан перед законом). Другие же случаи, когда лицо демонстрирует общественно опасное поведение, остаются за пределами действия указанной нормы.

Таким образом, учитывая, что для целей ч. 1 ст. 264.2 УК РФ деяния, выраженные в превышении установленной скорости движения транспортных средств и выезде в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев объезда препятствия, совершенные как впервые, так и повторно, равновесны, а их трехкратное совершение в период соответствующих сроков – законодательно установленный

¹ Число погибших в дорожно-транспортных происшествиях в расчете на 100 пострадавших. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2022 год // Научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/> (дата обращения: 15.06.2023).

² *Мирошниченко Д. В.* Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование: моногр. М.: Юрлитинформ, 2022. С. 21.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 56.

«критерий» общественно опасного поведения, считаем, что общественно опасным поведением для целей ч. 1 ст. 264.2 УК РФ должно признаваться трехкратное соответствующее нарушение ПДД РФ в любой последовательности и комбинации.

Перейдем к другой проблеме. В примечании к ст. 264.2 УК РФ законодатель указал, что действие нормы «не распространяется на случаи фиксации административных правонарушений работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, имеющими функции фото- и киносъемки, видеозаписи, или средствами фото- и киносъемки, видеозаписи (далее – СТС)».

Не вызывает сомнений, что лицо, обладающее признаками специального субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, может быть привлечено к уголовной ответственности только в том случае, когда вновь совершенное им нарушение ПДД РФ зафиксировано уполномоченным сотрудником полиции.

Факт повторного предикатного правонарушения (ч. 7 ст. 12.9, ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ) также должен быть установлен уполномоченным сотрудником полиции. Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.2 УК РФ, является лицо, лишенное права управления транспортными средствами за совершение любого из названных выше предикатных правонарушений. Указанный вид наказания при производстве по делу об административном правонарушении может быть назначен только в случае, когда оно было зафиксировано уполномоченным сотрудником полиции.

Остается неясным, должно ли совершение первого предикатного правонарушения (чч. 4, 5 ст. 12.9, ч. 4 ст. 12.15 КоАП РФ) быть установлено уполномоченным сотрудником полиции для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ.

Вероятно, здесь возможно два подхода: узкий и широкий.

При широком подходе такое правонарушение может быть зафиксировано как с помощью СТС, так и уполномоченным сотрудником полиции. Однако здесь следует заметить, что в тех случаях, когда факт совершения правонарушения установлен вышеуказанными средствами, к административной ответственности привлекается собственник (владелец) транспортного средства (ст. 2.6.1 КоАП РФ). При этом совершить правонарушение могло другое лицо, которому предоставлено право управления этим транспортным средством. Владелец же может не оспаривать решение о привлечении его к административной ответственности (но это вовсе не значит, что именно он совершил его). Однако, если владелец транспортного средства совершит тождественное правонарушение, которое будет зафиксировано уполномоченным сотрудником полиции, юридически оно будет считаться повторным.

Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 2 Урайского судебного района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26 января 2021 г. № 5-15/21 З., который, управляя транспортным средством, двигался со скоростью 112 км/ч на участке дороги, где запрещено движение со скоростью более 50 км/ч, был привлечен к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ч. 7 ст. 12.9 КоАП РФ. Судом установлено, что на момент совершения указанного правонарушения З. был подвергнут административному наказанию по ч. 4 ст. 12.9 КоАП РФ за совершение аналогичного правонарушения. При этом первое правонарушение было зафиксировано «с применением работающего в автоматическом режиме специального технического средства»¹. Аналогичную позицию в схожих ситуациях заняли и другие суды².

Таким образом, при широком подходе никаких правовых препятствий для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ в случаях, когда первое правонарушение зафиксировано с помощью СТС, нет. Однако возможно ли в этом случае говорить о том, что было установлено общественно опасное поведение такого лица?

¹ Постановление мирового судьи судебного участка № 2 Урайского судебного района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26 января 2021 г. № 5-15/21 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://dsm.consultant.ru> (дата обращения: 23.10.2023).

² См., например: решение мирового судьи судебного участка № 32 Читинского районного суда Забайкальского края № 12-201/2022 5-1007/2022 от 8 декабря 2022 г. по делу № 12-201/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 09.11.2023); решение Читинского районного суда Забайкальского края № 12-128/2021 от 15 июля 2021 г. по делу № 12-128/2021 // Там же; постановление мирового судьи судебного участка № 7 Сормовского района города Нижний Новгород Нижегородской области от 21 марта 2017 г. по делу № 5-131/2017 // Там же.

На наш взгляд, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение преступления с административной преюдицией, когда объективно установлено наличие общественно опасного поведения, что возможно в случае фиксации предикатных правонарушений уполномоченным сотрудником полиции. В случае, когда первое предикатное правонарушение было зафиксировано ТС, достоверно установить тот факт, что оно было совершено лицом, привлекаемым к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ, невозможно, за редким исключением (в целях установления лица, совершившего нарушение правил дорожного движения, возможно, например, проведение портретной экспертизы, однако, как показывает практика, изображения, полученные с вышеназванных средств, в большинстве случаев для этого непригодны).

Рис. 1. Установление общественно опасного поведения лица по действующему законодательству (широкий подход)

При узком подходе допускается привлечение лица к уголовной ответственности только в тех случаях, когда каждое из предикатных правонарушений зафиксировано уполномоченным сотрудником полиции. Такой подход представляется верным, поскольку объективно устанавливается наличие общественно опасного поведения и, соответственно, общественной опасности личности.

Рис. 2. Установление общественно опасного поведения лица по действующему законодательству (узкий подход)

Однако, как мы указали выше, лицо может быть привлечено к административной ответственности за повторное правонарушение даже тогда, когда первое было зафиксировано с помощью ТС. Вместе с тем, если лицо вновь совершает аналогичное правонарушение, возможность его привлечения к уголовной ответственности исключается.

Значит ли это, что оно получает «иммунитет» от привлечения к уголовной ответственности по ст. 264.2 УК РФ? Конечно, нет.

Субъектом указанного преступления является лицо, подверженное административному наказанию именно за повторное правонарушение. Следовательно, в тех слу-

чаях, когда первое правонарушение было зафиксировано с помощью средств, указанных в примечании к ст. 264.2 УК РФ, а факт повторного совершения правонарушения установлен уполномоченным сотрудником полиции, последующее нарушение ПДД РФ, зафиксированное уполномоченным сотрудником полиции, необходимо квалифицировать по ч. 7 ст. 12.9 или ч. 5 ст. 12.15 КоАП РФ. В этот момент лицо фактически становится субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.2 УК РФ. Если же лицо вновь совершило тождественное правонарушение (которое также было зафиксировано сотрудником полиции), можно говорить о наличии объективно установленного общественно опасного поведения.

Возможное решение обозначенных проблем видится в следующих законодательных изменениях:

признать на законодательном уровне общественно опасным поведением для целей ч. 1 ст. 264.2 УК РФ трехкратное совершение в любой последовательности и комбинации нарушений ПДД РФ, выраженных в превышении установленной скорости движения транспортного средства на величину более 60 км/ч, но не более 80 км/ч или на величину более 80 км/ч либо выезде в нарушение ПДД РФ на полосу, предназначенную для встречного движения, либо на трамвайные пути встречного направления, за исключением случаев объезда препятствия, с внесением необходимых корреспондирующих изменений в административное законодательство;

на законодательном уровне ограничить последовательное ужесточение ответственности за неоднократное совершение соответствующих транспортных правонарушений в период установленных сроков только теми случаями, когда все предшествующие нарушения лица были зафиксированы уполномоченным сотрудником полиции.

Список литературы

Мирошниченко Д. В. Преюдиция в уголовном праве России: теоретико-прикладное исследование: моногр. М.: Юрлитинформ, 2022. 208 с.

References

Miroshnichenko D. V. (2022) *Prejuditsiya v ugolovnom prave Rossii: teoretiko-prikladnoe issledovanie* [Prejudice in Russian Criminal Law: theoretical and applied research]. Moscow, Yurлитinform, 208 p.

АДМИНИСТРИРОВАНИЕ БАНКОМ РОССИИ ЭТАЛОННОЙ ПРОЦЕНТНОЙ СТАВКИ RUONIA

Недорезков Вячеслав Викторович

Доцент кафедры финансового и административного права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа), кандидат юридических наук, ORCID: 0009-0008-9160-3611, e-mail: vvn2611@yandex.ru.

Валишина Наиля Рифовна

Ассистент кафедры экологического и трудового права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа), ORCID: 0009-0002-0109-0243X, e-mail: valishinanr@mail.ru.

В статье рассматривается история возникновения процентной ставки RUONIA в России и обозначаются мировые аналоги. Авторами раскрывается роль Банка России в порядке определения данной ставки и ее влияние на денежно-кредитную политику. Также определены объект и субъект администрирования ставки RUONIA.

Ключевые слова: ключевая ставка, RUONIA, Банк России, администрирование процентной ставки, денежно-кредитная политика, устойчивость рубля, переменная процентная ставка, финансовая стабильность, инфляция

Для цитирования: Недорезков В. В., Валишина Н. Р. Администрирование Банком России эталонной процентной ставки RUONIA // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 46–50. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_46.

ADMINISTRATION OF THE REFERENCE INTEREST RATE RUONIA BY THE BANK OF RUSSIA

Nedorezkov Vyacheslav

Associate professor, Ufa University of Science and Technology (Ufa), candidate of legal sciences, ORCID: 0009-0008-9160-3611, e-mail: vvn2611@yandex.ru.

Valishina Nailya

Assistant, Ufa University of Science and Technology (Ufa), ORCID: 0009-0002-0109-0243X, e-mail: valishinanr@mail.ru.

The article examines the history of the RUONIA interest rate in Russia and identifies world analogues. The authors reveal the role of the Bank of Russia in determining this rate and its impact on monetary policy. The object and subject of the RUONIA bid administration are also defined.

Key words: key rate, RUONIA, Bank of Russia, interest rate administration, monetary policy, ruble stability, variable interest rate, financial stability, inflation

*For citation: Nedorezkov V., Valishina N. (2023) Administration of the reference interest rate RUONIA by the Bank of Russia. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 1, pp. 46–50, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_46.*

Деятельность Банка России как мегарегулятора финансового рынка направлена на выполнение основной функции, закрепленной в ст. 75 Конституции РФ, – защиты и обеспечения устойчивости рубля. Указанная функция конкретизируется в ст. 3 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном Банке Российской Феде-

рации (Банке России)»¹ (далее – Закон о ЦБР), устанавливающей цели деятельности Банка России.

Защита и обеспечение устойчивости рубля достигается через осуществление денежно-кредитной политики, инструменты которой перечислены в ст. 35 Закона о ЦБР. Стратегией денежно-кредитной политики является таргетирование инфляции, ее целью – поддержание годовой инфляции вблизи 4 %².

Среди главных инструментов денежно-кредитной политики выделяют процентные ставки по операциям Банка России. Согласно ст. 37 Закона о ЦБР процентная политика используется для воздействия на рыночные процентные ставки. Банк России устанавливает одну или несколько процентных ставок по различным видам операций, проводит процентную политику без фиксации процентной ставки.

Управляя ликвидностью банковского сектора, Банк России устанавливает ключевую ставку, которая оказывает влияние на рыночные процентные ставки и в дальнейшем через различные причинно-следственные связи воздействует на динамику цен в экономике, формируя внутренний спрос.

Основная цель денежно-кредитной политики (поддержание годовой инфляции вблизи 4 %) достигается через постановку операционной цели – формирование на первом этапе трансмиссионного механизма однодневных ставок overnight денежного рынка вблизи ключевой ставки. Операционная цель реализуется Банком России при помощи установления коридора процентных ставок, ширина которого составляет 200 базисных пунктов от ключевой ставки. В качестве основного индикатора ставки overnight денежного рынка Банк России использует эталонную процентную ставку – взвешенную процентную ставку необеспеченных межбанковских однодневных кредитов (депозитов) в рублях – RUONIA (Ruble Overnight Index Average). Расчет RUONIA на основе ставок однодневных кредитов (депозитов) приближает ее к понятию условно безрисковой ставки денежного рынка. В отличие от ключевой ставки, Банк России не устанавливает эталонную ставку RUONIA, а лишь администрирует ее.

RUONIA появилась в 2010 г. как результат совместной деятельности Банка России и Национальной валютной ассоциации на основе надзорной отчетности банков-контрибьюторов. Введение RUONIA стало ответом на финансовый кризис 2007–2008 гг., когда отсутствовал полноценный индикатор, позволявший судить о состоянии денежного рынка. Данная ставка стала первой, измеряющей ценовые условия в ядре межбанковского рынка. Она определяет торговую активность крупнейших банков, доля которых на межбанковском рынке держится в пределах 70–75 %³.

Формирование Банком России эталонной процентной ставки соответствует общемировой тенденции на глобальном рынке, принципы которой закрепляются Международной организацией комиссий по ценным бумагам⁴. В частности, Федеральная резервная система США администрирует срочную версию SOFR (Secured Overnight Financing Rate)⁵, Европейский центральный банк – ESTR (Euro short-term rate)⁶, Банк Англии – SONIA (Sterling Overnight Index Average)⁷. Дополнительным катализатором к переходу к национальным эталонным процентным ставкам стали факты манипуля-

¹ Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (последняя редакция) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 23.04.2023).

² Основные направления денежно-кредитной политики на 2023 год и период 2024 и 2025 годов (утв. Банком России) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430425/ (дата обращения: 23.04.2023).

³ Реинкарнация RUONIA, или Вторая жизнь процентного индикатора. С. Р. Моисеев, доктор экономических наук, советник первого заместителя председателя Банка России // Банковское дело. URL: <https://www.bankdelo.ru/expert-opinion/pub/3476> (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Principles for Financial Benchmarks. Final Report. The Board of the International Organization of Securities Commissions, 13 July 2013 // International organization of securities commissions. URL: <https://www.iosco.org/library/pubdocs/pdf/IOSCOPD415.pdf> (дата обращения: 23.04.2023).

⁵ Federal reserve bank of New York. URL: <https://www.newyorkfed.org/markets/reference-rates/soft-averages-and-index> (дата обращения: 23.04.2023).

⁶ Европейский центральный банк. URL: https://www.ecb.europa.eu/stats/financial_markets_and_interest_rates/euro_short-term_rate/html/index.en.html (дата обращения: 23.04.2023).

⁷ Банк Англии. URL: <https://www.bankofengland.co.uk/markets/sonia-benchmark/sonia-key-features-and-policies> (дата обращения: 23.04.2023).

ции с широко используемой ранее участниками финансового рынка ставкой LIBOR (London Interbank Offered Rate), после выявления которых Управлением по контролю за нормами финансового поведения Великобритании (Financial Interbank Authority) принято решение об отмене данного индикатора с конца 2021 г.¹ Ставка LIBOR существовала с 2 сентября 1985 г. и формировалась на основе опросных листов, согласно которым банки публиковали информацию об условиях, на каких они готовы кредитовать друг друга².

Ставка RUONIA применяется не только как индикатор достижения Банком России операционной цели денежно-кредитной политики, ее использование рекомендовано при выдаче кредитов под плавающие (переменные) процентные ставки, расчете купонов по облигациям и по другим видам финансовых продуктов. Преимущество ставки RUONIA над использованием других эталонных индикаторов (к примеру, ключевой ставки) выражается в том, что в силу запаздывающего характера она обладает меньшей волатильностью, что позволяет сглаживать изменение процентных платежей и защищает от краткосрочных колебаний рынка³.

С целью повышения надежности и качества финансовых индикаторов в установленном порядке осуществляется аккредитация финансовых индикаторов и их администраторов⁴. Кроме того, Банк России как регулятор финансового рынка может самостоятельно выступать администратором отдельных, наиболее важных индикаторов, что мы и видим на примере ставки RUONIA.

При этом надо отметить, что администрирование финансовых индикаторов не является исключительной прерогативой Банка России, а может осуществляться и непосредственно финансовыми организациями. К примеру, Московская биржа является администратором семейства финансовых индикаторов RUSFAR (Russian Secured Funding Average Rate)⁵, да и администратором ставки RUONIA долгое время была СПО «Национальная финансовая ассоциация», Банк России возложил на себя данные функции лишь с 2020 г.

Использование признанных участниками оборота индикаторов является условием функционирования финансового рынка, поскольку их наличие позволяет управлять рыночными рисками, снижает возможность манипулирования. Уход иностранных информационных агентств (Bloomberg, Refinitiv) усиливает объективную необходимость формирования отечественных индикаторов и законодательной регламентации их деятельности.

Отсутствие законодательного урегулирования деятельности финансовых организаций в части администрирования финансовых индикаторов является основой для различного рода правонарушений.

В июле 2023 г. группой депутатов внесен в Государственную Думу Российской Федерации законопроект, предусматривающий регулирование деятельности администраторов финансовых индикаторов и устанавливающий процедуры контроля за формированием индикаторов⁶. В частности, законопроект вводит понятие «финансовый индикатор»; определяет, что сведения об администраторе финансового индикатора вносятся Банком России в соответствующий единый реестр; предъявляются требования к должностным лицам, методологии, внутреннему контролю администрато-

¹ Управление по финансовому надзору. URL: <https://www.fca.org.uk/news/statements/impact-coronavirus-firms-libor-transition-plans/> (дата обращения: 23.04.2023).

² Патрон П. А. Процесс ценообразования кредитов: реформа ставки LIBOR // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2014. № 1. С. 74–84.

³ Информационное письмо Банка России от 27 июля 2022 г. № ИН-01-35/98 «О применении срочной версии RUONIA в финансовых продуктах с плавающей (переменной) процентной ставкой» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/76560.html> (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Письмо Банка России от 30 сентября 2015 г. № 06-51/8518 «Об оценке качества формирования финансовых индикаторов и качества функционирования организаций, осуществляющих формирование финансовых индикаторов» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_423201/ (дата обращения: 23.04.2023).

⁵ Информационное сообщение Банка России от 9 июля 2020 г. «Банк России аккредитовал финансовый индикатор Московской биржи» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_356883/ (дата обращения: 23.04.2023).

⁶ Законопроект № 406984-8 «Об администраторах финансовых индикаторов» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/406984-8> (дата обращения: 27.07.2023).

ров. В Государственную Думу РФ внесен также законопроект о корреспондирующих поправках в ст. 76.9-5 Закона о ЦБР¹.

Администрирование ставки RUONIA непосредственно Банком России объясняется необходимостью разработки и внедрения механизмов недопущения манипулирования ставкой и повышения уровня доверия участников финансового рынка к финансовым индикаторам.

Термин «администрирование» юридически не закреплен, свойствен различным отраслям права и используется в нескольких словосочетаниях, например: налоговое администрирование, таможенное администрирование, бюджетное администрирование и т. п.² В самом общем виде правовое администрирование – это «режим регулирования и управления на основе системного сочетания правовых, организационных, экономических и социально-психологических средств и методов»³.

Для решения проблемы отсутствия юридического закрепления термина и использования его в разных смыслах можно ввести понятие «администрирование ставки RUONIA» и закрепить его дефиницию «осуществление Банком России специальных полномочий, реализуемых при помощи совокупности правовых приемов и методов, направленных на формирование эталонного индикатора денежного рынка».

Правоотношения, возникающие между Банком России и кредитными организациями по поводу администрирования ставки RUONIA, строятся на основе метода власти-подчинения и являются публично-правовыми.

Объектом администрирования ставки RUONIA следует считать действия Банка России по сбору, обработке и хранению необходимых сведений для формирования эталонного индикатора.

Субъектный состав указанных общественных отношений включает в себя в первую очередь Банк России, в котором с 22 июня 2020 г. действует Комитет по наблюдению за процентной ставкой RUONIA, к чьим задачам относится: наблюдение за выполнением функции администрирования RUONIA; согласование документов и процедур, связанных с администрированием RUONIA; взаимодействие с пользователями и другими заинтересованными лицами⁴. В Банке России сформирован также экспертно-консультационный орган – Экспертный совет по индикаторам и ставкам, который проводит обсуждения, подготавливает заключения о методике расчетов, осуществляет мониторинг качества, анализирует риски, информирует участников рынка, рассматривает жалобы и обращения.

Непосредственными субъектами администрирования со стороны Банка России являются кредитные организации, направляющие отчетность по форме 0409701 «Отчет об операциях на валютных и денежных рынках», на основе которых рассчитывается эталонная процентная ставка. Перечень данных кредитных организаций определяется в порядке, установленном методикой отбора⁵ (по состоянию на 17 июля 2023 г. перечень включал 34 банка).

Обязанность по предоставлению отчета по указанной форме возникает после получения официального уведомления Банка России, отчетность предоставляется ежедневно не позднее 11 часов 00 минут по московскому времени рабочего дня, следующего за отчетным⁶.

¹ Законопроект № 406997-8 «О внесении изменения в статью 76.9-5 Федерального закона „О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)“» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/406997-8> (дата обращения: 27.07.2023).

² Титов Г. А. Бюджетное администрирование как правовая категория // Финансовое право. 2022. № 5.

³ Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы: моногр. / под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Юстиция, 2018. 306 с.

⁴ Положение о Комитете по наблюдению за процентной ставкой RUONIA (приложение к приказу Банка России от 30 сентября 2021 г. № ОД-2034) // Банк России: офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/111802/regulations_ruonia.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

⁵ Методика отбора кредитных организаций в список участников RUONIA (Приложение к приказу Банка России от 24 августа 2021 г. № ОД-1795) // Банк России: офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/111802/regulations_ruonia.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

⁶ Указание Банка России от 8 октября 2018 г. № 4927-У «О перечне, формах и порядке составления и предоставления форм отчетности кредитных организаций в Центральный банк Российской Федерации» // Банк России: офиц. сайт. URL: https://www.cbr.ru/faq_ufr/dbrnfaq/doc/?number=4927-У (дата обращения: 23.04.2023).

Ответственность за нарушения, допущенные кредитными организациями при предоставлении отчетности по форме 0409701, установлена ст. 74 Закона о ЦБР и Кодексом РФ об административных правонарушениях.

Таким образом, финансовые индикаторы администрируются различными финансовыми организациями, но только администрирование RUONIA является исключительной компетенцией Банка России.

Список литературы

Патрон П. А. Процесс ценообразования кредитов: реформа ставки LIBOR // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2014. № 1. С. 74–84.

Правовое администрирование в экономике. Актуальные проблемы: моногр./под ред. Ю. А. Тихомирова. М.: Юстиция, 2018, 306 с.

Титов Г. А. Бюджетное администрирование как правовая категория // Финансовое право. 2022. № 5. С. 39–44.

References

Patron P. A. (2014) Protsess tsenoobrazovaniya kreditov: reforma stavki LIBOR [Precessional conversion of loans: LIBOR rate rate]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 6, Ekonomika*, no. 1, pp. 74–84.

Tikhomirov Yu. A. (Ed.) (2018) *Pravovoe administrirovanie v ekonomike. Aktual'nye problemy: monografiya* [Legal administration in the economy. Actual problems: monography]. Moscow, Yustitsiya, 306 p.

Titov G. A. (2022) Byudzhethnoe administrirovanie kak pravovaya kategoriya [Budget administration as a legal category]. In *Finansovoe pravo*, no. 5, pp. 39–44.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ: АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Щербакова Олеся Васильевна

Доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-3111-257X, e-mail: sm-light@yandex.ru.

Правовое регулирование продолжительности рабочего времени в целом отражает специфику медицинской деятельности: необходимость непрерывного оказания медицинской помощи, необратимые последствия врачебной ошибки, важность проявления эмпатии к пациентам. Вместе с тем отсутствие детальной регламентации некоторых вопросов на практике вызывает недопонимание между медицинскими работниками и медицинскими организациями, что приводит к судебным спорам. В статье представлена подборка судебной практики в контексте установления продолжительности рабочего времени, учета рабочего времени работодателем и возможности изменения работодателем режима рабочего времени в одностороннем порядке. Выявлено, что установление сокращенного рабочего времени для медицинских работников в ряде случаев невозможно, если медицинский работник выполняет обобщенную трудовую функцию в соответствии с профессиональным стандартом: например, ведет амбулаторный прием и участвует в диспансеризации населения, что выявляет коллизию между подзаконными нормативными актами. Определено, что до недавнего времени установление сокращенной продолжительности рабочего времени могло зависеть от результатов специальной оценки условий труда и от формального наименования должности. Сделан вывод о том, что суды не всегда выносят решения в пользу медицинских работников по причине буквального толкования норм трудового законодательства.

Ключевые слова: медицинские работники, продолжительность рабочего времени, сокращенное рабочее время, учет рабочего времени, прогул, специальная оценка условий труда, изменение условий трудового договора

Для цитирования: Щербакова О. В. Правовое регулирование рабочего времени медицинских работников: анализ судебной практики // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 51–60. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_51.

LEGAL REGULATION OF WORKING TIME OF MEDICAL WORKERS: ANALYSIS OF COURT PRACTICE

Shcherbakova Olesya

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-3111-257X, e-mail: sm-light@yandex.ru.

The legal regulation of working hours generally reflects the specifics of medical activity: the need for continuous provision of medical care, the irreversible consequences of a medical error, the importance to show empathy for patients. At the same time, the lack of detailed regulation of certain issues in practice causes misunderstanding between medical workers and medical organizations, which leads to legal disputes. This article presents a selection of judicial practice in the context of establishing the duration of working hours, recording working hours by the employer and the possibility of the employer changing the working hours unilaterally. It has been revealed that the establishment of reduced working hours for medical workers in a number of cases is impossible if the medical worker performs a general labor function in accordance with the professional standard: for example, conducts outpatient visits and participates in

medical examination of the population, which reveals a conflict between by-laws. It was determined that until recently the establishment of reduced working hours could depend on the results of a special assessment of working conditions and on the formal name of the position. It is concluded that courts do not always make decisions in favor of medical workers due to the literal interpretation of labor legislation.

Key words: medical workers, working hours, reduced working hours, recording of working hours, absenteeism, special assessment of working conditions, changing the terms of the employment contract

*For citation: Shcherbakova O. (2023) Legal regulation of working time of medical workers: analysis of court practice. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 51–60, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_51.*

Специфика деятельности медицинских работников, естественным образом связанная с важностью данной деятельности для общества и государства, а также с необходимостью непрерывности оказания медицинской помощи, приводит к тому, что содержание, продолжительность и режим рабочего времени медицинских работников отличаются от содержания, продолжительности и режима рабочего времени офисных работников. Сменная работа, включая ночные часы, имеет большое значение в ряде видов деятельности, особенно в секторе здравоохранения. Вместе с тем работа в ночное время может приводить к нарушению режима сна и, как следствие, к появлению стресса, что потенциально увеличивает риск ошибок и несчастных случаев на работе. Работа в конце ночной смены признана временем наибольшего количества врачебных ошибок, в том числе по причине непатологической умственной и физической усталости медицинского работника¹. Кроме того, работа за пределами нормальной продолжительности рабочего времени, работа в ночные смены являются профессиональными рисками медицинских работников, которые могут в перспективе привести к умственной усталости, физическому истощению, тревоге, выгоранию и даже синдрому посттравматического стресса².

Все вышесказанное обуславливает важность подробной регламентации вопросов содержания, учета и продолжительности рабочего времени для недопущения врачебных ошибок, связанных с переутомлением медицинских работников. Вместе с тем судебная практика явно демонстрирует проблему: некоторые вопросы правового регулирования продолжительности рабочего времени медицинских работников остаются недостаточно ясными как для работников, так и для работодателей. В практической плоскости разработано немало количество научно-практических работ, посвященных способам защиты прав медицинских работников³, правовому обеспечению профессиональной медицинской деятельности⁴, что подтверждает актуальность выбранной темы исследования.

Например, к спорным ситуациям относится вопрос установления периодов, входящих в рабочее время, когда работник фактически не исполняет трудовые обязанности. По общему правилу работнику в течение рабочей смены предоставляется перерыв для отдыха и питания, который не включается в рабочее время и может использоваться работником по своему усмотрению (ст. 108 ТК РФ)⁵. Однако на тех рабо-

¹ Vivarelli S., Italia S., Teodoro M., et al. Salivary Biomarkers Analysis and Neurobehavioral Assessment in Nurses Working Rotation Shifts: A Pilot Study // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 20. Is. 7. April-1 2023. 5376. DOI: 10.3390/ijerph20075376.

² Harrell M., Selvaraj S. A., Edgar M. DANGER! Crisis Health Workers at Risk // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 17. Is. 15. August-1 2020. 5270. DOI: 10.3390/ijerph17155270.

³ Басова А. В. *Медицинское право: учеб. для вузов*. М.: Юрайт, 2023. 310 с.

⁴ Волков А. М., Лютягина Е. А. *Правовое обеспечение профессиональной деятельности в медицине: учеб. пособие для среднего профессионального образования*. М.: Юрайт, 2023. 278 с.

⁵ Вместе с тем для работников лечебно-профилактических и других учреждений здравоохранения с продолжительностью рабочего дня 6,5 часов или менее, а также для всех медицинских работников в стационарных лечебных учреждениях, работающих по сменам, предоставление перерыва для отдыха в течение рабочего дня не обязательно (п. 17 Отраслевых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих учреждений, организаций, предприятий системы Министерства здравоохранения СССР, утвержденных приказом Министерства здравоохранения СССР от 31 октября 1984 г. № 1240).

тах, где по условиям производства перерыв для отдыха и питания установить невозможно, работнику должна быть обеспечена возможность отдыха и приема пищи в рабочее время. В этом случае работники не вправе покидать рабочее место во время перерыва, и время перерыва подлежит включению в рабочее время и оплачивается (ч. 3 ст. 108 ТК РФ). Как правило, работодатели формально указывают в Правилах внутреннего трудового распорядка перечень соответствующих должностей без оценки фактического содержания выполняемой ими трудовой функции.

Так, в определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 28 января 2021 г. по делу № 88-4221/2021 установлено, что к работникам, которые не могут использовать перерыв для отдыха и питания по своему усмотрению и покидать территорию работодателя, относятся, в частности, медицинские работники, занимающие административные должности, даже если они непосредственно не осуществляют непрерывную медицинскую помощь. Врач скорой медицинской помощи, занимающий должность заведующего отделением скорой медицинской помощи, был уволен за совершение прогула – отсутствие на рабочем месте в течение рабочей смены более 4 часов подряд, после чего обратился в суд с иском об оспаривании приказа об увольнении. В ходе судебного заседания работник пояснил, что в указанное время посещал столовую, находящуюся неподалеку, т. е. время обеденного перерыва не должно засчитываться в срок отсутствия его на рабочем месте. При этом в локальных нормативных актах работодателя содержалось правило, согласно которому медицинскими работниками в подразделениях непрерывной организации труда отдых и прием пищи производится в помещениях, отведенных для отдыха и приема пищи в течение рабочего времени в свободное от оказания экстренной и неотложной помощи больным время; а работникам, не являющимся медицинскими работниками, предоставляется обеденный перерыв 60 минут, который в рабочее время не включается. В результате рассмотрения дела суд пришел к выводу о том, что должность истца (заведующий отделением) относится к медицинскому персоналу, следовательно, принятие пищи (перерыв) должно происходить в рабочее время, и у истца отсутствовало право на обеденный перерыв, который в рабочее время не включается. Приказ о применении дисциплинарного взыскания в виде увольнения за совершение прогула был признан правомерным.

Особое внимание стоит обратить на позицию судов о том, что главным доказательством учета рабочего времени работодателем является своевременно заполненный табель учета рабочего времени. При этом результаты проведенных позднее ревизий и проверок, противоречащие табелю, не могут приниматься во внимание судом. Отсутствие строгого контроля за заполнением табеля не может служить основанием для признания недобросовестного поведения работника. Если после заполнения табеля и выплаты заработной платы работнику выяснится, что данные, содержащиеся в нем, в реальности не соответствовали фактически отработанному времени работника, работодатель лишается возможности доказать, что работник не выполнял трудовую функцию и взыскать с работника необоснованно полученную заработную плату.

Например, в определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2021 г. по делу № 88-28067/2021 суд встал на сторону работника, указав, что слабый контроль со стороны руководства за временем выполнения работником своих обязанностей не может стать основанием для взыскания с работника выплаченной заработной платы, при условии, что табель учета рабочего времени был заполнен работодателем без претензий о количестве отработанного времени конкретным работником. В рассматриваемом деле истец занимала должность медицинской сестры на режимном объекте, работая по основному месту работы и по внутреннему совместительству в объеме 0,5 ставки в течение года. Работодателем обязанность по выплате заработной платы работнику исполнялась в полном объеме на основании предоставленных табелей учета рабочего времени. По истечении года у работодателя была проведена служебная проверка, в ходе которой было выявлено, что время входа и выхода медицинской сестры через контрольно-пропускной пункт (на основании данных журнала) не соответствуют заполненным табелям учета рабочего времени в отношении работника: фактически медицинская сестра осуществляла свою деятельность в объеме 1 ставки, без отработки времени по внутреннему совместительству.

С точки зрения продолжительности рабочего времени все работники медицинской организации могут быть поделены на две группы: непосредственно медицинские работники и работники, в чьи трудовые обязанности не входит осуществление какой-либо медицинской деятельности, но деятельность может обуславливаться особенностями деятельности медицинской организации (юрист, бухгалтер, экономист, водитель и т. д.).

Работникам второй группы, как правило, устанавливается нормальная продолжительность рабочего времени – 40 часов в неделю (ст. 91 ТК РФ). Для работников первой группы законодательством установлена сокращенная продолжительность рабочего времени не более 39 часов в неделю (ст. 350 ТК РФ). При этом для отдельных категорий медицинских работников в зависимости от должности и (или) специальности продолжительность рабочего времени определяется Правительством РФ: 36, 33, 30 и 24 часа в неделю¹. Примечательно, что «закон напрямую ограничивает лишь максимальную продолжительность рабочего времени медицинских работников» (решение Свердловского районного суда города Костромы от 10 февраля 2018 г. по делу № 2-325/2018). Вот лишь некоторые примеры продолжительности рабочего времени: медицинские работники станций (отделений) скорой медицинской помощи, кожно-венерологических диспансеров должны работать не более 36 часов в неделю; работники лечебно-профилактических учреждений, стоматологических кабинетов и отделений должны проводить на работе еще меньше времени – до 33 часов в неделю; не более 30 часов в неделю следует осуществлять трудовую функцию медицинским работникам туберкулезных организаций и моргов; наконец, опасные условия труда в радиоманипуляционных кабинетах и лабораториях обуславливают продолжительность рабочего времени медицинских работников не более 24 часов в неделю. При этом у медицинских работников остается право на осуществление трудовой деятельности по совместительству, по специально установленным законодательством правилам².

С одной стороны, присутствует довольно подробное правовое регулирование продолжительности рабочего времени медицинских работников; с другой стороны, право работника претендовать на конкретный вид сокращенного рабочего времени на практике достаточно сложно реализовать в силу следующего. Основанием дифференциации продолжительности рабочего времени медицинских работников в данном случае является не только сфера деятельности медицинского учреждения, но также характер и условия труда работника. По сути, для получения льготы в виде сокращенного рабочего времени работник должен соответствовать двум критериям одновременно: занимать должность и (или) специальность в медицинской организации (отделении, бюро, учреждении, палате, службе, кабинете) и выполнять одну из указанных в постановлении Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 101 «О продолжительности рабочего времени медицинских работников в зависимости от занимаемой ими должности и (или) специальности» трудовых обязанностей (например, проводить лабораторные исследования крови и материалов, поступающих от больных СПИДом и ВИЧ-инфицированных; проводить непосредственно амбулаторный прием и т. д.). При этом в постановлении Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 101 не установлено, должно указанное трудовое действие работника (например, работа с кровью и материалами ВИЧ-инфицированных) быть единственным или одним из возможных установленных при определении его трудовой функции. Отсут-

¹ Постановление Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 101 «О продолжительности рабочего времени медицинских работников в зависимости от занимаемой ими должности и (или) специальности».

² В частности, п. 2 ст. 23 Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» установлено, что лица, контактирующие с больными инфекционными заболеваниями, не могут допускаться к работам, при выполнении которых осуществляются непосредственные контакты работников с пищевыми продуктами, материалами и изделиями. С учетом данной нормы медицинские работники, контактирующие с больными инфекционными заболеваниями, не могут допускаться к вышеуказанным работам с пищевыми продуктами в качестве работы по совместительству. См. также постановление Правительства РФ от 12 ноября 2002 г. № 813 «О продолжительности работы по совместительству в организациях здравоохранения медицинских работников, проживающих и работающих в сельской местности и в поселках городского типа»; постановление Министерства труда и социального развития РФ от 30 июня 2003 г. № 41 «Об особенностях работы по совместительству педагогических, медицинских, фармацевтических работников и работников культуры».

стве данного, очень важного, на взгляд автора, пояснения приводит к нарушению прав и законных интересов медицинских работников. На практике работодатели и суды для установления сокращенной продолжительности рабочего времени требуют, чтобы обозначенное трудовое действие было единственным, что явно противоречит профессиональным стандартам и практике распределения обязанностей между работниками в связи с ограниченными кадровыми ресурсами, спецификой деятельности медицинской организации и продолжительностью приема.

Интересно отметить, что в постановлении Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 101 предпринята попытка сформулировать определенное правило в обсуждаемом контексте путем использования в некоторых случаях слова «исключительно». Однако вряд ли можно признать эту попытку удачной, поскольку она порождает еще больше вопросов. Так, согласно разд. I Перечня указанного постановления Правительства РФ, п. 36 Списка контрольных вопросов¹ право на сокращенную продолжительность рабочего времени 33 часа в неделю, в частности, имеют врачи лечебно-профилактических организаций, учреждений (поликлиники, амбулатория, диспансеров, медицинских пунктов, станций, отделений, кабинетов) в случае проведения «исключительно амбулаторного приема больных». Вместе с тем система организации медицинской помощи населению предусматривает, что медицинские работники в определенные дни могут вести амбулаторный прием², в другие дни привлекаются к работе в стационаре³, в третьи – могут вести преподавательскую работу и т. д. Соответственно, на практике встает вопрос о предоставлении медицинским работникам права на сокращенное рабочее время при одновременном выполнении сопутствующих должностных обязанностей (например, проведение диспансеризации, педагогической работы и пр.), поскольку законодательство не содержит разъяснений по толкованию и применению понятия «исключительно амбулаторный прием больных».

Так, в определении Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 12 июля 2022 г. по делу № 88-10232/2022 работнику отказано в установлении 33-часовой рабочей недели. Работник, работая врачом-эндоскопистом в городской поликлинике, обратился в суд с требованием установить ему 33-часовую рабочую неделю, ссылаясь на Приложение № 2 к постановлению Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 101. Суд изучил объем должностных обязанностей врача, закрепленный в должностной инструкции, а также приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 23 июля 2010 г. № 541н «Об утверждении Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих», раздел «Квалификационные характеристики должностей работников в сфере здравоохранения». В результате анализа указанных актов суд пришел к выводу о том, что в данном случае не предполагается проведение врачом исключительно амбулаторного приема, поскольку указанный врач-специалист часть времени уделяет санитарно-просветительной и другой профилактической работе. В связи с чем суд отказал в удовлетворении заявленных требований.

Можно предположить, что врачи поликлиник, оказывающие медицинскую помощь только в рамках деятельности, предусмотренной п. 2 ч. 3 ст. 32 Закона об охране здоровья, т. е. в условиях, не предусматривающих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения, и не осуществляющие медицинскую помощь в других предусмотренных указанной статьей условиях, вправе претендовать на сокращенную 33-часовую рабочую неделю. Однако ввиду отсутствия официальных разъяснений по этому вопросу данное право приходится отстаивать в суде.

Как указал Верховный Суд РФ в своем решении от 10 января 2013 г. № АКПИ12-1467 (комментируя постановление Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 101), суды

¹ Пункт 36 Списка контрольных вопросов (Приложение № 26) к приказу Роструда от 1 февраля 2022 г. № 20 «Об утверждении форм проверочных листов (списков контрольных вопросов) для осуществления федерального государственного контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права».

² «Амбулаторный прием» – прием в условиях, не предусматривающих круглосуточного медицинского наблюдения и лечения (ч. 3 ст. 32 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

³ «Стационарный прием» – прием в условиях, предусматривающих круглосуточное медицинское наблюдение и лечение (ч. 3 ст. 32 Закона об охране здоровья).

при рассмотрении споров о факте установления сокращенного рабочего времени медицинским работникам должны исходить из функциональных обязанностей работника, а не из формального наименования должности, а также обращать внимание на фактические условия труда работников, которые определяются по результатам специальной оценки условий труда. Примечательно, что в отношении медицинских работников отдельных сфер в течение долгого времени было установлено прямо противоположное регулирование порядка установления продолжительности рабочего времени: установление сокращенного рабочего времени находилось в прямой зависимости от формального наименования должности и проведенной специальной оценки условий труда. Так, в соответствии с приказом Минздрава РФ № 225, министра обороны РФ № 194, МВД РФ № 363, Минюста РФ № 126, Минобразования РФ № 2330, Минсельхоза РФ № 777, ФПС РФ № 292 от 30 мая 2003 г. медицинским работникам указанных сфер (например, врачам-эпидемиологам в учреждениях государственной санитарно-эпидемиологической службы) может устанавливаться 30-часовая рабочая неделя. При этом право работника на сокращенную продолжительность рабочего времени, ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск и дополнительную оплату труда возникает в том случае, если наименование его должности и места работы совпадает с соответствующими наименованиями в указанном нормативном правовом акте и при выявлении на его рабочем месте по результатам специальной оценки условий труда вредных и (или) опасных условий труда (классы (подклассы) 3.1–3.4, 4)¹.

Однако в 2022 г. указанное противоречие, состоящее в различном правовом регулировании труда медицинских работников, осуществляющих трудовую деятельность в различных сферах, что по сути является дискриминацией в форме различного обращения, было устранено. Как разъяснил Роструд², продолжительность рабочего времени медицинских работников устанавливается в зависимости от занимаемой ими должности и (или) специальности в соответствии с постановлением Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 101, приказом Минздрава РФ № 225 и не зависит от результатов специальной оценки условий труда³.

В контексте настоящего исследования интерес представляет и тот факт, что суды применяют норму ст. 350 ТК РФ не только как верхнюю границу установления допустимой продолжительности рабочего времени, но и как норму при расчете оплаты времени вынужденного прогула, если в судебном заседании невозможно установить, к какой категории медицинских работников относится работник и какова продолжительность его рабочего времени, но точно известно, что он является медицинским работником.

Так, Второй кассационный суд общей юрисдикции в определении от 18 января 2022 г. по делу № 88-254/2022 установил, что, поскольку трудовой договор с истцом не позволяет установить количество часов, подлежащих отработке в период вынужденного прогула, а графики в суде не были представлены, необходимо рассчитывать оплату за время вынужденного прогула исходя из нормы ст. 350 ТК РФ, устанавливающей для медицинских работников сокращенную продолжительность рабочего времени не более 39 часов в неделю.

В судебной практике нередко встает вопрос о возможности судов при разрешении трудовых споров с медицинскими работниками применять постановление Правительства РФ от 14 февраля 2003 г. № 101, если сторона не заявляет о необходимости установления сокращенного рабочего времени конкретной продолжительности. Более того, гражданское процессуальное законодательство РФ не позволяет суду самостоятельно изменить требования истца и признать его относящимся к категории работников, имеющей право, например, на 36-часовую рабочую неделю (вместо 39),

¹ Письмо Минтруда России от 31 июля 2019 г. № 15-1/ООГ-17066.

² См.: приказ от 11 ноября 2022 г. № 253 «Об утверждении Руководства по соблюдению обязательных требований трудового законодательства».

³ Данная норма о независимости установления сокращенного рабочего времени от результатов проведения специальной оценки условий труда дублируется на уровне отраслевых соглашений. См., например: Отраслевое соглашение по организациям и медицинским учреждениям, находящимся в ведении Федерального медико-биологического агентства, на 2022–2024 годы; Межотраслевое соглашение по организациям, подведомственным Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, на 2021–2023 годы.

если истец в исковом заявлении требует установить ему 33-часовую рабочую неделю вместо 39-часовой рабочей недели.

Например, в определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2019 г. № 88-10/2019 отказано в удовлетворении требования истца об установлении ему сокращенного рабочего времени как медицинскому работнику. В суд первой инстанции обратился работник, занимающий должность врача-уролога в санатории, с требованием об оспаривании увольнения. После того как суд первой инстанции и суд апелляционной инстанции отказали в удовлетворении требований истца, признав действия работодателя законными, истец обратился с жалобой в суд кассационной инстанции. В кассационной жалобе работник, кроме прочих доводов, указал на то, что ни суд первой инстанции, ни суд апелляционной инстанции не указали на необходимость установления работнику сокращенного рабочего времени как медицинскому работнику и как инвалиду. В ходе рассмотрения кассационной жалобы суд установил, что данные требования были заявлены впервые истцом в кассационной жалобе, ранее ни в исковом заявлении, ни в апелляционной жалобе не содержались. При таких обстоятельствах суд кассационной инстанции указал, что исходя из имеющихся у него полномочий лишен возможности высказывать суждения по обозначенным основаниям, которые не были предметом исследования и оценки суда первой инстанции, принимая во внимание, что решение вопроса о соответствии условий труда истца требованиям ст. 350 ТК РФ применительно к необходимости установления сокращенной продолжительности рабочего времени требует исследования и установления новых фактических обстоятельств, таких как специфика лечебного учреждения, в котором занимал должность врача истец, и перечень должностных обязанностей указанного работника.

Важность корректной правовой регламентации продолжительности рабочего времени медицинских работников обусловлена еще и тем фактом, что среди факторов, детерминирующих профессиональное выгорание медицинских работников, лидирующие позиции занимают рабочие перегрузки, дефицит времени, чрезмерная продолжительность рабочего дня. «Защита временем» медицинских работников посредством предоставления работникам дополнительных дней отдыха, длительного отпуска для восстановления психологического равновесия может стать одним из приоритетных направлений правового регулирования трудовых отношений, которые могут способствовать улучшению ситуации в сфере здравоохранения.

Необходимость установления медицинским работникам сокращенного рабочего времени сочетается с круглосуточным (либо чуть меньше) временем работы медицинского учреждения в целях обеспечения непрерывности оказания медицинской помощи и наиболее полного охвата населения. Это приводит к сменной работе большинства медицинских работников, многие из которых работают в ночные смены.

При оплате рабочих часов ночной смены необходимо помнить, что помимо установленной на федеральном уровне для всех категорий работников доплаты за работу в ночное время (минимум 20 % часовой тарифной ставки (оклада), рассчитанного за час работы¹) учредитель может установить для своих работников повышенный размер оплаты труда за работу в ночное время. Так, работникам федеральных казенных учреждений, подведомственных Федеральной службе охраны России, установлена доплата за ночную работу: в соответствии с приказом МЧС России от 14 декабря 2019 г. № 747 «Вопросы оплаты труда работников органов, организаций (учреждений) и подразделений системы МЧС России» медицинским работникам, занятым оказанием экстренной, скорой и неотложной медицинской помощи, полагается доплата из расчета 50 % часовой ставки (часовой тарифной ставки) за каждый час работы в ночное время. Вместе с тем логичным и обоснованным принципом равенства представляется установление изначально на законодательном уровне более высокого уровня компенсационных выплат за работу в ночное время, поскольку вряд ли может быть поставлена под сомнение ценность оказания медицинской помощи в ночное время в зависимости от подчиненности и источника финансирования работодателя.

В правилах внутреннего трудового распорядка медицинских организаций устанавливается, как правило, общий режим работы организации и режим труда отдель-

¹ Постановление Правительства РФ от 22 июля 2008 г. № 554 «О минимальном размере повышения оплаты труда за работу в ночное время».

ных категорий работников. В конкретной медицинской организации могут устанавливаться графики сменности для отделений, оказывающих круглосуточную медицинскую помощь, и отделений, работающих только в будни в дневные часы (например, отделение поликлиники). Кроме того, в стационарных медицинских организациях работники чередуются по сменам равномерно, и переход из одной смены в другую производится, как правило, через каждую неделю в часы, определенные графиком сменности. Что касается поликлиник, то там переход из смены в смену производится обычно через день¹. Кроме того, необходимо помнить об административной ответственности за любое нарушение порядка привлечения работников к работе в ночное время, например в случае привлечения к ночной работе работника с медицинскими противопоказаниями (ч. 5 ст. 96 ТК РФ).

Интересно отметить, что факт оказания работником профессиональной медицинской помощи не дает основания для более стабильных трудовых отношений с работодателем. Суды признают, что изменение режима рабочего времени организации, оказывающей медицинские услуги в соответствии с лицензией, является изменением организационных условий труда и признается достаточным основанием для изменения работодателем в одностороннем порядке режима рабочего времени работников данной организации (на основании ст. 74 ТК РФ).

Данный вывод был сделан Четвертым кассационным судом общей юрисдикции в определении от 31 октября 2019 г. № 88-10/2019. Истец поступил на работу в медицинскую службу санатория в должности врача-уролога по трудовому договору, в соответствии с которым осуществлял трудовые обязанности по шестидневной рабочей неделе с одним выходным днем в воскресенье. Проработав в таком режиме несколько лет, работник получил от работодателя уведомление о переходе через два месяца на новый режим рабочего времени: пятидневная рабочая неделя с двумя выходными днями в субботу и воскресенье. Через два месяца работнику передали для подписания два экземпляра дополнительного соглашения. На следующий день истец в присутствии сотрудников ответчика отказался перейти на новый режим работы, о чем был составлен соответствующий акт, а приказом работник был уволен по п. 7 ч. 1 ст. 77 ТК РФ в связи с отказом работника от продолжения работы в связи с изменением определенных сторонами условий трудового договора. Истец был ознакомлен с приказом об увольнении, однако от подписи, подтверждающей ознакомление с приказом, отказался. Работник обратился в суд, указав на отсутствие изменения условий труда для работников, следовательно, и отсутствие законных оснований для заключения дополнительного соглашения с ним. Суд первой инстанции (а затем и суды апелляционной и кассационной инстанций) установил, что изменение режима работы санатория является достаточным основанием для изменения условий труда врачей санатория в части изменения режима рабочего времени (переход с шестидневной рабочей недели на пятидневную рабочую неделю). Режим рабочего времени может изменяться либо по соглашению сторон, либо по приказу работодателя в одностороннем порядке с соблюдением требований ст. 74 ТК РФ. Следовательно, при соблюдении работодателем порядка, установленного ст. 74 ТК РФ, и при наличии достаточных оснований для изменения условий труда работников действия работодателя были признаны правомерными.

Таким образом, анализ судебной практики по вопросам правового регулирования рабочего времени медицинских работников позволяет говорить об учете судами специфики правового регулирования рабочего времени медицинских работников. Вместе с тем отсутствие подробной регламентации некоторых вопросов правового регулирования труда медицинских работников может привести к снижению уровня гарантий, предоставляемых медицинским работникам. Невозможность претендовать на сокращенную продолжительность рабочего времени, перегруженность работой, отсутствие времени отдыха для компенсации психологической нагрузки, низкий уровень компенсационных выплат за работу в ночное время в долгосрочной перспективе могут привести к снижению качества трудовой жизни медицинских работников и к снижению качества их профессиональной деятельности.

¹ Право на бесплатную медицинскую помощь: учеб. пособие / под общ. ред. Э. Г. Тучковой, Т. С. Гусевой. М.: Проспект, 2019. 200 с.

Проблема недостаточного внимания к правовому регулированию труда медицинских работников, необходимость расширения нормативной базы, важность «приспособления» некоторых институтов трудового права к особенностям правового статуса медицинских работников, вопрос о необходимости выделения особенностей регулирования труда медицинских работников в самостоятельную главу разд. XII ТК РФ неоднократно обсуждались в литературе¹. Так, С. Ю. Головина справедливо отмечает, что многочисленность данной профессиональной группы и периодическое внесение дополнений в ст. 350 ТК РФ свидетельствуют о необходимости «структуризации сформированного нормативного массива и его выделения в отдельную главу»². Все вышеперечисленное свидетельствует о важности поиска эффективных путей оптимизации правовой регламентации рабочего времени медицинских работников с целью повышения качества их трудовой жизни и профессиональной деятельности.

Список литературы

Басова А. В. Медицинское право: учеб. для вузов / под ред. Г. Н. Комковой. М.: Юрайт, 2023. 310 с.

Волков А. М., Лютягина Е. А. Правовое обеспечение профессиональной деятельности в медицине: учеб. пособие для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2023. 278 с.

Головина С. Ю. Особенности трудово-правовой ответственности отдельных категорий работников // Российский ежегодник трудового права. 2013. № 9. С 221–235.

Гусов К. Н., Циндяйкина Е. П., Цыпкина И. С. Особенности трудового договора с отдельными категориями работников. М.: Проспект, 2017. 240 с.

Право на бесплатную медицинскую помощь: учебное пособие / под общ. ред. Э. Г. Тучковой, Т. С. Гусевой. М.: Проспект, 2019. 200 с.

Трудовое право: национальное и международное измерение: моногр. / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М.: Норма, 2022. Т. 2. Трансформация проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость. 568 с. DOI: 10.12737/1859092.

Филипова И. А. Правовое регулирование труда медицинских работников: особенности правового статуса и проблемы, имеющиеся в законодательстве // Медицинское право. 2016. № 1. С. 17–21.

Harrell M., Selvaraj S. A., Edgar M. DANGER! Crisis Health Workers at Risk // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 17. Is. 15. August-1 2020. 5270. DOI: 10.3390/ijerph17155270.

Vivarelli S., Italia S., Teodoro M., et al. Salivary Biomarkers Analysis and Neurobehavioral Assessment in Nurses Working Rotation Shifts: A Pilot Study // International Journal of Environmental Research and Public Health. Vol. 20. Is. 7. April-1 2023. 5376. DOI: 10.3390/ijerph20075376.

References

Basova A. V. (2023) *Meditsinskoe pravo* [Medical law], ed. by G. N. Komkovaya. Moscow, Yurait, 310 p.

Filipova I. A. (2016) *Pravovoe regulirovanie truda meditsinskih rabotnikov: osobennosti pravovogo statusa i problemy, imeyushchiesya v zakonodatel'stve* [Legal regulation of the work of medical workers: features of the legal status and problems existing in legislation]. In *Meditsinskoe pravo*, no. 1, pp. 17–21.

Golovina S. Yu. (2023) *Osobennosti trudopravovoi otvetstvennosti ot del'nykh kategorii rabotnikov* [Features of labor and legal responsibility of certain categories of workers]. In *Rossiiskii ezhegodnik trudovogo prava*, no. 9, pp. 221–235.

Golovina S. Yu., Lyutov N. L. (Ed.) (2022) *Trudovoe pravo: natsional'noe i mezhdunarodnoe izmerenie. Vol. 2. Transformatsiya problemy ot del'nykh institutov trudovogo prava. Netipichnaya zanyatost'* [Labor law: national and international dimension. Vol. 2. Transformation of the problem of individual institutions of labor law. Atypical employment]. Moscow, Norma, 568 p., DOI: 10.12737/1859092.

Gusov K. N., Tsindyaikina E. P., Tsyapkina I. S. (2017) *Osobennosti trudovogo dogovora s ot del'nymi kategoriyami rabotnikov* [Features of an employment contract with certain categories of employees]. Moscow, Prospekt, 240 p.

¹ См. подробнее: Головина С. Ю. Особенности трудово-правовой ответственности отдельных категорий работников // Российский ежегодник трудового права. 2013. № 9. С 221–235; Филипова И. А. Правовое регулирование труда медицинских работников: особенности правового статуса и проблемы, имеющиеся в законодательстве // Медицинское право. 2016. № 1. С. 17–21; Гусов К. Н., Циндяйкина Е. П., Цыпкина И. С. Особенности трудового договора с отдельными категориями работников. М.: Проспект, 2017. С. 8.

² Трудовое право: национальное и международное измерение: моногр. / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. М.: Норма, 2022. Т. 2. Трансформация проблемы отдельных институтов трудового права. Нетипичная занятость. С. 118. DOI: 10.12737/1859092.

Harrell M., Selvaraj S. A., Edgar M. (2020) DANGER! Crisis Health Workers at Risk. In *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, Is. 15. August-1, 5270, DOI: 10.3390/ijerph17155270.

Tuchkova E. G., Guseva T. S. (Ed.) (2019) *Pravo na besplatnuyu meditsinskuyu pomoshch'* [The right to free medical care]. Moscow, Prospekt, 200 p.

Vivarelli S., Italia S., Teodoro M., et al. (2023) Salivary Biomarkers Analysis and Neurobehavioral Assessment in Nurses Working Rotation Shifts: A Pilot Study. In *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 20, Is. 7, April-1, 5376, DOI: 10.3390/ijerph20075376.

Volkov A. M., Lyutyagina E. A. (2023) *Pravovoe obespechenie professional'noi deyatel'nosti v meditsine* [Legal support of professional activity in medicine]. Moscow, Yurait, 278 p.

ЗНАЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОКУРОРАМИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Шарифулин Артём Артурович

Студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), ORCID: 0009-0000-6924-6023, e-mail: sharifulinart@gmail.com.

Юсова Ксения Валерьевна

Студент Института прокуратуры Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва), ORCID: 0009-0006-0028-2978, e-mail: usovak792@gmail.com.

Авторы исследуют вопросы, которые касаются реализации прокурорами правового просвещения. Данные вопросы не имеют должного анализа в доктрине прокурорского надзора. Сделаны выводы, что правовое просвещение населения России – это отдельная функция прокуратуры РФ, а правовое просвещение несовершеннолетних – одно из основных направлений ее деятельности в рамках указанной функции. Обосновывается, что эти правовые категории требуют комплексной имплементации в систему российского законодательства, имеющую сегодня пробелы в исследуемой сфере правового регулирования. Предлагается отражающее современный этап развития российского информационного общества авторское определение правового просвещения несовершеннолетних, под которым понимается комплексное основное направление прокурорской деятельности, состоящее из участия прокуратуры Российской Федерации в правовом просвещении несовершеннолетних в образовательных организациях и вне учебного процесса с использованием информационных технологий и без таковых. На основе анализа доктринальных положений о прокурорской деятельности и прокурорской практики предлагаются меры по совершенствованию как просветительской деятельности органов прокуратуры в целом, так и просветительской деятельности прокуратуры в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: прокуратура, прокурорский надзор, правовое просвещение, правовое просвещение несовершеннолетних, функции государства, функции прокуратуры

Для цитирования: Шарифулин А. А., Юсова К. В. Значение реализации прокурорами правового просвещения в отношении несовершеннолетних // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 61–69. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_61.

THE MEANING OF THE IMPLEMENTATION OF LEGAL EDUCATION IN RELATION TO MINORS BY PROSECUTORS

Sharifulin Artem

Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow), ORCID: 0009-0000-6924-6023, e-mail: sharifulinart@gmail.com.

Yusova Ksenia

Student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow), ORCID: 0009-0006-0028-2978, e-mail: usovak792@gmail.com.

The authors investigate issues related to the implementation of legal education by prosecutors. These issues do not have proper analysis in the doctrine of prosecutorial supervision. The authors draw conclusions according to which legal education of the

Russian population is a separate function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, and legal education of minors is one of the main direction activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation within this function. It is proved that these legal categories require their complex implementation into the system of Russian legislation, which currently has gaps in the studied sphere of legal regulation. The authors' definition of legal education of minors, reflecting the current stage of development of the Russian information society, is put forward, which means the complex main direction of prosecutorial activity, consisting of the participation of employees of the Prosecutor's Office of the Russian Federation in legal education of minors in educational organizations and outside the educational process using information technologies and without them. Based on the analysis of doctrinal provisions on prosecutorial activity and prosecutorial practice, measures are proposed to improve both the educational activities of the prosecutor's office in general and the educational activities of the prosecutor's office in relation to minors.

Key words: prosecutor's office, prosecutor's supervision, legal education, legal education of minors, functions of the state, functions of the prosecutor's office

*For citation: Sharifulin A., Yusova K. (2023) The meaning of the implementation of legal education in relation to minors by prosecutors. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnal»*, no. 5, pp. 61–69, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_61.*

В настоящее время правовое просвещение населения Российской Федерации – одна из важнейших задач государственной политики.

Как верно отмечал профессор А. Б. Венгеров, правовой нигилизм, правовой цинизм и иные формы проявления деформации правосознания (дефекты правосознания) «зачастую... возникают из-за массового незнания и непонимания закона»¹ (здесь и далее выделено нами. – А. Ш., К. Ю.). Особенно важна реализация данной деятельности в отношении несовершеннолетних, поскольку нередко именно они в силу возрастных особенностей подвержены негативному воздействию и становятся субъектами правонарушений, поэтому нельзя не согласиться с И. А. Васькиной в том, что «проблемой остается... криминализация молодежной среды... наркотизация молодежи»², а также недостаточно высокий уровень патриотизма среди детей³.

Сегодня исследуемое направление деятельности прокуратуры частично регламентировано приказом Генерального прокурора РФ от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию»⁴ (далее – Приказ № 471). В частности, п. 1.1 данного правового акта гласит, что деятельность прокуратуры организована таким образом, чтобы она максимально отвечала задачам повышения уровня правовой грамотности и развития правосознания граждан. Правовое просвещение граждан выступает важнейшим элементом (фактором) системы профилактики правонарушений среди всех социальных групп (п. 1.2 Приказа № 471) и особенно среди несовершеннолетних, а прокуратура является одним из ключевых субъектов осуществления данной деятельности, что обуславливается как историческими причинами, так и высоким юридико-правоведческим уровнем ее работников.

Однако с сожалением отметим негативную, на наш взгляд, тенденцию, связанную с тем, что в целом такой вид деятельности прокуратуры, как правовое просвещение, не становится предметом самостоятельного изучения студентами (в том числе будущими работниками прокуратуры) в рамках учебной (-ого) дисциплины (курса) «Про-

¹ Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М.: Новый Юрист, 1998. С. 582.

² Васькина И. А. Воспитание нравственных ценностей молодежи посредством правового просвещения, осуществляемого органами прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6. С. 75, 76.

³ См., например: «Стыдно за своих землячек»: в Приморье школьницы осквернили памятник Герою России Олегу Пешкову, погибшему в Сирии // Сетевое издание АО «ИД „Комсомольская правда“». URL: <https://www.dv.kp.ru/daily/27291/4429067/> (дата обращения: 01.09.2023).

⁴ См. также: приказ Генерального прокурора РФ от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» (далее – Приказ № 744).

курорский надзор»¹, что порождает отсутствие соответствующего учебного материала² и нередко недостаток компетенций по данной тематике.

Повышение уровня правовой грамотности несовершеннолетних – одно из наиболее значимых направлений просветительской деятельности прокуратуры. Представители данной социальной группы в ближайшем будущем станут полноценными субъектами многих разновидностей правоотношений, поэтому особенно важно, чтобы они сформировали целостное представление о своих субъективных правах и юридических обязанностях, а также осознавали значимость реализации (т. е. соблюдения, исполнения, использования и применения) законодательства для российского общества.

Представляется, что **правовое просвещение несовершеннолетних органами прокуратуры** – это комплексное *основное направление* прокурорской деятельности, в составе которого можно выделить следующие *элементы*:

1) участие прокуратуры в правовом просвещении несовершеннолетних в образовательных организациях (всех видов);

2) участие прокуратуры в правовом просвещении несовершеннолетних вне учебного процесса с использованием информационных технологий (в частности, сети Интернет);

3) участие прокуратуры в правовом просвещении несовершеннолетних вне учебного процесса без использования информационных технологий.

Как справедливо отмечает профессор С. Х. Джигоев, «наибольшее положительное воздействие и желаемый *воспитательный результат* дает работа с несовершеннолетними и молодежью»³ органов прокуратуры. Таким образом, отметим, что в ходе правового просвещения⁴ не только разрешаются проблемы правовой безграмотности, деформации правосознания несовершеннолетних, но и параллельно происходит *выработка у них духовно-нравственных ценностей*, что, по существу, повышает эффективность как данного основного направления деятельности прокуратуры, так и закона (российской системы права) в целом, ведь истинная ценность закона раскрывается тогда, когда он опирается на нравственные чувства и нормативные правовые требования, совпадающие с голосом совести человека⁵.

Мы полагаем целесообразным в данном исследовании сначала рассмотреть формы реализации вышеуказанных элементов правового просвещения несовершеннолетних органами прокуратуры на практике.

1. Взаимодействие органов прокуратуры с организациями основного общего, дополнительного, среднего специального и высшего образования, которое является ключевым для формирования высокого уровня правосознания несовершеннолетних, поскольку на базе указанных организаций изначально созданы материально-технические условия для качественного и наглядного представления информации по важнейшим правовым вопросам. Успешным примером подобного рода взаимодействия выступает создание в Генеральной прокуратуре РФ отдела по надзору за исполнением федерального законодательства на федеральной территории «Сириус», который, помимо надзорных полномочий, осуществляет и просветительскую деятельность. Например, представителями Генеральной прокуратуры РФ было проведено мероприятие по правовому просвещению с учащимися IT-колледжа автономной некоммерче-

¹ Это, подчеркнем, не общее правило. Например, для студентов Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) рабочей программой предусмотрено изучение в рамках темы № 11 такого вопроса, как «Пропаганда законодательства», на занятиях лекционного и семинарского типов (Прокурорский надзор: рабочая программа / А. Ф. Смирнов. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2020. С. 9, 18, 32).

² Например, уже в предисловии к учебнику профильного юридического высшего учебного заведения – Университета прокуратуры РФ – профессор О. С. Капинус указывает, что «отдельные вопросы прокурорской деятельности (...*правовое просвещение*...)... не нашли отражения в курсе» (Прокурорский надзор. Особенная и Специальная части: учеб. для вузов / О. С. Капинус и др.; под общ. ред. О. С. Капинус; под науч. ред. А. Ю. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. С. 15).

³ Организация судебной и прокурорско-следственной деятельности: моногр. / под ред. Т. И. Отческой. М.: Проспект, 2022. С. 157.

⁴ Непосредственная реализация его элементов, т. е. прямое и опосредованное взаимодействие с несовершеннолетними.

⁵ Васькина И. А. Указ. соч. С. 77.

ской образовательной организации высшего образования «Научно-технологический университет „Сириус“» на тему «Киберугрозы и защита персональных данных»¹.

Также, как указывает доцент Т. А. Диканова, в системе транспортных прокуратур «правовое просвещение... проводится в современных формах, предусматривающих активное вовлечение... молодежи. Например, Приволжской транспортной прокуратурой разработан и реализован социально-правовой проект „Уроки безопасного поведения на объектах железнодорожного транспорта“ с использованием технологии виртуальной реальности, ориентированный на учеников средних школ»².

Кроме того, взаимодействие органов прокуратуры и организаций образования осуществляется на уровне субъектов РФ. В частности, прокурором Республики Алтай А. Б. Богданчиковым совместно с сенатором В. В. Полетаевым в рамках правового просвещения была проведена встреча со школьниками, в ходе которой были освещены актуальные вопросы законности и правопорядка, волнующие будущих выпускников школ³.

Представляется, что проведение совместных с работниками прокуратуры мероприятий по повышению правосознания несовершеннолетних *должно быть заложено в учебные планы* образовательных организаций и проводиться с учащимися всех возрастных групп, начиная с младшего школьного возраста, поскольку именно тогда закладываются базовые нормы правового поведения личности. Данное нововведение может стать значительной частью единой комплексной общегосударственной программы по повышению правовой грамотности населения, которая, на наш взгляд, сможет устранить существующую в настоящее время бессистемность в правовом просвещении граждан. При этом на «промежуточном этапе», в период отсутствия унифицированной программы, обоснованным является предоставление органам прокуратуры возможности участия не только «в реализации государственных и муниципальных программ в сфере правового просвещения»⁴, но и в их *разработке, а также детализации*.

Однако нужно помнить, что «в застойные годы мероприятия по пропаганде правовых знаний приобретали формальный, а подчас и демагогический характер, находясь часто в явном противоречии с реальной действительностью»⁵, вследствие чего прокурорским работникам необходимо избегать указанного отрицательного опыта. В данном ключе поддерживаем предложение А. И. Петрова о внедрении в просветительскую деятельность органов прокуратуры принципов *актуальности и связи с практикой*, заключающихся в определении «насущной» и практико-ориентированной темы⁶.

2. Участие прокуроров в правовом просвещении несовершеннолетних вне учебного процесса с использованием интернет-ресурсов и других средств коммуникации, которыми пользуется **большая часть** представителей молодежи в век развития информационных технологий, в условиях быстро развивающегося «постиндустриального общества»⁷. Именно поэтому особенно значимым является осуществление широкой просветительской деятельности *через социальные сети и официальные сайты органов прокуратуры*.

¹ Представители Генпрокуратуры России провели мероприятие по правовому просвещению с учащимися ИТ-колледжа автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования «Научно-технологический университет „Сириус“» // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: https://err.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/protecting_children/news?item=77434780 (дата обращения: 01.09.2023).

² Транспортные прокуратуры в системе прокуратуры Российской Федерации: моногр. / Л. И. Александрова, Д. С. Белоусова, Т. А. Диканова и др. М.: Проспект, 2022. С. 271.

³ Прокурор Республики Алтай совместно с сенатором Российской Федерации встретился с учащимися общеобразовательных организаций региона // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: https://err.genproc.gov.ru/web/proc_04/mass-media/news?item=77311017 (дата обращения: 01.09.2023).

⁴ Петров А. И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. С. 129.

⁵ Теория государства и права: учеб. / У. Э. Батлер, Э. Ш. Гафуров, Г. И. Денисов и др.; под общ. ред. О. В. Мартышина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. С. 369 (главу подготовил профессор Н. Я. Соколов).

⁶ Петров А. И. Указ. соч. С. 55, 56.

⁷ Социологический словарь / пер. с англ.; Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2004. С. 340.

Например, прокуратура Рязанской области осуществляет правовое просвещение граждан посредством размещения материалов в рубрике «Прокурор разъясняет» на сайте Генеральной прокуратуры РФ¹, в официальной группе в социальной сети «ВКонтакте»², а также в новостной программе «По закону» на канале вещательной организации «ТКР» в видеохостинге «Rutube»³. Однако на данный момент многие из указанных способов информирования населения не функционируют в полном объеме. Так, обновление раздела «Прокурор разъясняет» не производится с 2019 г., подразделы с буклетами и другими информационными материалами, содержащими просветительскую информацию, в настоящее время пусты. Представляется, что недостаточная развитость данных ресурсов органов прокуратуры негативно сказывается на правовом просвещении в целом.

Безусловно, при организации работы по правовому просвещению и правовому информированию прокуроры используют доступные и интересные в молодежной среде формы и методы праворазъяснительной деятельности⁴ (в данном случае И. А. Васькина говорит именно о социальных сетях Интернета), однако, по нашему мнению, проблема заключается в том, что интенсивность и повсеместность использования вышеуказанных способов носит отчасти фрагментарный, но при этом регулярный характер, что, как представляется, может противоречить принципу единства системы органов прокуратуры.

Использование разнообразных способов передачи информации *позволяет охватить большую часть несовершеннолетних*, однако их *недостаточная осведомленность* о существовании данных сообществ негативно сказывается на правовом просвещении жителей региона в целом. Именно поэтому необходимо информировать население о возможности получения правовых сведений в интернет-ресурсах *через официальные источники опубликования*.

3. Отметим, что несмотря на повсеместное внедрение современных технологий, немаловажной формой просветительской деятельности вышеуказанного надзорного органа остается проведение совместных традиционных мероприятий прокурорских работников и молодежи (участие прокуратуры в правовом просвещении несовершеннолетних вне учебного процесса *без использования* информационных технологий).

Подобного рода взаимодействие может осуществляться различными способами. Один из них – проведение конкурсов для учащихся общеобразовательных учреждений. Так, 24 мая 2022 г. в Касимовской межрайонной прокуратуре состоялось награждение победителей муниципального конкурса «Юридический кроссворд», организованного межрайонной прокуратурой с целью правового просвещения и повышения уровня юридической грамотности среди учащихся 11-х классов школ Касимовского района Рязанской области. По завершении мероприятия школьники посетили музей Касимовской межрайонной прокуратуры⁵.

Другим способом указанного взаимодействия является организация культурно-просветительских мероприятий. К примеру, в преддверии празднования Дня Победы Московской межрегиональной транспортной прокуратурой для студентов Ожерельевского железнодорожного колледжа и Института прокуратуры Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) организована экскурсия в ФГБУ культуры «Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Экскурсия проведена по уникальной экспозиции «Подвиг народа»; мультимедийные комплексы, спецэффекты, уникальные декорации и рассказ экскурсовода позволили полностью погрузиться в атмосферу жизни нашей страны в годы Великой Отечественной войны⁶.

¹ Прокурор разъясняет // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/legal-education/explain> (дата обращения: 02.09.2023).

² Прокуратура Рязанской области // Сообщество в российской социальной сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/prokrzn> (дата обращения: 02.09.2023).

³ Канал ТКР // Российский видеопортал RUTUBE. URL: <https://rutube.ru/channel/25016118/> (дата обращения: 02.09.2023).

⁴ Васькина И. А. Указ. соч. С. 78.

⁵ В Касимовской межрайонной прокуратуре подвели итоги муниципального конкурса «Юридический кроссворд» // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_62/mass-media/events-and-meetings?item=74460911 (дата обращения: 01.09.2023).

⁶ Московская межрегиональная транспортная прокуратура организовала экскурсию для студентов в Центральный музей Великой Отечественной войны // Генеральная прокуратура РФ: офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/mmtp/mass-media/news/archive?item=87280515> (дата обращения: 01.09.2023).

Сохранение такого формата «живого» взаимодействия органов прокуратуры и несовершеннолетних позволяет молодым людям не только наглядно усвоить информацию просветительского характера, но и задать интересующие вопросы профессиональным юристам, что особенно значимо для успешного применения полученных знаний в повседневной жизни.

Рассмотрев содержание правового просвещения несовершеннолетних органами прокуратуры, попытаемся ответить на следующий вопрос: чем же является данная деятельность – функцией или направлением деятельности прокуратуры?

Начать необходимо с определения места правового просвещения в деятельности прокуратуры, поскольку уже этот вопрос является дискуссионным, однозначного ответа на него пока нет.

Нами ранее выработана собственная концепция восприятия понятия «функция государства»: **«функция государства** – это управленческая деятельность, которую государство выполняет для реализации социально обусловленных потребностей общества»¹. Такая правовая категория не входит в предмет настоящей научной работы, поэтому детально освещена не будет. Отметим, что в основе приведенного определения лежит не традиционная для учебной литературы конструкция «*направления деятельности*», а управленческое понимание самой «*деятельности*» государства, можно сказать, что на данный момент деятельностью государства является *управление* обществом с помощью государственной власти в целях достижения социально значимого результата, что вытекает из сущности государства. Функции государства реализуются государственным аппаратом, а именно соответствующими (в зависимости от вида функции) органами государственной власти (т. е. составными элементами государственного аппарата), к коим относится и прокуратура². Таким образом, на прокуратуру (как и на любой другой орган государственной власти) возлагаются какие-либо *части* общей государственной управленческой деятельности, именно поэтому мы полностью соглашаемся с профессором В. Г. Бессарабовым в том, что «функции прокуратуры – не сама ее многоаспектная деятельность, а возможность при определенных обстоятельствах осуществлять *ту или иную* законодательно определенную *деятельность*»³, т. е. функции прокуратуры – это определенные «участки» работы, которые ей необходимо реализовывать и которые были возложены на нее государством через систему законодательства.

Исходя из указанного понимания функций государства и прокуратуры, считаем, что сегодня можно говорить о существовании в России *общей* (т. е. государственной) *просветительской функции*. Это подтверждается не только ранее перечисленными причинами, но и наличием общих требований к осуществлению просветительской деятельности, изложенных в ст. 122 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) «Об образовании в Российской Федерации», а так-

¹ Шарифулин А. А. Управленческий подход как инновация в методологии исследования теоретико-правовой наукой контрольной ветви государственной власти // IX Студенческий юридический форум «Парадигма права на современном этапе развития общества: от теории к практике»: сб. ст.: в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. А. В. Сладковой. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 78–79.

² Вопрос признания прокуратуры *органом государственной власти*, а не *иным государственным органом* остается открытым. Исходя из ст. 10, ч. 1 ст. 11 Конституции РФ прокуратура не выступает носителем государственной власти, следовательно, она и не является органом государственной власти, что, на наш взгляд, противоречит как здравому смыслу, так и веками (со времен массового распространения и утверждения теории разделения властей, крупным идеологом которой был Ш. Л. Монтескье) устоявшейся концепции понимания распространения единой государственной власти на все составляющие (т. е. органы) государственного аппарата (признаки общего распространяются на частное). Такое восприятие Конституцией РФ государственной власти, на наш взгляд, подтверждает синергетический, «нелинейный ход развития... российской системы разделения властей» (Шарифулин А. А. Контрольная ветвь государственной власти как результат самоорганизации системы разделения властей // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2. С. 62. DOI: 10.34076/2658_512X_2023_2_60). Поэтому мы убеждены в том, что *de facto* и частично *de iure* (ввиду государственно-властного характера установленных законодательством полномочий прокуратуры) прокуратура РФ является органом государственной власти. В данном ключе нельзя не согласиться со словами профессора В. Г. Бессарабова о том, что «*безвластная* прокуратура не способна эффективно защищать права и свободы человека и гражданина, интересы общества и государства» (Прокурорский надзор: учеб. и практикум для вузов / А. Ф. Смирнов и др.; под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. С. 111).

³ Прокурорский надзор: учеб. и практикум для вузов. С. 100.

же нормативно закрепленными задачами (п. 4 постановления Правительства РФ от 1 июля 2022 г. № 1195 «Об утверждении Правил осуществления просветительской деятельности»), стоящими перед просветительской деятельностью и кругом субъектов, осуществляющих данную деятельность (п. 3 того же постановления). Вместе с тем на практике «правовое просвещение населения... фактически осуществляется прокурорскими работниками»¹. В совокупности вышеперечисленное позволяет нам считать *правовое просвещение населения отдельной функцией прокуратуры*.

Отметим, что сегодня на законодательном уровне (т. е. легально) правовое просвещение не является функцией прокуратуры: ни ч. 1 ст. 129 Конституции РФ, ни п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 24 июля 2023 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон о прокуратуре), закрепляющие функции прокуратуры, его не выделяют. К вопросу о перечне функций прокуратуры добавим, что наблюдается несоответствие Конституции РФ Закону о прокуратуре, так как последний в обозначенной норме содержит закрытый список функций, в то время как ч. 1 ст. 129 Конституции РФ говорит об «иных функциях». Представляется, что, возможно, в ходе конституционной реформы 2020 г. авторы изменений ст. 129 Конституции РФ сами не определились с точным количеством функций прокуратуры либо понимали дискуссионность данного вопроса. Поэтому не указали исчерпывающий перечень функций, тем самым оставив возможность их изменения путем реформирования Закона о прокуратуре, поскольку процедура внесения поправок в Конституцию РФ носит более «громоздкий» характер, справедливо обусловленный местом самой Конституции РФ в системе права России. Если замысел был действительно таковым, то нам видится, что *именно сейчас возможно расширение функций прокуратуры* путем как минимум включения правового просвещения населения России в п. 2 ст. 1 Закона о прокуратуре, как максимум – комплексной интеграции данного института в Закон о прокуратуре (выработка группы соответствующих правовых норм).

А. И. Петров установил, что в ходе реализации указанной функции повышается «эффективность работы прокуратуры по надзору за исполнением законов»², поскольку в ходе просветительского мероприятия граждане часто сообщают о проблемах, связанных с нарушением их прав и законных интересов³. Поэтому представляется, что скорейшая легализация просветительской функции прокуратуры и активная ее реализация способны сделать качество надзорной функции еще более высоким, чем сейчас.

Примечательно, что такой опыт для прокуратуры не будет новым, так как прокуратура СССР осуществляла данную деятельность, о чем свидетельствует ст. 3 Закона СССР от 30 ноября 1979 г. № 1162-X (в ред. от 7 января 1988 г.) «О прокуратуре СССР», которая выделяет одним из направлений деятельности прокуратуры «пропаганду⁴ советских законов».

Указанное предложение разделяется и иными исследователями. Так, В. Ю. Шобухин утверждает, что «такая функция прокуратуры, как правовое просвещение, сформировалась давно, и сегодня вполне закономерно подумать о ее признании и законодательном закреплении»⁵. А. И. Петров в своем диссертационном исследовании считает необходимым «внести в Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации“ изменения, предусмотрев в нем правовое просвещение как одно из *направлений деятельности* данного государственного органа»⁶.

Мы разделяем позиции названных ученых о том, что *правовое просвещение, осуществляемое прокурорами, – функция прокуратуры*. Исходя из этого, необходимо понять соотношение этой функции с правовым просвещением несовершеннолетних органами прокуратуры.

¹ Шобухин В. Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 5. С. 101.

² Петров А. И. Указ. соч. С. 147.

³ Там же. С. 148.

⁴ Считаем оправданным нынешнюю замену термина «пропаганда» словосочетанием «правовое просвещение», поскольку первое понятие, к сожалению, сегодня в обществе имеет негативный окрас, вызванный историческими причинами.

⁵ Шобухин В. Ю. Указ. соч. С. 101.

⁶ Петров А. И. Указ. соч. С. 45.

В данном случае мы воспользовались справедливо обоснованной общей конструкцией «основных направлений деятельности прокуратуры», которые «определяются актуальностью стоящих перед государством и обществом задач на том или ином этапе развития»¹. Актуальность вопроса ликвидации как правовой безграмотности, так и форм деформации правосознания среди несовершеннолетних подробно описана ранее.

Таким образом, отметим, что правовое просвещение несовершеннолетних органами прокуратуры – это одно из *основных направлений деятельности прокуратуры*.

Подводя итог, можно прийти к следующему выводу. Правовое просвещение несовершеннолетних, осуществляемое прокурорами, – это реально функционирующее в условиях современного общества основное направление деятельности прокуратуры РФ. Однако для его более эффективного осуществления необходимо улучшать имеющиеся просветительские механизмы и дополнять их новыми вышеупомянутыми мерами, включая их в Приказ № 471 и Приказ № 744, тем самым дополняя и развивая его, что позволит создать условия для развития гражданского общества, как минимум преодоления правового нигилизма и повышения уровня юридической грамотности молодежи.

Список литературы

Васькина И. А. Воспитание нравственных ценностей молодежи посредством правового просвещения, осуществляемого органами прокуратуры // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2019. № 6. С. 75–80.

Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. М.: Новый Юрист, 1998. 624 с.

Организация судебной и прокурорско-следственной деятельности: моногр. / под ред. Т. И. Отческой. М.: Проспект, 2022. 232 с.

Петров А. И. Правовые и организационные основы деятельности органов прокуратуры по правовому просвещению населения: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2019. 249 с.

Прокурорский надзор. Особенная и Специальная части: учеб. для вузов / О. С. Капинус и др.; под общ. ред. О. С. Капинус; под науч. ред. А. Ю. Винокурова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 462 с.

Прокурорский надзор: рабочая программа / А. Ф. Смирнов. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2020. 63 с.

Прокурорский надзор: учеб. и практикум для вузов / А. Ф. Смирнов и др.; под ред. А. Ф. Смирнова, А. А. Усачева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 483 с.

Социологический словарь / пер. с англ.; Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер; под ред. С. А. Ерофеева. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Издательство „Экономика“», 2004. 620 с.

Теория государства и права: учеб. / У. Э. Батлер, З. Ш. Гафуров, Г. И. Денисов и др.; под общ. ред. О. В. Мартышина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2021. 432 с.

Транспортные прокуратуры в системе прокуратуры Российской Федерации: моногр. / Л. И. Александрова, Д. С. Белоусова, Т. А. Диканова и др. М.: Проспект, 2022. 336 с.

Шарифулин А. А. Контрольная ветвь государственной власти как результат самоорганизации системы разделения властей // Уральский журнал правовых исследований. 2023. № 2. С. 60–64. DOI: 10.34076/2658_512X_2023_2_60.

Шарифулин А. А. Управленческий подход как инновация в методологии исследования теоретико-правовой наукой контрольной ветви государственной власти // IX Студенческий юридический форум «Парадигма права на современном этапе развития общества: от теории к практике»: сб. ст.: в 4 т. Т. 1 / под общ. ред. А. В. Сладковой. М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 77–81.

Шобухин В. Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 5. С. 100–106.

References

Aberkrombi N., Khill S., Turner B. S. (2004) *Sotsiologicheskii slovar'* [Sociological dictionary], ed. by S. A. Yerofeyev, 2nd ed. Moscow, ZAO «Izdatel'stvo «Ekonomika», 620 p.

Aleksandrova L. I., Belousova D. S., Dikanova T. A., et al. (2022) *Transportnye prokuratury v sisteme prokuratury Rossiiskoi Federatsii: uchebnik* [Transport Prosecutor's Offices in the system of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: textbook]. Moscow, Prospekt, 336 p.

¹ Прокурорский надзор: учеб. и практикум для вузов. С. 104.

Batler U. E., Gafurov Z. Sh., Denisov G. I., et al. (2021) *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook], ed. by O. V. Martyshin, 3rd ed. Moscow, Prospekt, 432 p.

Kapinus O. S., et al. (2023) *Prokurorskii nadzor. Osobennaya i Spetsial'naya chast': uchebnik dlya vuzov* [Prosecutor's supervision. Special and special parts: textbook for universities], 6th ed. Moscow, Izdatel'stvo Yurait, 462 p.

Otcheskaya T. I. (Ed.) (2022) *Organizatsiya sudebnoi i prokurorsko-sledstvennoi deyatel'nosti: monografiya* [Organization of judicial and prosecutorial-investigative activities: monography]. Moscow, Prospekt, 232 p.

Petrov A. I. (2019) *Pravovye i organizatsionnye osnovy deyatel'nosti organov prokuratury po pravovomu prosveshcheniyu naseleniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Legal and organizational bases of activity of the prosecutor's office on legal education of the population: a candidate of legal sciences thesis]. Nizhniy Novgorod, 249 p.

Sharifulin A. A. (2023) Kontrol'naya vetv' gosudarstvennoi vlasti kak rezul'tat samoorganizatsii sistemy razdeleniya vlastei [The control branch of state power as a result of self-organization of the system of separation of powers]. In *Ural Journal of Legal Studies*, 2023, no. 2, pp. 60–64, DOI: 10.34076/2658_512X_2023_2_60.

Sharifulin A. A. (2023) Upravlencheskii podkhod kak innovatsiya v metodologii issledovaniya teoretiko-pravovoi naukoj kontrol'noi vetvi gosudarstvennoi vlasti [Managerial approach as an innovation in the methodology of research by the theoretical and legal science of the control branch of state power]. In Sladkova A. V. (Ed.) *IX Studencheskii yuridicheskii forum «Paradigma prava na sovremennom etape razvitiya obshchestva: ot teorii k praktike»: sbornik statei: in 4 vol.* Moscow, Izdatel'skii tsentr Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA), vol. 1, pp. 77–81.

Shobukhin V. Yu. (2016) Pravovoe prosveshchenie kak perspektivnoe napravlenie prokurorskoj deyatel'nosti [Legal education as a promising area of prosecutorial activity]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, 2016, no. 5, pp. 100–106.

Smirnov A. F. (2020) *Prokurorskii nadzor: rabochaya programma* [Prosecutor's supervision: work program]. Moscow, Izdatel'skii tsentr Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 63 p.

Smirnov A. F., et al. (2022) *Prokurorskii nadzor: uchebnik i praktikum* [Prosecutor's supervision: textbook and practicum], 3rd ed. Moscow, Yurait, 483 p.

Vas'kina I. A. (2019) Vospitanie nravstvennykh tsennostei molodezhi posredstvom pravovogo prosveshcheniya, osushchestvlyаемого organami prokuratury [Education of moral values of young people through legal education carried out by the Prosecutor's Office]. In *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, 2019, no. 6 (74), pp. 75–80.

Vengerov A. B. (1998) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Moscow, Novyi Yurist, 624 p.

ПОНИМАНИЕ И ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ВОСТОЧНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ VI–X вв.

Костогрызова Любовь Юрьевна

Доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: 0000-0001-7100-8497, e-mail: klyu001@usla.ru.

Восточная Римская империя (Византия) просуществовала до 1453 г. Основным источником права на протяжении всей ее истории был Corpus Juris Civilis – Свод гражданского права, составленный при императоре Юстиниане в VI в. Хотя этот документ традиционно не без основания считается главной систематизацией классического римского права, многое в нем относится к реалиям именно восточной части империи. Юстиниан в разных частях свода дал разное толкование того, что понимается под словом «право». Позднее, в VIII–IX вв., в многочисленных выборках и извлечениях из Corpus Juris Civilis византийские императоры не задавались вопросом, что такое право, так как составленные ими сборники законов преследовали практические цели. Тем не менее анализ законодательных актов Византии показывает, что и Юстиниан, и последующие императоры различали позитивное и естественное право. Особенно четко об этом говорится в Исагоге (Эпанагоге) в IX в. и повторяется в последней официальной кодификации, проведенной Львом VI. Позитивное право в указанных актах обозначалось термином «νόμος» (закон), а естественное – «δικαιοσύνη» (справедливость). И главная мысль, отраженная в этих документах, состоит в том, что задача законодателя – стремиться к тому, чтобы позитивное право совпадало с естественным, так как право = справедливость.

Ключевые слова: византийское право, римское право, правопонимание, Corpus Juris Civilis, Эклога, Исагога (Эпанагога), Василики, Алфавитная синтагма Матфея Властаря, симфония церковной и светской властей

Для цитирования: Костогрызова Л. Ю. Понимание и толкование права в законодательстве Восточной Римской империи VI–X вв. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 70–80. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_70.

UNDERSTANDING AND INTERPRETATION OF LAW IN THE LEGISLATION OF THE EASTERN ROMAN EMPIRE OF THE VI–X c.

Kostogryzova Lyubov

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), candidate of juridical sciences, ORCID: 0000-0001-7100-8497, e-mail: klyu001@usla.ru.

The main source of law throughout history of Byzantium was the Corpus Juris Civilis, the Code of Civil Law, compiled under the Emperor Justinian in the VI c. Although this document is traditionally regarded as the most important systematisation of classical Roman law, much of it relates to the realities of the eastern part of the Empire. Justinian gave different interpretations of what was meant by the word «law» in different parts of the code. Later, in the VIII and IX c., the Byzantine emperors, in numerous selections and extracts from the Corpus Juris Civilis, did not ask what law was, since their laws had practical purposes. Nevertheless, an analysis of Byzantine legislative acts shows that both Justinian and subsequent emperors distinguished between positive law and natural law. This is particularly clear in the Isagoge (Epanagoge) of the IX c. and is repeated in the last official codification carried out by Leo VI. Positive law was referred to in these documents by the term νόμος (law) and natural law by δικαιοσύνη (justice).

And the main idea reflected in these documents is that the task of the legislator is to strive to bring positive law into harmony with natural law, since law = justice.

Key words: Byzantine law, Roman law, understanding of law, Corpus Juris Civilis, Ecloga, Isagoge (Epanagoge), Basilics, Alphabetic syntagma of Matthew Vlastar, symphony of church and state authorities

*For citation: Kostogryzova L. (2023) Understanding and interpretation of law in the legislation of the Eastern Roman Empire of the VI–X c. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 70–80, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_70.*

В современном мире слово «право» многозначно. Под этим термином понимается и система регулирования общественных отношений – позитивное право, которое включает нормативные правовые акты, установленные в том или ином государстве. Им обозначается и так называемая высшая справедливость. Этим словом обозначается и возможность лица сделать что-либо и т. д. Это касается не только русского, но и других языков. Слово «law» в английском языке означает и право, и закономерность, и закон. Испанское «derecho» также имеет много значений (право, свобода, закон), как и немецкое «Recht» (право, закон, правда). Не вдаваясь в объяснения понятия «право», остановимся на понимании права в Восточной Римской империи. Было ли там какое-либо разделение «права»? Какими терминами обозначалось в Византии слово «право»? Были ли это разные термины или один и тот же термин имел разные значения? Каким образом это отражалось в законодательстве? Менялось ли значение используемых терминов и понятий на протяжении VI–X вв. в Восточной Римской империи? Попытаемся разобраться.

Основными источниками исследования стали опубликованные законодательные документы, действовавшие в Византии. Обыденное правосознание является объектом юридической антропологии и материалом для отдельной статьи¹. Пониманию права философами должное внимание в своем фундаментальном труде уделил В. Е. Вальденберг, соглашаясь с ним, отметим, что «законодательные определения нужно сравнивать с законодательными же определениями, а не с практикой, где отступления от закона неизбежны»².

Ученые-византисты свое внимание в основном обращали на реконструкцию жизни в Византии. Даже если они издавали и изучали источники права Восточной Римской империи, то не выясняли, что такое право. Между тем проблема понимания права: его сущности и его как инструмента, применяемого для разрешения юридических споров, – была актуальна для ромеев. Так, Е. В. Сильвестрова, говоря о том, что уже во второй половине IV в. римское общество осознало потребность преодоления состояния хаоса и крайней неопределенности, в котором находилось право, ссылается на анонимное сочинение того времени «De rebus bellicis», в котором говорится о необходимости очистить право от противоречий и обеспечить определенность правовых норм³. Неопределенность применяемого права была связана среди прочего с отсутствием иерархии источников позитивного права. Император Феодосий II в начале Кодекса, изданного по его распоряжению в 438 г., подчеркивал, что текст должен содержать нормы только действующего права, что исключит неоднозначность их толкования. Во вводящей кодекс в действие новелле говорится, что благодаря проведенной систематизации достигнута определенность права и ясность правовых норм⁴. Хотя понятие «право» в тексте Кодекса Феодосия отсутствует, с учетом перечисленных в первой книге действующих правовых норм очевидно, что речь в нем идет исключительно о позитивном праве. Так, в первом титуле говорится о конституциях принцепса и эдиктах (de constitutionibus principum et edictis), во втором – о различ-

¹ Костогрызов П. И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 4. С. 81–99.

² Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 210–211.

³ Сильвестрова Е. В. Lex generalis. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н. э. М.: Индрик, 2007. С. 17–18.

⁴ Там же. С. 18–19.

ных рескриптах (*de diversis rescriptis*), в третьем – о мандатах принципсов (*de mandatis principum*), в четвертом – об ответах знатоков права (*de responsis prudentum*)¹. Отсутствие упоминания других источников права можно объяснить как усилением власти императора, конституции которого постепенно вытесняли остальные регуляторы, так и стремлением положить конец сумятице в судах, происходившей вследствие неясности в отношении объема действия императорских конституций и сомнений в текстуальной достоверности находившихся в обращении эдиктов².

Императору Юстиниану спустя 100 лет после выхода Кодекса Феодосия вновь понадобилось преодолевать возникшие несогласованности в праве. Эту же миссию брали на себя в 726 г. составители Эклоги³. Наконец, в IX в. Лев VI, выполняя «программу» «очищения древних законов» при создании *Василик* (*τα βασιλικά νομίνα*) – Царских законов, – также предполагал устранить противоречия и несогласованности в нормативно-правовом материале⁴. Иными словами, все масштабные систематизации законодательства, проводимые в Восточной Римской империи, преследовали цель упорядочить и согласовать действующие нормы позитивного права. При этом, систематизируя нормы материального права, императоры в своих законодательных сводах не забывали и об объяснении того, что есть право, его сущности. Предпринятый нами анализ упомянутых документов позволит расставить все точки над «i» в этом вопросе.

Фундаментальный труд, прославивший императора Юстиниана на века, – *Corpus Juris Civilis* – включает несколько частей, которые вступили в силу не одновременно. Так, 7 апреля 529 г. был обнародован Кодекс, включавший в себя конституции принципсов с I по VI в.; 21 ноября 533 г. предполагаемому учебнику для желающих изучать римское право – *Институциям* – Юстиниан придал статус императорской конституции, т. е. действующего закона; 16 декабря 533 г. было завершено составление *Дигест* – сборника изречений выдающихся римских юристов, в связи с чем в 534 г. вышло второе издание Кодекса. Третьего издания Кодекса Юстиниан не предполагал, с 535 по 565 г. им было создано 153 *Новеллы*, которые при жизни императора не составили отдельный сборник, воедино были собраны позже и, как правило, включаются в *Свод гражданского права*.

В вышеназванных частях *Corpus Juris Civilis* содержится несколько понятий права. Это объяснимо, поскольку сами сборники с вошедшими в них нормами преследовали разную цель. Так, в *Дигестах* важно было показать, что именно юристы считают правом, отсюда разные точки зрения и разные интерпретации понятия «право», в *Институциях* требовалась четкость определения, чтобы люди изучающие право, понимали и могли объяснить его суть. В Кодексе, содержащем конституции принципсов, главным, на наш взгляд, являлось подчеркивание преемственности и обозначение представления о праве через упоминание его источников, особенностей так называемого «древнего права» и противопоставления права и факта⁵.

Приводя в *Дигестах* определения права авторитетных юристов, их составители пытались избежать противоречий. По словам Ульпиана, «право (*ius*) получило свое название от [слова] „справедливость“ (*iustitia*), ибо согласно превосходному определению Цельса право есть искусство доброго и справедливого (*ius est ars boni et aequi*)»⁶. Кроме этого определения права здесь дается толкование Ульпиана также через представление о справедливости (*iustitia*): «*Justitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribuendi*⁷. 1. Предписания права суть следующие: жить чест-

¹ *Imperatoris Theodosii Codex. Liber Primus*. URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber01.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

² Колтев А. В. Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // *Древнее право*. 1996. № 1. С. 247–261. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1261957599> (дата обращения: 15.08.2023).

³ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. 226 с.

⁴ Костогрызова Л. Ю. «Очищение древних законов» в Византии: «Василики» // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2010. № 4 (10). С. 7–21.

⁵ *Codex Justiniani Tit. 1, 14–18* // *Codex Justinianus, recensuit P. Krueger*. Berolini: apud Weidmannos, 1877. 1279 s. *The Roman Law Library* (Last Update: January 25, 2015). URL: <http://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (дата обращения: 15.08.2023).

⁶ D.1.1.1 // *Дигесты Юстиниана*. Т. I. Кн. I–IV. М.: Статут, 2002. С. 82–83.

⁷ Перевод: «Правосудие есть неизменная и постоянная воля представлять каждому его право». D.1.1.10. Латинский текст привожу специально, чтобы показать, что в *Институциях* использован он же, хотя перевод в русском издании дан другой. – Л. К.

но, не чинить вред другому, каждому воздавать то, что ему принадлежит. 2. Юриспруденция (познание права. – Л. К.) есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом¹. Наконец, составители Дигест приводят собранные воедино юристом Павлом разные толкования слова «право»: «Во-первых, „право“ означает то, что всегда является справедливым и добрым, – каково естественное право. В другом смысле „право“ – это то, что полезно всем или многим в каждом государстве, – каково гражданское право. Не менее правильно в нашем государстве правом называется *ius honorarium*». Также «правом» называется решение, выносимое претором, и место, где происходит суд².

Что касается Институций, то их первая книга также названа: «*De iustitia et iure*» – «О справедливости и праве». При этом в начале приводится цитата Ульпиана из Дигест: «*Justitia est constans et perpetua voluntas ius suum cuique tribunes*»³. Поскольку Институции предназначались «юношеству, любящему законы», в первую очередь для того, чтобы они «имели возможность изучить элементы права», дается определение юриспруденции, т. е. науки права (*iuris prudentia*), которая «есть познание божественных и человеческих дел, наука о справедливом и несправедливом». «Предписания права суть следующие: честно жить, другому не вредить, воздавать каждому свое»⁴. В Институциях нет различных понятий права, чтобы внимание будущих юристов «не отвлекалось ничем бесполезным и превратным, а остановилось бы на том, что составляет сущность вещей»⁵.

Пояснив, что означает право, Юстиниан уделяет внимание его источникам. В Дигестах подробно говорится о происхождении гражданского (по сути, позитивного) права, называются все этапы его становления и все источники⁶. Что касается естественного права, то его происхождение неясно. «Естественное право – это то, которому природа научила все живое, ибо это право, которое присуще не только человеческому роду, но и всем животным...[которые] обладают знанием этого права»⁷. Повторяя это в начале Институций, их авторы обозначают происхождение естественного права так: «Естественные права... которые установлены как бы божьим промыслом (*divina quadam providentia constituta*), остаются всегда постоянными и неизменными»⁸. Итак, естественное право имеет божественное происхождение, что не вызывает никаких споров, так как для будущих юристов это неважно. Надо сказать, что краткость и четкость Институций показывает, что Юстиниан, продумывая их создание, действовал прежде всего в интересах граждан с целью большего понимания законов и лучшего использования законов в судах.

Гражданское право, «которое каждый народ установил для себя» (D.1.1.9), «как право, свойственное обществу граждан» (I.1.2.1), состоящее из «писанного и неписанного» (D.1.1.6), происходит, согласно Дигестам, «из законов, плебисцитов, сенатус-консультов, декретов принцепсов, мнений мудрецов» (D.1.1.7); Институции к этому списку добавляют эдикты магистратов и ответы юристов (I.1.2.3). Также источником права является обычай. По Дигестам, «долго применявшийся обычай следует соблюдать как право и закон» (*pro iure et lege*) (D.1.3.33). Институции указывают, что «продолжительные обычаи, одобренные соглашениями руководствовавшихся ими, приравниваются к законам» (*legem imitantur*) (I.1.2.9).

В Дигестах довольно большой раздел посвящен юридической технике, точнее, правилам формирования и толкования законов⁹. Важно отметить, что законы должны

¹ D.1.1.10 // Дигесты Юстиниана. Т. I. Кн. I–IV. С. 86–87.

² D.1.1.11 // Там же. С. 86–87.

³ D.1.1.10; I.1. Правда, перевод в этом издании Институций другой: «Справедливость заключается в постоянной и твердой воле воздавать каждому свое». Обращаю внимание на перевод слова *justitia*: «правосудие» и «справедливость». На наш взгляд, речь идет о справедливости, так как в заглавие титула тоже вынесено слово «*Justitia*». См.: Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998. С. 14–15.

⁴ I.1.1.1–10 // Институции Юстиниана. С. 12–15.

⁵ Институции Юстиниана. С. 12–13.

⁶ D.1.2; D.1.3 // Дигесты Юстиниана. Т. I. С. 83–117.

⁷ D.1.1.1 // Там же. С. 82–83.

⁸ I.1.2.11 // Институции Юстиниана. С. 20–21.

⁹ D.1.3.1–25 // Дигесты Юстиниана. Т. I. С. 107–113.

охватывать только часто встречающиеся случаи (D.1.3.3), не должны быть установлены «вопреки смыслу права» – *contra rationem iuris* (D.1.3.14–15), не должны быть двусмысленными (D.1.3.19), так как «поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл» (D.1.3.29). При толковании закона должна сохраняться его воля (*voluntas legis*) (D.1.3.18–19), нельзя выносить решения, руководствуясь лишь частью закона, а не законом целиком (D.1.3.24).

Отметим, что в Дигестах разграничиваются два понятия: *ius* – право – и *lex* – закон. К сожалению, переводчики не всегда четко разделяют эти термины, что, на наш взгляд, искажает восприятие текста документа. В частности, фраза «*Legis virtus haec est imperare vetare permittere punire*» («Добродетель закона – повелевать, запрещать, разрешать, наказывать») в академическом издании (последнем переводе на русский язык) обозначает, что в этом состоит «действие (сила) права»¹, что некорректно. Недоумение вызывает и перевод отрывка «*Nulla iuris ratio aut aequitatis benignitas patitur, ut quae salubriter pro utilitate hominum introducuntur, ea nos duriore interpretatione contra ipsorum commodum producimus ad severitatem*» следующим образом: «Ни в каком случае смысл закона (*iuris ratio*) или милость справедливости не терпит, чтобы то, что введено для пользы людей, мы обращали путем жестокого толкования в строгость, идущую вразрез с благополучием людей»². Тогда как при замене словосочетания «смысл закона» на «сущность права» это высказывание Модестина становится понятным и может интерпретироваться как то, что закон не должен противоречить праву.

Итак, в Дигестах и Институциях Юстиниан не только приводит разные понимания слова «право», но и очень подробно останавливается на том, что является источником права, регулятором жизни людей, большее внимание уделяя законам: кто может их устанавливать, толковать, каким образом и что делать, если закона нет.

Еще одной составной частью *Corpus Juris Civilis* являются Новеллы – конституции Юстиниана с 535 г. В них появляются темы, отсутствующие в «классическом» римском праве, в частности закрепляется положение христианской церкви, статус церковнослужителей, изменения в положении рабов-христиан, статус монахов и монастырей и др. Влияние христианской церкви заметно и в появлении нового источника права – церковных правил – канонов. В предисловии к 137-й Новелле Юстиниан показал, что главное отличие законов от канонов состоит в том, что целью гражданских законов является общественная безопасность, церковные каноны установлены ради спасения души. Власть над законами вверена от Бога императору, наблюдение за соблюдением канонов вверено епископам³. При этом в 131-й Новелле Юстиниан указал, какие именно каноны должны обязательно приниматься во внимание и им не должны противоречить законы: «Предписываем, чтобы священные церковные каноны, изданные или подтвержденные четырьмя святыми соборами, а именно – Никейским, Константинопольским, Эфесским и Халкидонским... имели ранг законов; ибо догматы [этих] соборов мы признаем наподобие святых писаний, а их каноны храним как законы»⁴.

Новеллы Юстиниана носили ситуативный характер: решая конкретную задачу, устанавливали общее предписание. Одновременно, на наш взгляд, они пытались примирить позитивное право и естественное, установленное Богом. «Бог установил царскую власть, чтобы она уравновешивала несогласия добром и издаваемые ею законы приспособляла к естественному разнообразию вещей»⁵, задача власти – «забота о том, чтобы жизнь подданных проходила во всяческой справедливости»⁶. В нескольких новеллах Юстиниан настаивал на том, чтобы все происходило по законам, кото-

¹ См.: D.1.3.7 // Дигесты Юстиниана. С. 108–109 (сравните латинский и русский тексты).

² D.1.3.25 // Там же. Т. 1. С. 112–113.

³ Nov. Just. 137. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Nov. Just. 131.1. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov131.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

⁵ См.: Nov. 73. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov73.htm> (дата обращения: 15.08.2023). См. также: Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 137.

⁶ См.: Nov. 149. The Roman Law Library (Last Update: January 25, 2015) (univ-grenoble-alpes.fr).

рые судьи должны знать, уметь применять и основывать судебное решение исключительно на них¹.

В связи с завоеванием Византией регионов, не охваченных действием римского права, в государстве выросло влияние обычного права. Этот фактор стал доминирующим в дальнейшей истории империи, когда, наоборот, Византия подвергалась завоеваниям, теряла свои территории, оставшиеся же регионы обособлялись, и такая децентрализация не могла не отразиться на правовой сфере. Не останавливаясь на перипетиях внутренней и внешней политики империи, вернемся к законодательству и проблеме понимания права в постюстиниановскую эпоху. Если в *Corpus Juris Civilis* содержалось определение того, что есть право и толкование этого определения, то в Эклоге – «Избранных законах... составленных в сокращении из... конституций великого Юстиниана с внесенными в них исправлениями в духе большего человеколюбия» – оно отсутствует. Главное, на чем акцентируют внимание законодатели VIII в., – это справедливость, но они не приводят понятие справедливости, делая упор на религиозные и моральные представления о ней.

В частности, во введении к Эклоге говорится, что Бог дал людям закон, «который определил то, что следует делать, и то, чего следует избегать, а также и то, что надлежит избирать как содействующее спасению и чего нужно остерегаться как влекущего наказание»². Императоры Лев III (717–741) и Константин V (741–775) – авторы текста – «неусыпно» устремляли разум в поисках того, что угодно Богу и полезно обществу, почитая более всего земного справедливость – представительницу небесного, являющуюся у служащего ей более острой по своей силе, чем всякий меч в борьбе с врагами, приказали «изложить именно в настоящей книге более ясным и более сжатым образом для лучшей обозримости, и познания силы этих благочестивых законов, и для более легкого и справедливого решения дел, и ради справедливого наказания преступления, и возвращения и исправления тех, кто расположен их совершать»³. С одной стороны, источник права – закон, который принимается императором, выполняющим волю Бога, с другой стороны, судебные дела должны решаться не только по закону, но и по справедливости. В предисловии к Эклоге императоры подчеркивали: «Тем же, кто поставлен исполнять законы, мы рекомендуем, а вместе с тем и приказываем, воздерживаться от всяких человеческих страстей и выносить решения, исходя из здравого суждения по истинной справедливости; не презирать бедных, не оставлять без преследования несправедливо поступающего могущественного [человека] и не выказывать в преувеличенной форме на словах восхищения справедливостью и равенством, на деле же отдавая предпочтение как более выгодному несправедливости и лихоимству»⁴. Это представление о справедливости закона и о равенстве всех перед ним позволило исследователям говорить о гуманизации законодательства в эпоху иконоборчества и внесении в него христианских и более либеральных начал⁵. Что касается понятия «право», то его отсутствие в Эклоге можно объяснить как практической необходимостью появления документа, так и тем, что судьям, которым она предназначалась, важно было четкое пояснение решения той или иной ситуации, а не размышление об абстракциях⁶. В других сборниках, вышедших одновременно с Эклогой и являющихся по сути практическими руководствами для судей, также нет понятия «право».

В какой-то степени этот пробел ликвидируется в Эпанагоге (Исагоге) – законнике конца IX в., созданном комиссией во главе с патриархом Фотием (820–896) и опубликованном от лица императоров Василия, Льва и Александра⁷, который содержит наряду с правовыми нормами и основные принципы государственного права Византии (Восточной Римской империи). Самый первый титул называется «О законе

¹ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 138; Nov. 82. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov82.htm> (дата обращения: 15.08.2023); Nov. 113. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov113.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

² Эклога. С. 42.

³ Там же. С. 41–42.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 203–204.

⁶ По одной из версий, издание Эклоги было связано с проведением судебной реформы (Эклога. С. 25).

⁷ Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. М., 2001. С. 176–177.

и праве» (Περὶ νόμου καὶ δικαιοσύνης). Титул небольшой, приведем его перевод целиком с терминами, на длительное время закрепившимися в византийских законодательных актах: «1. Закон (νόμος) есть общее предписание, решение благоразумных людей, исправление вольных и невольных проступков, общее согласие государства, а также божественное изобретение. 2. Законы (νόμους) должны приниматься на основе того, что происходит очень часто, а не на основе спорадических или разовых событий, законодатели не обращают внимания на то, что происходит один или два раза. 3. Добродетель закона (ἀρετὴ νόμου) – повелевать, запрещать, разрешать, наказывать. 4. Правосудие (δικαιοσύνη) есть устойчивое и постоянное намерение воздавать каждому свое право (δίκαιον). 5. Та же справедливость (δικαιοσύνης) – честно жить и воздавать каждому свое. 6. Мудрость права (δικαιοσύνης) – разглядеть божественные и людские дела, справедливое и несправедливое»¹. Итак, на первый взгляд, в Исагоге (Эпанагоге) повторяются положения Дигест (и Институций) Юстиниана, но вместо слов «право» и «справедливость» употребляются слова «закон» и «справедливость». Принимая во внимание, что закон воспринимался и рассматривался как источник права, осмелимся предположить, что в данном контексте под словом «закон» (νόμος) имеется в виду позитивное право, а представления о праве вмещаются в приведенном понятии «справедливость» (δικαιοσύνης).

Это предположение, на наш взгляд, подтверждается в следующих титулах Исагоги (Эпанагоги), в которых контроль над законодательством (и позитивным правом вообще) закрепляется за императором. В частности, в титуле «О василевсе» говорится, что «1) Василевс есть законная (ἐννομος) власть, общее благо всех подданных... 4) Полагается василевсу защищать и сохранять, прежде всего, все, что написано в Священном Писании, затем все, постановленное семью Вселенскими соборами, и все употребляемые римские законы... 6) Василевсу нужно толковать старые законоположения и решать дела по аналогии, а не принимать новый закон. 7) Нужно заботиться об изложении законов и обычаев государства. Так как вводимое, к примеру, должно соответствовать канонам. 8) Василевсу нужно излагать законы человеколюбиво, чтобы доброе толкование убедило сомневающихся. 9) Не нужно изменять ясное толкование. 10) Чтобы написать закон, нужно смотреть на обычаи, если их нет, нужно следовать по аналогии. 11) Как принятие закона осуществляется писанным или неписанным образом, так и его отмена может быть письменной или нет, просто путем неиспользования. 12) Мы используем обычай города или провинции только в том случае, если он был подтвержден в суде после обсуждения. Нормы, проверенные давним обычаем и сохраняемые в течение многих лет, имеют неменьшую ценность, чем писанные законы»². Таким образом, согласно Исагоге, главное для василевса – самому быть благочестивым, заботиться о благополучии подданных, принимая для этого законы, согласованные с канонами и обычаями. По сути император осуществляет законодательную власть, выявляет необходимость появления того или иного закона, ему даны рекомендации по толкованию законов и даже принципам их составления.

Подобно тому, как царю принадлежит толкование действующих норм права, патриарху, и только ему, принадлежит истолкование правил, установленных святыми отцами и святыми соборами. Исагога, в главах 6 и 7 титула III, устанавливает детальные правила относительно этого. Главная задача патриарха – следить, чтобы соблюдались древние каноны и обычаи, а схожие дела решались по аналогии с ними. Таким образом, василевс заботится о том, чтобы законы соответствовали церковным канонам, а за точным исполнением самих правил наблюдает патриарх. Поскольку «государство из частиц и частей подобно человеку состоит, величайшие и необходимейшие части – василевс и патриарх. Поэтому, если и душа, и тело друг друга слушают, мир и процветание царства и священства будет во всем согласии и гармонии (συμφωνία)»³. Таким образом, провозглашенный еще Юстинианом принцип симфонии властей, гармоничного взаимодействия светской и церковной власти проник в позитивное право: законы и каноны взаимосвязаны.

¹ Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. S. 65; La introducción al Derecho (Eisagoge) del Patriarca Focio. Signes Codoñer Juan; Andrés Santos Francisco Javier. Published by CSIC. Madrid, 2007. P. 287.

² La introducción al Derecho... P. 288–290; Collectio librorum... S. 65–67.

³ Collectio librorum... S. 67–68; La introducción al Derecho... P. 292.

В последней официальной систематизации законов Восточной Римской империи, проведенной при Льве VI в конце IX – начале X в., – Василиках («Τὰ βασιλικά ξ' βιβλία», «τὰ βασιλικά νόμιμα» – «Императорские 60 книг», «Императорские законы») – первый титул книги II назван «Περὶ δικαιοσύνης καὶ νόμου καὶ μακρᾶς συνηθείας» («О праве, законе и давних обычаях»). Это название можно перевести «О справедливости, праве и давних обычаях» – вернее и точнее, так как в начале титула приводится переведенная на греческий, хотя и не дословная цитата Ульпиана из Дигест: «Ὁ νόμος ἀπὸ τῆς δικαιοσύνης ὠνόμασται, ἐστὶ γὰρ νόμος τέχνη τοῦ καλοῦ καὶ τοῦ ἰσοῦ» («„Право“ от слова „справедливость“ произошло, ибо право есть орудие ее и добра»)¹. Здесь *ius* = *νόμος* = право. Одновременно мы видим, что греческое слово «νόμος», обозначавшее ранее исключительно закон, принимает новое значение – право, а именно позитивное право, т. е. то, чьи нормы применяются на практике. Учитывая, что приведенная цитата буквально повторяется в Алфавитной синтагме Матфея Властаря в XIV в., такое понимание позитивного права прижилось в византийском обществе.

Далее в первом титуле книги II Василик перечислены источники права. Отчасти они совпадают с теми, которые назвал Юстиниан в Дигестах, включая *νόμοι* – законы (лат. *leges*), правилам издания которых уделено большое внимание². Несмотря на то, что за основу титула взят текст Дигест Юстиниана с цитатами известных древних юристов о составлении законов, издатель «Царских книг» учитывает современные реалии. Так, если раньше обычай при применении на практике ставился в один ряд с законом, то сейчас «обычай вместо закона используется, если нет письменного закона»³. Но то, что обычай (*συνήθεια*), особенно давний (*μάκρᾶ*), остается важным источником права, несомненно⁴.

Как отмечалось, Юстиниан Великий в октябре 530 г. заявил, что божественные каноны имеют силу неменьшую, чем законы, и в 131-й Новелле от 545 г. предписал церковные каноны Никейского (325 г.), Константинопольского (381 г.), Эфесского (431 г.) и Халкидонского (451 г.) соборов хранить как законы⁵. Лев VI в Василиках не только повторил эту норму, но и расширил ее действие до II Никейского собора 787 г.⁶ Предполагая, что между этими правилами и светскими законами может возникнуть противоречие, в одной из своих Новелл, изданных после появления Василик, император разграничил сферу действия гражданского и церковного законодательства, постановив, что в гражданских делах преимущество имеет первое, а в церковных – второе⁷.

Уже в XIV в. Матфей Властарь (1280–1350) – иеромонах, знаток светского и церковного права, составитель «Собрания по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах» (Алфавитной синтагмы)⁸, – обобщая главу о канонах, сделал вывод: «Необходимо (признать), что каноны имеют силу больше законов: ибо законы составлены одними царями и последующими подтверждены, а каноны написаны и утверждены святыми отцами по воле, усердию и суду тогдашних царей; впрочем, и благочестивые законы придают большое значение божественным правилам, частью соглашаясь с ними, частью восполняя то, что в них опущено»⁹.

Завершая рассмотрение вопроса о понимании права в византийском законодательстве VI–X вв., следует упомянуть новеллу Константина Багрянородного, датированную

¹ B.II.1.1 // *Basilicorum libri LX. Series a volumen I. Textus librorum I–VIII* / ed. by H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen: J. B. Wolters; Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1955. S. 15.

² B.II.1.13–41 // *Ibid.* S. 17–19.

³ B.II.1.42 // *Ibid.* S. 19.

⁴ B.II.1.42–52 // *Ibid.* S. 19–20.

⁵ Nov. Just. 131.1. URL: <https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Corpus/Nov131.htm> (дата обращения: 15.08.2023).

⁶ B.V.3.2 // *Basilicorum libri LX. Series a volumen I...* S. 141.

⁷ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 215; Nov. 7 // *The new constitutions of the emperor Leo* / transl. by Samuel P. Scott. Cincinnati, 1932. URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novels_Leo_Scott.htm (дата обращения: 15.08.2023).

⁸ Подробнее см.: Костогрызова Л. Ю. Алфавитная синтагма Матфея Властаря как источник познания византийского права // *Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования: материалы круглого стола. 21–22 июня 2013 г.* Екатеринбург: Российский гуманитарный научный фонд; Уральская государственная юридическая академия, 2013. С. 239–245.

⁹ *Властарь Матфей*. Алфавитная синтагма Матфея Властаря. М., 1892 / пер. Н. Ильинского. Репринт (с перенабором): 1996. URL: http://krotov.info/library/11_k/kanony/vlastar06.html#k5 (дата обращения: 15.08.2023).

мую 947 г.¹, в которой называется закон (*νόμος*) как проявление положительного права (*δῶμα κοινόν* – общего учения) и право естественное (*φύσει δίκαιον*), не менее обязательное для всех слоев населения (и бедных, и знатных).

Очевидно, что понимание права у ромеев происходило в двух плоскостях: позитивное, точнее, материальное, источниками которого являются законы, давние обычаи, каноны, и нематериальное (естественное), ассоциировавшееся со справедливостью, оно бытовало вплоть до падения Восточной Римской империи. Так, в уже упомянутой синтагме Матфея Властаря XIV в., под правом (название титула – «*περὶ δικαιοσύνης*», в русском переводе XIX в. – «О правде») понимается «твердая и постоянная воля, воздающая каждому свое – справедливое. Свойства правды: честно жить, другому не вредить, воздавать каждому свое. Мудрость правды заключается в познании вещей божеских и человеческих, справедливого и несправедливого»². Наверное, это слово точнее всего отражает представления византийцев о праве, понимание ими права: **правда = справедливость = право**. Что касается того, что понимается под законом, то в особом титуле Алфавитной синтагмы «О законах» («*περὶ νόμου*») речь идет о действующих правовых актах: «Закон есть общее повеление, мудрых мужей установление, вольных и невольных грехов исправление или пресечение, общее уложение города; он есть также божественное изобретение. Благодеяние закона – в том, что он повелевает, запрещает, дозволяет и наказывает»³.

Таким образом, в законодательстве Восточной Римской империи зафиксировано четкое представление о том, что такое право, что такое закон. Причем под термином «*νομός*» понимался не один нормативный правовой акт, а несколько: от конституций императоров до обычаев, что позволяет сделать вывод о том, что термином «*νομός*» византийцы обозначали так называемое позитивное право, а термином «*δικαιοσύνη*» (справедливость) – право в целом, т. е. естественное право. Законодательные полномочия вверены императору, как и контроль над тем, чтобы законы соответствовали канонам, за неизменяемостью и верным толкованием которых, в свою очередь, следит патриарх. Вплоть до падения Константинополя во всех законодательных сводах подчеркивалась необходимость соответствия закона праву, необходимость того, чтобы законы (и в целом нормы позитивного права) были справедливыми. Учитывая, что термин «справедливость» совпадал с термином «право», можно утверждать, что позитивное право в Византии по возможности должно было совпадать с естественным.

Список литературы

Вальденберг В. Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 535 с.

Властарь Матфей. Алфавитная синтагма Матфея Властаря. М., 1892 / пер. Н. Ильинского. Репринт (с перенабором): 1996. URL: http://krotov.info/library/11_k/kanony/vlastar00.html (дата обращения: 15.08.2023).

Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов: в 8 т. Т. I. Кн. I–IV. М.: Статут, 2002. 583 с.

Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера; под ред. Л. Л. Кофанова, В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 1998. 400 с.

Коптев А. В. Кодификация Феодосия II и ее предпосылки // Древнее право. 1996. № 1. С. 247–261.

Костогрызова Л. Ю. Алфавитная синтагма Матфея Властаря как источник познания византийского права // Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования: материалы круглого стола. 21–22 июня 2013 г. Екатеринбург: Российский гуманитарный научный фонд; Уральская государственная юридическая академия, 2013. 282 с. С. 239–245.

Костогрызова Л. Ю. «Очищение древних законов» в Византии: «Василики» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. № 4 (10). С. 7–21.

Костогрызов П. И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 4. С. 81–99.

¹ Вальденберг В. Е. Указ. соч. С. 215.

² Властарь Матфей. Указ. соч. URL: http://krotov.info/library/11_k/kanony/vlastar04.html#d8 (дата обращения: 15.08.2023).

³ *Συντάγμα των θείων καὶ ἱερῶν κανόνων των τε ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων, καὶ των ἱερῶν οἰκουμηνικῶν καὶ τοπικῶν συνοδῶν, καὶ των κατα μέρος ἁγίων πατέρων υπο Γ. Α. Ραλλη καὶ Μ. Ποτλη. Τομος Ἐκτος, περιέχων το στοιχειον του Σύνταγμα του Βλαστάρεως, καὶ γενικόν ἀωαλυτικόν πίνακα. Ἐν Αθήναις, 1859. Σ. 401.*

- Медведев И. П. Правовая культура Византийской империи. СПб.: Алетея, 2001. 576 с.
- Сильвестрова Е. В. *Lex generalis*. Императорская конституция в системе источников греко-римского права V–X вв. н. э. М.: Индрик, 2007. 246 с.
- Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е. Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. 226 с.
- Basilicorum libri LX. Series a volumen I. Textus librorum I–VIII / ed. by H. J. Scheltema, N. Van der Wal. Groningen: J. B. Wolters; Gravenhage: Martinus Nijhoff, 1955. 438 s.
- Codex Justinianus, recensuit P. Krueger. Berolini: apud Weidmannos, 1877. 1279 s. URL: <http://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (дата обращения: 15.08.2023).
- Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri / ed. by C. E. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1852. 235 s.
- Imperatoris Theodosii Codex. Liber Primus. URL: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber01.htm> (дата обращения: 15.08.2023).
- La introducción al Derecho (Eisagoge) del Patriarca Focio. Signes Codoñer Juan; Andrés Santos Francisco Javier. Published by CSIC. Madrid, 2007. 571 p.
- The new constitutions of the emperor Leo / transl. by Samuel P. Scott. Cincinnati, 1932. URL: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novels_Leo_Scott.htm (дата обращения: 15.08.2023).
- Συντάγμα των θείων καὶ ἱερῶν κανόνων των τε ἀγίων καὶ πανευφήμεων ἀποστόλων, καὶ των ἱερῶν οἰκουμεικῶν καὶ τοπικῶν συνοδῶν, καὶ των κατα μέρος ἀγίων πατερῶν υπο Γ. Α. Ραλλη καὶ Μ. Ποτλη. Τομος Ἐκτος, περιέχων το στοιχεῖον του Σύνταγμα του Βλαστάρους, καὶ γενικόν αὐαλυτικὸν πίνακα. Ἐν Αθήναις, 1859. 620 σ.

References

- Vlastar' Matfei (1892). *Alfavitnaya sintagma Matfeya Vlastarya* [The Alphabetic syntagma of Matthew Vlastar], ed. by N. Il'inskii. Moscow, available at: http://krotov.info/library/11_k/kanony/vlastar00.html (accessed: 20.12.2023).
- Imperatoris Theodosii Codex. Liber Primus*, available at: <http://ancientrome.ru/ius/library/codex/theod/liber01.htm> (accessed: 20.12.2023).
- Kofanov L. L. (Ed.) (2002) *Digesty Yustiniana: v 8 t.* [Justinian's Digest: in 8 vol.]. Moscow, Statut, vol. I, books I–IV, 583 p.
- Kofanov L. L., Tomsinov V. A. (Ed.) (1998) *Institutsii Yustiniana* [Justinian's Institutes]. Moscow, Zertsalo, 400 p.
- Koptev A. V. (1996) Kodifikatsiya Feodosiya II i ee predposylki [The Codification of Theodosius II and its prerequisites]. In *Drevnee pravo*. Moscow, Spark, 1996, no. 1, pp. 247–261.
- Kostogryzova L. Yu. (2013) Alfavitnaya sintagma Matfeya Vlastarya kak istochnik poznaniya vizantijskogo prava [The Alphabetic Syntagma of Matthew Vlastar as a source of knowledge of Byzantine law]. In *Istochniki prava i istochniki poznaniya prava: teoreticheskie, metodologicheskie i metodicheskie problemy issledovaniya: materialy kruglogo stola. 21–22 iyunya 2013 g.* Yekaterinburg, Rossijskij gumanitarnyj nauchnyj fond, Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, pp. 239–245.
- Kostogryzova L. Yu. (2010) «Ochislenie drevnikh zakonov» v Vizantii: «Vasiliki» [The «Purification of ancient laws» in Byzantium: «Basilics»]. In *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, no. 4 (10), pp. 7–21.
- Kostogryzov P. I. (2017) Yuridicheskaya antropologiya v poiskakh paradigmy [Legal anthropology in search of a paradigm]. In *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, vol. 17, no. 4, pp. 81–99.
- Krueger P. (Ed.) (1877) *Codex Justinianus*. Berolini: apud Weidmannos, 1279 p., available at: <http://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/> (accessed: 20.12.2023).
- Lipshits E. E. (Ed.) (1965) *Ekloga. Vizantiiskii zakonodatel'nyi svod VIII veka* [Ecloga. The Byzantine Legislative Code of the VIII century]. Moscow, Nauka, 226 p.
- Medvedev I. P. (2001) *Pravovaya kul'tura Vizantijskoj imperii* [The legal culture of the Byzantine Empire]. Saint Petersburg, Aleteia, 576 p.
- Scheltema H. J., Van der Wal N. (Ed.) (1955) *Basilicorum libri LX. Series a volumen I. Textus librorum I–VIII*. Groningen, J. B. Wolters, Gravenhage, Martinus Nijhoff, 438 p.
- Signes Codoñer Juan, Andrés Santos, Francisco Javier (Ed.) (2007) *La introducción al Derecho (Eisagoge) del Patriarca Focio*. Madrid, Published by CSIC, 571 p.
- Sil'vestrova E. V. (2007) *Lex generalis. Imperatorskaya konstitutsiya v sisteme istochnikov greko-romskogo prava V–X vv. n. eh.* [Lex generalis. The Imperial Constitution in the system of sources of Greco-Roman law of the 5th – 10th centuries AD]. Moscow, Indrik, 246 p.
- The new constitutions of the emperor Leo*, transl. by Samuel P. Scott, Cincinnati, 1932, available at: https://droitromain.univ-grenoble-alpes.fr/Anglica/Novels_Leo_Scott.htm (accessed: 20.12.2023).

Ραλλη Γ. Α. και Ποτλη Μ. (Ed.) (1859) *Συνταγμα των θείων και ιερων κανονων των τε αγίων και πανευφήμων αποστολων, και των ιερων οίκουμενικων και τοπικων συνοδων, και των κατα μερος αγίων πατερων. Τομος Εκτος, περιέχων το στοιχειον του Σύνταγμα του Βλασάρεως, και γενικόν αβαλυτικον πίνακα.* εν Αθήναις, 620 ς.

Val'denberg V. E. (Ed.) (2008) *Istoriya vizantijskoj politicheskoy literatury v svyazi s istoriej filosofskikh techenij i zakonodatel'stva* [The history of Byzantine political literature in connection with the history of philosophical trends and legislation]. Saint Petersburg, Dmitrij Bulanin, 535 p.

Zachariae a Lingenthal C. E. (Ed.) (1852). *Collectio librorum juris graeco-romani ineditorum. Ecloga Leonis et Constantini, Epanagoge Basillii Leonis et Alexandri.* Lipsiae, 235 p.

БРИКС, ШОС, ЕАЭС – МАГИСТРАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА: В КАЗАНИ ПРОШЛА ОЧЕРЕДНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В РАМКАХ КАЗАНСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА

Абдуллин Адель Ильсиярович

Заведующий кафедрой международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань), доктор юридических наук,
профессор, ORCID: 0000-0001-6078-8029, e-mail: Adel.Abdullin@kpfu.ru.

Давлетгильдеев Рустем Шамилович

Заместитель декана юридического факультета
Казанского (Приволжского) федерального университета по международной деятельности
(Казань), заведующий кафедрой теории и истории государства
и права, профессор кафедры международного и европейского права, доктор юридических
наук, профессор, ORCID: 0000-0001-5412-9027, e-mail: Roustem.Davletguldeev@kpfu.ru.

Гибадуллин Тимур Дамирович

Ассистент кафедры международного и европейского права
Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань), кандидат юридических наук,
ORCID: 0000-0003-2752-6347, e-mail: TimurDGibadullin@kpfu.ru.

Поликарпова Алина Владимировна

Магистрант юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
(Казань), ORCID: 0009-0001-0890-4579, e-mail: alina.polikarpowa2016@yandex.ru.

Для цитирования: Абдуллин А. И., Давлетгильдеев Р. Ш., Гибадуллин Т. Д., Поликарпова А. В. БРИКС, ШОС, ЕАЭС – магистральные векторы международно-правового сотрудничества: в Казани прошла очередная международная научно-практическая конференция в рамках Казанского международного юридического форума // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 5. С. 81–86. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_81.

BRICS, SCO, EAEU – MAIN VECTORS OF INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION: THE REGULAR INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE WAS HELD IN KAZAN WITHIN THE FRAMEWORK OF THE KAZAN INTERNATIONAL LEGAL FORUM

Abdullin Adel Ihsiyarovich

Head of the department, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan), doctor of legal sciences,
professor, ORCID: 0000-0001-6078-8029, e-mail: Adel.Abdullin@kpfu.ru.

Davletguldeev Rustem Shamilevich

Vice-dean, Head of the department, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan),
doctor of legal sciences, professor, ORCID: 0000-0001-5412-9027,
e-mail: Roustem.Davletguldeev@kpfu.ru.

Gibadullin Timur Damirovich

Assistant, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan), candidate of legal sciences,
ORCID: 0000-0003-2752-6347, e-mail: TimurDGibadullin@kpfu.ru.

Polikarpova Alina Vladimirovna

Master student, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan), ORCID: 0009-0001-0890-4579,
e-mail: alina.polikarpowa2016@yandex.ru.

*For citation: Abdullin A., Davletgildeev R., Gibadullin T., Polikarpova A. (2023) BRICS, SCO, EAEU – main vectors of international legal cooperation: the regular international scientific and practical conference was held in Kazan within the framework of the Kazan international legal forum. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 81–86, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_5_81.*

28–29 сентября 2023 г. в Казани на площадках ИТ-парка им. Башира Рамеева и Казанского федерального университета состоялся II Казанский международный юридический форум. Организаторами Форума выступили Республика Татарстан, мэрия города Казани, Ассоциация юристов России, Казанский федеральный университет, Ассоциация выпускников юридического факультета Казанского федерального университета.

Тема II Казанского международного юридического форума «#МЫВПРАВЕ» подчеркнула возможности модернизации права совместными усилиями в условиях происходящих глобальных изменений. Данное мероприятие объединило в формате конструктивного диалога ведущие российские и зарубежные юридические школы, представителей органов публичной власти, юридического сообщества и бизнеса для выработки экспертного мнения и принятия эффективных решений.

Одним из ключевых мероприятий Форума явилась международная научно-практическая конференция «БРИКС, ШОС, ЕАЭС – магистральные векторы международно-правового сотрудничества», состоявшаяся 29 сентября в Казанском федеральном университете.

Конференция была посвящена общим вопросам регионального и трансрегионального международно-правового сотрудничества в рамках БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества, Евразийского экономического союза, а также особенностям и перспективам сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС в сфере науки, образования, труда и миграции.

Работа конференции была организована в формате трех сессий, в рамках которых выступили авторитетные специалисты в области международного права – представители Суда Евразийского экономического союза, ведущих вузов Российской Федерации, Азербайджанской Республики, Демократической Республики Конго, Китайской Народной Республики, Республики Беларусь, Республики Узбекистан, Федеративной Республики Бразилия.

Модераторами конференции были Адель Ильсиярович Абдуллин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского федерального университета, и Денис Георгиевич Колос, кандидат юридических наук, судья Суда Евразийского экономического союза.

В начале мероприятия было озвучено приветственное слово премьер-министра Республики Татарстан Алексея Валерьевича Песошина. Также прозвучали приветствия Эрны Владимировны Айриян, председателя Суда Евразийского экономического союза, и Татьяны Вадимовны Минеевой, кандидата экономических наук, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в городе Москве.

Работа первой сессии конференции началась с доклада Аслана Хусейновича Абашидзе, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов. Его выступление было посвящено вызовам договорным органам по правам человека в системе ООН. Аслан Хусейнович подчеркнул необходимость сохранить систему договорных органов ООН по правам человека в ее изначальном виде, не допуская неправомерных изменений.

Далее прозвучал доклад Анатолия Яковлевича Капустина, доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, президента Российской Ассоциации международного права, который осветил актуальные проблемы международно-правового регионализма. Анатолий Яковлевич выразил мнение о том, что одной из задач регионализма является гармонизация общих ценностей

государств, а также отметил необходимость обеспечения открытости региональных организаций.

Татьяна Николаевна Нешатаева, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия, сделала доклад на тему «ЕАЭС, ШОС и БРИКС: нынешнее взаимодействие». Татьяна Николаевна отметила, что сегодняшняя реальность – единый, но многосторонний и полицентричный мир. Помимо этого, отличительной особенностью стало то, что на международном уровне решения рекомендательного характера стали выполняться даже быстрее решений обязательных.

Тамара Викторовна Шашихина, директор Евразийского учебного института МГИМО МИД России, рассказала об опыте участия МГИМО МИД России в Евразийском консорциуме университетов. Тамара Викторовна сообщила, что упомянутым институтом сделан большой шаг по признанию дипломов об образовании и о присуждении ученой степени без необходимости прохождения процедур признания. Существенным достижением стало включение положения о необходимости развития сотрудничества в Евразийском консорциуме университетов в области образования и проведения совместных научно-исследовательских работ в решение Высшего Евразийского экономического совета.

Марк Львович Энтин, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, выступил на тему «Институционально-правовое обеспечение координации деятельности ЕАЭС, ШОС и БРИКС в контексте формирования всеобъемлющего большого евразийского партнерства». Марк Львович отметил, что большое евразийское партнерство видится как сочленение осей Восток-Запад, Запад-Восток и Север-Юг, т. е. превращение странств в связь, обеспечивающую экономическое взаимодействие, передачу технологий.

Алексей Станиславович Исполинов, доктор юридических наук, член Исполкома Российской Ассоциации международного права, рассмотрел регионализацию как форму идущей деколонизации. Алексей Станиславович в своем выступлении сделал вывод о том, что процесс деколонизации для стран глобального Юга не закончился формальным объявлением независимости. Этот процесс продолжается за счет деколонизации созданных ранее универсальных институтов в силу численного большинства упомянутых стран.

Юлия Геннадьевна Богатина, кандидат юридических наук, заместитель председателя Арбитражного суда Московской области, доцент кафедры международного права Российского государственного университета правосудия, посвятила свое выступление вопросам защиты международного и национального публичного порядка в современный период. Юлия Геннадьевна указала на то, что элементы международного публичного порядка государства и транснационального публичного порядка могут совпадать, запрет на злоупотребление правом через установление корпоративной вуали выступает элементом не только российского международного публичного порядка, но и транснационального публичного порядка в широком смысле.

Sun Zengqin, декан юридического факультета Китайского нефтяного университета (Восточный Китай), сделала доклад на тему «Exploration and practice of energy law talents training». Выступающая рассказала, что система обучения в Китайском нефтяном университете формирует видение «больших гуманитарных наук» посредством перекрестной интеграции энергетического права и менеджмента, экономики, энергетики и других дисциплин, разрушая оковы для инноваций, создаваемые дисциплинарными барьерами.

Ольга Владимировна Кадышева, кандидат юридических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой международного права Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, описала региональные механизмы разрешения споров в аспекте кризиса Органа по разрешению споров ВТО. Ольга Владимировна отметила, что механизмы разрешения споров, которые содержатся в современных региональных торговых соглашениях, основаны на хорошо зарекомендовавшей себя системе, связанной с использованием третейских групп, причем в региональных договорах были устранены некоторые недоработки механизма разрешения споров ВТО, а также сделаны отдельные нововведения.

Дмитрий Константинович Лабин, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права МГИМО МИД России, посвятил свой доклад верховенству международного права и экономическим интересам в контексте новой концепции внешней политики России. Дмитрий Константинович высказал мнение о том, что многополярный мир создает новые вызовы с точки зрения состязательности, конкуренции не только в экономических, идеологических, но и в том числе в правовых доктринах.

Первая сессия конференции завершилась выступлением Владимира Николаевича Лопатина, доктора юридических наук, профессора, научного руководителя (директора) Республиканского научно-исследовательского института интеллектуальной собственности, который рассмотрел актуальные проблемы международно-правового сотрудничества в рамках ЕАЭС, ШОС и БРИКС. Владимир Николаевич подчеркнул, что организации должны консолидироваться с общей целью ликвидации неравенства для роста экономического благосостояния стран и повышения национальной конкурентоспособности России.

Далее последовала вторая сессия мероприятия, в число модераторов которой вошел Рустем Шамилович Давлетгильдеев, доктор юридических наук, профессор, заместитель декана юридического факультета Казанского федерального университета по международной деятельности, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского федерального университета.

Данная сессия открылась докладом Вадима Валентиновича Войникова, доктора юридических наук, профессора ОНК «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта. В. В. Войников осветил вопросы реформы юридического образования в России и правовых аспектов научно-образовательного сотрудничества в рамках ЕАЭС. В рамках развития данного направления сотрудничества выступающий предложил в том числе развивать параллельную интеграцию ЕАЭС путем заключения многосторонних или двусторонних соглашений.

После этого Bienvenu Wane Bameme, профессор Университета Киншасы, судья Государственного совета Демократической Республики Конго, выступил на тему «Judicial cooperation between BRICS and Africa: A building block of rapprochement with a view to strengthening States». Докладчик выразил мнение, что деятельность стран БРИКС связана не только экономическим взаимодействием, но и активно развивающимся сотрудничеством в области правосудия. Данное сотрудничество можно положительно оценить с точки зрения его благотворного влияния на систему предпринимательства, а также с точки зрения помощи развивающимся странам.

Александр Борисович Мезяев, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Университета управления «ТИСБИ», в своем докладе осветил правовую позицию государств БРИКС по вопросам международной юстиции. В частности, Александр Борисович отметил, что позиция стран БРИКС по вопросу МУС разделена на две стороны, с одной из которых находятся те, кто подписал и ратифицировал Римский статут, а с другой – те, кто этого не сделал.

Никита Юрьевич Молчаков, кандидат юридических наук, декан международно-правового факультета МГИМО МИД России, рассказал о развитии юридического образования сквозь призму теории и практики интеграционных процессов. Никита Юрьевич выразил мнение, что необходимо сохранять и усиливать систему экспорта российского образования. Кроме того, современные студенты должны разбираться в полисистемном правовом регулировании для того, чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда.

Нелли Васильевна Афоничкина, кандидат юридических наук, член Российской Ассоциации международного права, сделала доклад на тему «Функционирование БРИКС и проблема поиска равноденствующей согласования воле государств в процессе межконтинентального сотрудничества». Выступающая подчеркнула, что для признания БРИКС как полноценного субъекта международного права странам-участницам следует действовать исходя из принципов соблюдения международных стандартов прав человека, а также повышения уровня правосознания своих граждан.

Гавхар Юлдашева, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета, рассмотрела проблемы Аральского моря как угрозу экологической безопасности на пространстве ШОС. Аральское море является территорией экологического бедствия. Для решения данной проблемы необходимо развивать в регионе альтернативные источники воды. Потребуется объединенные усилия научного и технического сообщества стран ШОС.

Шахноза Каримбердиевна Ганибаева, кандидат юридических наук, доцент, преподаватель Центра повышения квалификации юристов при Министерстве юстиции Республики Узбекистан, рассказала о перспективах развития института медиации в рамках ШОС. В данной сфере необходимо консолидировать усилия и учитывать интересы каждого из государств-членов международной организации. Целесообразной может быть разработка единого документа в рамках ШОС.

Александр Михайлович Солнцев, кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой международного права Российского университета дружбы народов, представил доклад о проблемах трансграничного экологического сотрудничества в рамках БРИКС, ШОС, ЕАЭС. Была отмечена необходимость укреплять экологическое сотрудничество между государствами и не допускать возникновения экологической дискриминации или экологического расизма.

Наталья Алексеевна Чернядьева, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, посвятила свое выступление международно-правовым чертам регионализма в XXI в. Наталья Алексеевна отметила возникновение на современном этапе большого количества узкоспециализированных региональных организаций, что можно рассматривать в контексте стремления стран к отказу от одновекторного развития и недопущению формирования однополярного мира.

Рустам Альбертович Касьянов, доктор юридических наук, PhD, профессор, профессор кафедры интеграционного права и прав человека, профессор кафедры публичного права МГИМО МИД России, рассказал о месте и роли прав человека в процессе развития финансовой интеграции в ЕАЭС. В частности, Рустам Альбертович отметил, что финансовая интеграция в данной международной организации строится вокруг идеи создания общего финансового рынка ЕАЭС в виде трех секторов: сектора ценных бумаг, сектора страхования и банковского сектора.

Алла Юрьевна Ястребова, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Дипломатической академии МИД России, в своем докладе осветила перспективы регламентации трудовой миграции на уровне ЕАЭС и ШОС. Было указано на то, что сотрудничество государств в сфере трудовой миграции в региональных организациях должно в первую очередь учитывать вопросы национальной безопасности этих стран. Законодательство в области трудовой миграции в России должно постоянно совершенствоваться, особенно учитывая возросший уровень российско-китайского сотрудничества в данной сфере.

Emílio Mendonça Dias da Silva, исследователь Центра изучения БРИКС Университета Сан-Паулу (Федеративная Республика Бразилия), выступил на тему «Anti-corruption Preventive Measures in BRICS Countries». Ученый рассказал об опыте и достижениях стран БРИКС в сфере борьбы с коррупцией, особо отметив роль взаимодействия международного и национального административного права в данной области.

Вторая сессия конференции завершилась выступлением Sun Ji, преподавателя юридического факультета Китайского нефтяного университета (Восточный Китай), который сделал доклад по теме «Legal Protection for the Construction of the „Siberian Power 2“ Natural Gas Pipeline». В ходе выступления было обращено внимание на то, что в рамках функционирования газопроводов особое значение имеет выявление и устранение угроз безопасности. Докладчик рассмотрел важнейший нормативный акт Китайской Народной Республики в данной сфере – Закон КНР об охране нефтепроводов и газопроводов, осветил его основные положения.

Третья, финальная, сессия мероприятия, в число модераторов которой вошел Рустем Шамилевич Давлетгильдеев, открылась выступлением Ольги Анатольевны Киселевой, кандидата юридических наук, доцента кафедры международного права Санкт-

Петербургского государственного университета, рассказавшей о правовой сущности справедливости и состязательности в ее достижении в новейшем международном праве. Ольга Анатольевна отметила, что на современном этапе справедливость становится ключевым аспектом в международных отношениях и от того, какими средствами она будет достигаться, зависит ее эффективность и качество.

Далее Расим Тофиг оглы Мамедли, кандидат политических наук, МГИМО МИД России, осветил международно-правовые аспекты сотрудничества государств-членов БРИКС в Арктике. Было указано, что в арктическом регионе в последнее время создается определенный международно-правовой вакуум однополярного мира. России необходимо развивать сотрудничество с внеблоковыми государствами для развития равноценного и недискриминационного взаимодействия в Арктике.

Джаваншир Мамед оглы Алиев, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России, представил доклад о международно-правовом регулировании миграции государствами-членами БРИКС и ШОС. Джаваншир Мамед оглы отметил, что каждое из государств-членов БРИКС и ШОС имеет собственную национальную миграционную политику, которая опирается на национальные интересы, а в рамках миграционного сотрудничества между данными странами преобладают двусторонние международные договоры.

Андрей Алексеевич Лунёв, преподаватель кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, посвятил свое выступление основным правам юридических лиц в системе международной защиты прав человека. Андрей Алексеевич подчеркнул, что реализация юридическими лицами собственных прав в рамках системы защиты прав человека пока ограничивается европейским уровнем. Африканские и межамериканские правозащитные институты, а также, например, Комитет по ликвидации расовой дискриминации предоставляют юридическим лицам лишь право на обращение в защиту третьих лиц, но не возможность защищать собственные права.

Ирина Владимировна Хмиль, специалист отдела по организации научной и редакционно-издательской деятельности Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, сделала доклад на тему «Регионально-правовые ценностные стандарты права на образование. К вопросу о роли патриотизма». В частности, было указано, что в современном обществе утвердилась концепция космополитизма, а происходящие глобализационные процессы приводят к взаимопроникновению во многие государства определенных ценностей, приоритетов и взглядов. Более того, к примеру, в европейском обществе считается, что патриотизм несовместим с идеей о европейской консолидации.

Ангелина Сергеевна Чернядьева, студент Крымского филиала Российского государственного университета правосудия, рассказала о реализации права человека на спорт в рамках ЕАЭС. Ангелина Сергеевна сообщила, что сотрудничество в области спорта на уровне данной международной организации в настоящее время активно развивается, в том числе продолжается работа над созданием альтернативных спортивных площадок, где могли бы соревноваться представители как государств-членов ЕАЭС, так и стран, не входящих в данную организацию.

Валерия Викторовна Пчелинцева, аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России, осветила особенности и перспективы международного сотрудничества стран БРИКС в сфере вынужденной миграции. Было отмечено, что международно-правовое сотрудничество стран БРИКС основывается на солидарности и поиске взаимных интересов и ключевых приоритетов для разрешения проблемы вынужденной миграции.

Наконец, Виталий Вячеславович Мельник, аспирант Высшей школы права Балтийского федерального университета им. И. Канта, рассмотрел роль ЕАЭС в противодействии пандемиям. Виталий Вячеславович подчеркнул особую роль и ответственность интеграции на евразийском пространстве с точки зрения борьбы с угрозами здоровью, подобными недавней пандемии.

В завершение мероприятия модераторы отметили высочайший уровень выступлений, высказали идеи дальнейшего сотрудничества и поблагодарили участников конференции.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 04.03.24.
Уч.-изд. л. 7,50. Объем 2,42 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит